РФ
А92

Проф. З. В. АТЛАС

ИНФЛЯЦИЯ И ВАЛЮТНЫЙ КРИЗИС В АНГЛИИ

ГОСФИНИЗДАТ – 1949

АКАДЕМИЯ НАУК СССР — ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

РФ
А 92

Проф. З. В. АТЛАС

ИНФЛЯЦИЯ И ВАЛЮТНЫЙ КРИЗИС В АНГЛИИ

ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПОСТУПИЛО
12 23 1954
Биб
16 МАР 1954
ПРОВЕРЕНО

ГОСФИНИЗДАТ • 1949 • МОСКВА

ОТ АВТОРА

Настоящий очерк, посвященный характеристике послевоенного денежного обращения и внешнего валютного положения Англии в связи с финансовой политикой лейбористского правительства, был написан нами в 1948 г. В частности, мы оперировали сметой госбюджета Англии на 1948/49 г. и материалами, характеризующими острую классовую борьбу в связи с этим бюджетом. Новейшие данные и факты, опубликованные в печати за период издания книги с конца 1948 по сентябрь 1949 г., не меняют той характеристики послевоенного денежного обращения Англии и оценки финансовой и экономической политики лейбористского правительства, которые даны в тексте. Некоторые из этих данных и фактов, в частности по бюджету 1949/50 г. и исполнению бюджета за 1948/49 г., по платежному балансу за весь 1948 г. и перспективам этого баланса на 1949 г., а также о девальвации английского фунта стерлингов в сентябре 1949 г., мы приводим отчасти в тексте, но главным образом в конце книги—в послесловии.

В составлении статистических таблиц и проверке литературных источников автору оказывала помощь младший научный сотрудник Е. И. Бирюкова.

---

146 рф
Финансовая Академия
при Правительстве
Российской Федерации
БИБЛИОТЕКА

ПРОВЕРЕНО

Громадные колониальные владения и монополия на мировом рынке являлись двумя крупными отличительными чертами английского капитализма. Но уже в последней четверти XIX в. монополия Англии как промышленной державы была подорвана. „Сначала Англия,—писал Ленин,—стала, раньше других, капиталистической страной и, к половине XIX века, введя свободную торговлю, претендовала на роль „мастерской всего мира", поставщицы фабрикатов во все страны, которые должны были снабжать ее, в обмен, сырыми материалами. Но *эта* монополия Англии уже в последней четверти XIX века была подорвана, ибо ряд других стран, защитившись „охранительными" пошлинами, развились в самостоятельные капиталистические государства" [1].

Однако Англия долгое время сохраняла свое колониальное господство и свои империалистические позиции как международного торгового и финансового центра. Ее валюта—фунт стерлингов—была золотой валютой и монопольно выполняла роль орудия международных расчетов.

Английский финансовый капитал через систему своих банков-гигантов опутал тысячами нитей весь земной шар: „Англия,—писал Ленин,—государство, которое владеет большею частью земного шара, государство, которое стоит на первом месте по богатству, которое создало это богатство не столько трудом своих рабочих, но, главным образом, эксплуатацией необъятного количества колоний, необъятной силой английских банков, сложившихся, во главе всех остальных банков, в ничтожную по числу—каких-нибудь три, четыре, пять—группу банков-гигантов, распоряжающихся сотнями миллиардов рублей и распоряжающихся ими так, что без всякого преувеличения можно сказать: нет кусочка земли на всем земном шаре, на который этот капитал не наложил бы свою тяжелую руку, нет кусочка земли, который не был бы опутан тысячами нитей английского капитала... Вот основное в экономической политике Англии..." [2].

[1] Ленин, Соч., т. XIX, 3-е изд., стр. 120.
[2] Ленин, Соч., т. XXX, 3-е изд., стр. 336.

Первая мировая война, положившая начало общему кризису капитализма, серьезно ослабила империалистические позиции Англии.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала громадное влияние на весь колониальный мир. Национально-освободительное движение колониальных народов после Октябрьской революции означало, что в колониях пришли в движение мощные народные силы, готовые к борьбе за свое освобождение от ига империализма.

Англия потеряла свыше четверти своих заграничных, главным образом колониальных, капиталовложений; более чем в два раза сократился ее внешнеторговый оборот, значительно упал ее удельный вес в морском тоннаже. Лондон утратил монополию международного финансового центра, поскольку таким центром стал также и Нью-Йорк. В международном торговом и финансовом обороте английский фунт стерлингов стал оттесняться американским долларом.

Важным последствием первой мировой войны было ослабление позиций Англии в колониях, рост в последних собственного капитализма, который стал конкурировать с монополистическим капиталом метрополии.

Исторически сложившийся колониальный характер английского империализма, естественно, означал усиленный вывоз капиталов в колонии, который—по ленинской характеристике—является паразитизмом в квадрате.

Огромный по своим размерам вывоз капитала означал ограничение капиталовложений внутри страны и был одной из важнейших причин отставания уровня промышленного развития Англии от других стран, быстро развивающих свою промышленность. Как указывал Ленин, неравномерность развития капитализма в эпоху империализма „... проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран (Англия)".

Загнивание и паразитизм, свойственные империализму, нашли свое яркое проявление в развитии английской экономики в условиях общего кризиса капитализма. Между первой и второй мировыми войнами уровень развития английской промышленности редко подымался выше уровня 1913 г., а в большинстве случаев был значительно ниже его. Массовая и хроническая безработица, недогрузка производственных мощностей, депрессивное состояние промышленности характерны для экономического развития Англии после первой мировой войны.

С 1929 г. на Англию обрушились удары мирового экономического и валютно-финансового кризиса. Несмотря на отчаянные попытки правительства спасти английскую валюту от обесценения, в 1931 г. потерпел крушение золото-слитковый стандарт в Англии: фунт стерлингов, превратившись в неразменную на золото валюту, резко обесценился. В этих условиях английское правительство стало на путь использования обесценения своей валюты для конкурентной борьбы на мировом рынке против других империалистических государств.

В результате мирового экономического кризиса 1929—1932 гг. Англия делает резкий поворот в сторону протекционизма, создавая

систему внутриимперских преференциальных тарифов. Она всемерно стремится спасти свою колониальную систему, сохранить господство в странах Британской империи. Этой цели и служит создание системы преференциальных тарифов и стерлингового блока.

Промышленный застой в течение ряда лет, хроническая безработица и, наконец, сильнейшие экономические кризисы, естественно, привели к обострению внутреннего политического положения, к усилению классовой борьбы, к росту стачечного движения, что нашло яркое выражение во всеобщей стачке английских рабочих в 1926 г., преданной и сорванной их вождями.

Таковы основные особенности положения британского империализма в период общего кризиса капитализма до начала второй мировой войны.

В результате второй мировой войны капиталистическая система понесла новый серьезный урон: от нее отпал ряд стран центральной и юго-восточной Европы. Неизмеримо возрос международный авторитет СССР, вокруг которого объединились демократические прогрессивные силы всего мира. Этому сопутствовало существенное изменение расстановки сил в капиталистическом мире. „Из шести так называемых великих империалистических держав (Германия, Япония, Англия, США, Франция, Италия) три выбыли в результате военного разгрома (Германия, Италия, Япония). Франция также ослабла и потеряла своё былое значение как великая держава. Таким образом, остались только две „великих" мировых империалистических державы—Соединённые Штаты и Англия. Но у одной из них, у Англии, позиции оказались подорванными. Во время войны английский империализм показал себя ослабленным в военном и политическом отношениях. В Европе Англия оказалась бессильной перед лицом германской агрессии. В Азии крупнейшая империалистическая держава—Англия—не сумела собственными силами удержать за собой свои колониальные владения. Потеряв временно свои связи с колониями, снабжавшими метрополию продовольствием и сырьём и поглощавшими значительную часть её промышленной продукции, Англия оказалась в военно-хозяйственной зависимости от американских продовольственных и промтоварных поставок, а по окончании войны стала возрастать финансово-экономическая зависимость Англии от США" [1].

Одним из важнейших последствий второй мировой войны является обострение кризиса колониальной системы, мощный подъем национально-освободительного движения в колониях и зависимых странах. Неравномерность развития капитализма еще более усилилась: „Будучи порождением неравномерности развития капитализма в отдельных странах, война привела к дальнейшему обострению этой неравномерности. Из всех капиталистических держав только одна капиталистическая держава — США—вышла из войны не ослабленной, а

[1] Из доклада товарища А. Жданова „О международном положении". Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., изд. 1948 г., стр. 16.

значительно усилившейся как в экономическом, так и в военном отношении" [1].

Англия же, наоборот, вышла ослабленной из войны, хотя это отнюдь не помешало английским капиталистам нажиться на войне.

Вторая мировая война со всей силой выявила отсталость английской промышленности. Вместе с тем Англия утратила значительную долю—по одним расчетам $^1/_4$, а по другим—30% своих заграничных капиталовложений. Серьезное значение для ослабления позиций британского империализма имело возникновение в результате войны крупной внешней задолженности Англии в форме так называемых „замороженных иностранных авуаров" (т. е. принадлежащих иностранцам средств) в сумме около 2,9 млрд. ф. ст. В то же время Англия использовала эту задолженность для закрепления за собой колониальных рынков. Наконец, Англия утратила часть золотых запасов и потеряла часть торгового флота. Все это имело своим последствием серьезный рост пассивности английского платежного баланса.

В этих условиях, пользуясь демагогическими избирательными лозунгами о „социальных реформах", маскируясь в тогу социалистов и обещая своим избирателям укрепить дружбу между Англией и СССР, пришли к власти лейбористы, создавшие правительство, возглавляемое Эттли и Бевиным: „ . . . миллионы . . . „простых людей",— как указывал товарищ Сталин,—забаллотировали в Англии г. Черчилля и его партию, отдав свои голоса лейбористам" [2]. Однако лейбористское правительство обмануло надежды трудящихся, ибо оно в действительности поставило своей целью спасти от краха английский капитализм и отвоевать, елико возможно, империалистические позиции, утраченные Англией в результате двух мировых войн.

Хотя США являются важнейшим конкурентом Англии и смертельно угрожают ее империалистическим позициям, тем не менее лейбористское правительство заключило союз с реакционным правительством США: „В союзе с США находятся Англия и Франция, причём наличие лейбористского правительства Эттли—Бевина в Англии и социалистического правительства Рамадье во Франции не препятствует Англии и Франции во всех основных вопросах итти в русле империалистической политики США в качестве их сателлитов" [3].

Очутившись в столь незавидном положении, английское правительство, тем не менее, стремится, хотя бы частично, отстоять свои собственные империалистические интересы, сталкивающиеся с такими же интересами США. Однако американский экспансионистский курс рассчитан, в конечном счете, и на уничтожение Британской империи, на превращение самой Англии в „49-й штат Америки". США стре-

[1] Из доклада товарища А. Жданова „О международном положении". Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., изд. 1948 г., стр. 17.

[2] И. В. Сталин, Интервью с корреспондентом „Правды" относительно речи г. Черчилля, 1946 г., стр. 12.

[3] Там же, стр. 22—23.

мятся распространить экспансионистский курс своей внешней политики „...не только на вчерашних военных врагов или на нейтральные государства, но и во всё большей степени на военных союзников США.

Специальное внимание при этом уделяется использованию экономических затруднений Англии — союзника и вместе с тем давнишнего капиталистического соперника и конкурента США. Американский экспансионистский курс исходит из того, что следует не только не выпускать Англию из экономических тисков зависимости от США, которая установилась во время войны, а, наоборот, усиливать нажим на Англию с тем, чтобы постепенно отобрать у неё контроль над колониями, вытеснить Англию из её сфер влияния и низвести на положение вассальной державы“ [1].

Послевоенное финансовое положение Англии, как внутреннее, так и внешнее, ярко отражает серьезное обострение кризиса британского империализма в результате второй мировой войны.

Современная финансовая и кредитно-денежная политика английского лейбористского правительства в первую очередь обусловлена тем фактом, что „правящие круги Соединенных Штатов и Великобритании перешли к откровенно агрессивному политическому курсу, конечной целью которого является насильственное установление англо-американского мирового господства, чему и соответствует проводимая ими политика агрессии, политика развязывания новой войны“ [2].

Идеологическим оружием агрессивной политики англо-американского блока является пропаганда космополитизма. Английский и американский империализм выступает против национальной независимости и национального суверенитета, проповедуя идею так называемого „всемирного правительства“. Эта проповедь „всемирного правительства“ является не чем иным, как прикрытием политики англо-американского господства над миром.

Пропаганда „всемирного правительства“ используется, как указывал товарищ Жданов, „... не только как средство давления в целях идейного разоружения народов, отстаивающих свою независимость от посягательств со стороны американского империализма, но и как лозунг, специально противопоставляемый Советскому Союзу, который неустанно и последовательно отстаивает принцип действительного равноправия и ограждения суверенных прав всех народов, больших и малых“ [3]. Космополитизм — это чисто буржуазная и глубоко реакционная идеология. Еще Маркс указывал, что патриотизм буржуазии „... выродился в чистое притворство с тех пор, как ее финансовая, торговая и промышленная деятельность приобрела космополитический характер“ [4].

[1] Из доклада товарища А. Жданова „О международном положении“. Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., изд. 1948 г., стр. 19—20.

[2] Заявление Министерства иностранных дел СССР о Северо-Атлантическом пакте, „Правда“ от 29/I 1949 г.

[3] Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., стр. 34.

[4] „Архив Маркса и Энгельса“, т. III (VIII), стр. 355.

Для современной финансовой олигархии космополитизм служит прикрытием политики империалистических захватов, закабаления других народов. Он используется для подавления революционного движения, для подготовки новой мировой войны, направленной на установление мирового господства англо-американского блока.

Эта политика англо-американского блока находит свое выражение и во внутреннем финансово-экономическом положении Англии и в ее внешних финансово-экономических связях.

Лейбористское правительство является на деле правительством монополистического капитала Англии, ибо только монополиям выгодна военно-инфляционная конъюнктура, связанная с ростом вооружений. Только монополистический капитал Англии желает войны, надеясь таким путем разрешить кризис британского империализма, хотя именно мировые войны, явившиеся результатом действия закона неравномерности капиталистического развития при империализме, довели этот кризис до крайнего обострения. Лейбористское правительство в классовой борьбе рабочих и капиталистов активно защищает интересы последних. Вполне естественно, что и этим кардинальным фактом также определяется сущность финансовой и кредитно-денежной, как и всей вообще экономической политики лейбористского правительства. Анализ материалов, приводимых в работе, показывает, что дела лейбористского правительства в важнейших вопросах прямо противоположны их словам—тем их обещаниям, на которые они были столь щедры перед приходом к власти. На словах они пекутся об интересах рабочих, они демократы и даже социалисты, а на деле они выступают в качестве верных слуг монополистического капитала, врагов рабочего класса.

Наконец, финансовая и кредитно-денежная политика лейбористского правительства определяется также и тем фактом, что образование различных группировок вне организации Объединенных наций под эгидой США и подписание соответствующих пактов „... еще не ликвидирует тех многочисленных трений и противоречий, которые существуют в жизни между странами, подписавшими эти пакты. Даже внутри англо-американского блока появление этих пактов отнюдь не уменьшает противоречий между главными партнерами, поскольку агрессивные стремления обеих держав сталкиваются друг с другом на каждом шагу“ [1]. В борьбе английского фунта и американского доллара, в столкновении интересов валютной и торговой политики Англии и США (см. гл. 2) особенно ярко сказываются противоречия двух основных партнеров англо-американского блока.

Рассматриваемые в этой работе вопросы инфляции и внешнего валютного кризиса в Англии теснейшим образом связаны с финансовой и экономической политикой лейбористского правительства, обусловленной указанными выше фактами и имеющей столь тяжелые последствия для трудящихся масс Англии.

---

[1] Заявление Министерства иностранных дел СССР о Северо-Атлантическом пакте, „Правда“ от 29/I 1949 г.

Глава 1

ПОСЛЕВОЕННАЯ ИНФЛЯЦИЯ В АНГЛИИ И ВНУТРЕННЯЯ ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ЛЕЙБОРИСТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

1. Финансово-экономические последствия второй мировой войны для Англии

Война имела серьезные финансово-экономические последствия для Англии.

Следует прежде всего отметить образование в годы войны огромного бюджетного дефицита, который в 1941—1945 гг. составлял ежегодно 2,7—2,8 млрд. ф. ст. в год, или 47—57% всего объема государственного бюджета соответствующих лет. Этот огромный бюджетный дефицит непосредственно покрывался выпуском государственных займов, косвенно же в значительной своей части дефицит покрывался *выпуском бумажных денег и приростом банковских платежных средств,* поскольку банки на эти средства закупали большие массы государственных долговых обязательств. Так, у одного лишь Английского банка портфель государственных ценных бумаг в эмиссионном департаменте возрос с 203 млн. ф. ст. в 1938 г. до 1 076 млн. ф. ст. в 1946 г., т. е. в 5 раз.

Что же касается портфеля государственных обязательств коммерческих банков (11 клиринг-банков), то его можно определить, во-первых, по изменению суммы их инвестиций, которые в этот период полностью представляли собой вложения в государственные ценные бумаги, и, во-вторых, по сумме так называемых казначейских депозитных свидетельств, которые представляли собой краткосрочные займы банков казначейству. По сводному балансу одиннадцати банков их вложения в эти статьи за указанный выше период возросли на 2 460 млн. ф. ст. и составляли в результате войны в 1946 г. 67% их депозитов. Следовательно, не менее $^2/_3$ ресурсов самых крупных английских банков оказались увязанными в операции по финансированию казначейства (финансирование казначейства проводилось и посредством других операций, например через учет векселей). В целом же увеличение портфеля гособязательств у Англий-

ского банка и 11 коммерческих банков составило 3 715 млн. ф. ст., или 26% прироста внутреннего государственного долга за годы войны.

Огромный рост денежных средств на вкладах и текущих счетах капиталистов в банках отражает тот факт, что капиталисты не только не понесли жертв, но, напротив, обогатились на войне. Возросшие налоги не помешали образованию у капиталистов во время войны крупных денежных накоплений, которые хлынули в банки. А коалиционное правительство, т. е. консерваторы вкупе с лейбористами, не решились изъять для финансирования войны (например, путем введения серьезного налога на капитал) эти порожденные военной конъюнктурой накопления, сконцентрированные в банках. Средства эти привлекались в казну главным образом в порядке обычных коммерческих займов с уплатой процентов. Вследствие этого за время войны сильно возрос государственный долг, что видно из следующей таблицы [1]:

Виды долгов	На июнь 1939 г. (в млн. ф. ст.)	На июнь 1945 г. (в млн. ф. ст.)	Рост госдолга (в млн. ф. ст.)	Госдолг на июнь 1945 г. в % к госдолгу на июнь 1939 г.
1. Внутренний государственный долг . . .	7 284	21 739	14 455	298
В том числе:				
а) консолидированный	6 209	15 242	9 033	245
б) текущий . . .	1 075	6 497	5 422	604
2. Внешний государственный долг . . .	1 032 [2]	1 264 [2]	232	123
Весь государственный долг	8 316	23 003	14 687	277

Увеличение внутреннего государственного долга на колоссальную сумму в 14 455 млн. ф. ст., или в три раза, означало соответственное увеличение для трудящихся бремени государственных расходов по уплате процентов и погашению этого долга.

При этом неконсолидированный (текущий) долг возрос в значительно бо́льших размерах, чем консолидированный, а *именно в 6 раз*, в то время как консолидированный—в 2,5 раза.

В приведенной таблице отражена лишь незначительная часть внешнего государственного долга. Прирост внешнего государствен-

[1] По данным „Monthly Bulletin of Statistics", 1945, № 10.

[2] Внешний государственный долг на июнь 1939 г. и июнь 1945 г. в сумме 1 032 млн. ф. ст.—это долг, возникший в результате первой мировой войны, который Англия фактически не признает и не оплачивает.

ного долга за период второй мировой войны происходил главным образом не в форме заключения обычного рода внешних займов, но путем получения Англией у своих колоний и зависимых стран этих займов *в принудительном порядке*.

Дело в том, что содержание английских вооруженных сил в указанных странах, оплата импортируемых из этих стран материалов и другие расходы производились правительствами соответствующих стран по поручению и за счет английского правительства. Причитающиеся за эти расходы суммы английское правительство переводило за счет госбюджетных ассигнований в Английский банк в пользу этих стран. Однако в силу валютных ограничений эти стерлинги не разрешалось переводить их владельцам и таким образом они оказались „замороженными". Поэтому, хотя эти так называемые „стерлинговые авуары" не отражаются в официальных данных о внешнем правительственном долге, они фактически представляют собой внешний государственный долг Англии (часть этих сумм помещена в казначейские векселя, приносящие незначительный процент).

Эмиссия банкнот Английского банка и увеличение банковских платежных средств (текущих счетов коммерческих банков) за годы войны использовались главным образом для приобретения банками всякого рода государственных займов и текущих обязательств государственного казначейства. Это значит, что эмиссия бумажных денег и банковских платежных средств, имеющая такого рода назначение и такое „обеспечение", фактически использовалась для покрытия бюджетного дефицита. Естественно, что такая эмиссия бумажных денег носила инфляционный характер. Инфляция представляет собой переполнение каналов обращения представителями денег сверх потребностей обращения в действительных деньгах (золотых монетах), что оказывается возможным лишь после так называемой „отмены золотого стандарта", т. е. прекращения размена бумажных знаков на золото. Однако это—лишь внешняя сторона инфляции. Суть ее заключается в том, что через механизм обесценения денег в прямой или скрытой форме происходит перераспределение народного дохода и общественного богатства в пользу господствующих эксплоататорских классов. Таким образом, инфляция является методом дополнительной эксплоатации рабочего класса и экспроприации мелких собственников.

Мы не имеем возможности сопоставить данные об эмиссии денежных знаков с динамикой объема производимой продукции и товарооборота за время войны, так как индексов промышленной продукции за эти годы Англия не публиковала. Опубликованы лишь данные о национальном доходе, который в 1938 г. составлял 4 707 млн. ф. ст., а в 1945 г.—8 355 млн. ф. ст.[1]; следовательно, национальный доход Англии возрос за годы войны на 77,5%. В то же время среднегодовые оптовые цены в 1945 г. были на 66,7%

[1] „Monthly Bulletin of Statistics", December 1948, p. 122.

выше, чем в 1938 г.[1]. Если исчислить национальный доход 1945 г. в ценах 1938 г., то рост его составит только 7%. Учитывая же, что индекс цен далеко не полностью отражает действительный рост цен, нужно полагать, что вряд ли имел место вообще рост национального дохода в реальном выражении. Между тем денежная масса возросла за годы войны в 2,8 раза, государственный долг — в 3 раза, текущий государственный долг — в 6 раз, государственные ценные бумаги в портфеле Английского банка — в 5 раз.

Инфляция наличных денег служила базой для инфляции банковских платежных средств, которая также порождалась нуждами финансирования войны. Во-первых, банковские депозиты раздувались в связи с тем, что правительство расплачивалось со своими поставщиками чеками на Английский банк, которые предъявлялись поставщиками для зачисления на свои счета в коммерческих банках, где соответственно возрастали депозиты клиентов в пассиве, а „наличность" и „счет в Английском банке" — в активе. Во-вторых, инфляция бумажных денег создавала дополнительный приток наличности в коммерческие банки, на базе которой они могли создавать новые фиктивные депозиты и расширять свои активы путем приобретения как краткосрочных обязательств, так и долгосрочных облигаций казначейства.

В связи с этим резко изменилась структура активов английских банков. В государственные ценные бумаги и в так называемые „депозитные квитанции казначейства", которые представляли собой шестимесячные ссуды банков казначейству, было вложено к концу войны 64% всех банковских депозитов против 27% перед войной. Наконец, изменилась структура и той части активов, которая представляла собой кредитование частных предприятий, так как в соответствии с указаниями Английского банка коммерческие банки с начала войны проводили политику сокращения кредитования невоенных отраслей промышленности и расширили кредитование военных отраслей.

Таким образом, как перестройка активов банков, так и рост банковских депозитов за время войны имели специфический военно-инфляционный характер.

Последствием типично инфляционного разрыва между динамикой массы денежных средств и реальным объемом народного дохода, а, следовательно, также и товарной продукции страны, было обесценение английской валюты. Однако это обесценение получило лишь очень незначительное выражение в изменении официального валютного курса фунта стерлингов.

Правда, в начале войны курс английского фунта довольно резко упал. В мае 1940 г. курс фунта на свободном рынке в Нью-Йорке дошел до 327 центов против 488,9 цента перед войной (средний курс за 1938 г.), следовательно, фунт упал на 33%. Официальный

---

[1] „Monthly Digest of Statistics", November 1948, p. 123.

же курс фунта был установлен на уровне $4{,}02^1/_2 - 4{,}03^1/_2$ долларов. Позднее свободные сделки с фунтами были полностью запрещены, и официальный курс английского фунта оставался в течение всей войны на указанном выше уровне.

Правительство запретило свободный ввоз и вывоз иностранной валюты и золота, поставив все валютные сделки и весь внешнеторговый оборот и расчеты по внешней торговле под государственный контроль. Официальный курс фунта был установлен на 18% ниже среднего курса фунта за 1938 г.

Во время войны весь золотой запас, обеспечивающий банкноты Английского банка, был изъят у последнего и передан правительственному уравнительному валютному фонду. На уравнительный валютный фонд были возложены функции мобилизации в распоряжение правительства иностранных ценных бумаг, принадлежащих частным лицам. В связи с изъятием золота *впервые в истории Англии банкноты* Английского банка, некогда обеспеченные на 100% золотом (за исключением 14 млн. ф. ст.), оказались *вовсе лишенными золотого обеспечения*. Мероприятие это на деле отнюдь не оказалось лишь временной, чисто военной мерой, ибо до сих пор против 1 300 млн. ф. ст. выпущенных в обращение банкнот Английского банка значится лишь символическое обеспечение этой суммы золотом в размере 247 тыс. ф. ст.

Установив фиксированный курс стерлинга по всем контролируемым государством внешневалютным операциям, правительство в то же время пыталось „заморозить" также и цены, установив предельные цены большинства товаров. Однако происшедшее на первом этапе военных действий значительное падение курса фунта стерлингов вызвало соответственное повышение цен на импортируемые товары. Чтобы обеспечить осуществление политики стабилизации официального индекса стоимости жизни, правительство выдавало крупные субсидии предпринимателям, компенсируя рост себестоимости товаров из государственного кармана на основе соответствующих калькуляций. Государственные субсидии для поддержания фиксированных цен составляли 200 млн. ф. ст. в последнем году войны, а по окончании войны—в 1946/47 г.—составили 370 млн. ф. ст.[1]

В то же время на предметы роскоши и на многие другие товары, которые не были отнесены к предметам первой необходимости (conventional necessity), цены могли устанавливаться бесконтрольно, в соответствии со спросом-предложением. Цены на эти товары значительно поднялись[2].

Хотя осуществляемые правительством меры в области контроля за ценами отчасти сдерживали и маскировали обесценение денег, тем не менее инфляция все же проявилась также в снижении покупательной силы денег. Значительно поднялись цены не только на

---

[1] „The Economist", March 1947, p. 424–425.

[2] Сборник „The Curbing Inflation Through Taxation", Tax Institute, New York, 1944, p. 210.

неконтролируемые товары, но и на товары, контролируемые государством, производителям которых выдавались субсидии. Так, индекс оптовых цен к концу войны, на август 1945 г., составил 168,4 (август 1939 г. = 100), а индекс цен основных материалов на ту же дату—202,9. Однако официальный индекс цен не учитывает, во-первых, снижения качества продукции во время войны, во-вторых, продажи контролируемых товаров на так называемом „черном рынке" по значительно повышенным ценам и, в-третьих, роста цен на неконтролируемые товары. Если же все это учесть, то окажется, что обесценение стерлинга было гораздо более значительным, чем об этом можно судить по официальному индексу.

Правительство Англии принимало меры для борьбы с инфляцией путем мобилизации средств населения и промышленности различными способами, стараясь при этом возможно большую долю военных расходов покрыть за счет налогов. Основную тяжесть этих антиинфляционных мер правительство с самого начала войны взвалило на плечи трудящихся, и даже сам министр финансов Англии того периода, Кингсли Вуд, признал в одной своей речи, произнесенной еще в июле 1940 г., что проводимое правительством повышение налогов „бьет по мелкому люду".

Это выразилось в том, что правительство резко расширило круг лиц, облагаемых основным подоходным налогом, путем снижения прожиточного необлагаемого минимума, значительно повысило обложение лиц с низкими трудовыми доходами, сократило льготы женатым и т. д. Ставка основного подоходного налога пересматривалась несколько раз в течение войны и в 1943 г. была доведена до 50% дохода.

В то же время был повышен и дополнительный подоходный налог, которым облагаются крупные доходы. С доходов свыше 50 тыс. фунтов в год взималось с каждого фунта 10 шиллингов основного налога и 9 шиллингов 6 пенсов дополнительного налога, т. е. в общей сложности 19 шиллингов 6 пенсов, или $97^1/_2\%$ всей суммы дохода. Однако это обложение скорее представляло собой демагогический жест, чем реальную финансовую меру. При наличии неограниченных возможностей „разукрупнения" доходов в условиях коммерческой тайны, позволяющей укрывать эти доходы, и при прочей балансовой эквилибристике крупные доходы фактически ускользали от обложения. Об этом убедительно говорит тот факт, что дополнительный подоходный налог, несмотря на большое увеличение ставок, дал ничтожно малый прирост поступлений в казну, а именно: по этому налогу в 1938/39 г. было собрано 62,5 млн. ф. ст., а в 1944/45 г.—73,5 млн. ф. ст., т. е. доход казны по этому налогу возрос всего на 11 млн. ф. ст., или на 18%. Итак, „гора родила мышь": чуть ли не стопроцентное изъятие крупных доходов в бюджет на деле оказалось обманом народа со стороны „национального правительства"—консерваторов вкупе с лейбористами.

Во время войны был также введен налог на сверхприбыль, ставка которого была доведена до 100%, с обещанием возврата

20% изъятой прибыли капиталистам по окончании войны. Однако и сокрытие военной сверхприбыли легко удавалось капиталистам. Наиболее простой способ — это попросту не показать ее на балансе, что можно, например, сделать установлением повышенных амортизационных отчислений, к чему органы фиска относились весьма терпимо. Так, например, „Имперский химический трест", получивший огромные военные прибыли, увеличил свой амортизационный фонд с 6 890 тыс. ф. ст. по балансовому отчету 1941 г. до 9 773 тыс. ф. ст. в 1943 г., т. е. за 2 года накопил по этому фонду 2 883 тыс. ф. ст.

Между тем поступления по основному подоходному налогу, охватывающему широкие слои трудящихся (подавляющая масса английских налогоплательщиков имеет доход, не превышающий 500 ф. ст. в год), увеличились с 335,9 млн. ф. ст. в 1938/39 г. до 1 390,0 млн. ф. ст. в 1944/45 г., или более чем на миллиард фунтов, что дает прирост по сравнению с 1938/39 бюджетным годом на 313%. Одновременно резко повышены косвенные налоги (таможенные пошлины и акцизы), в особенности на предметы широкого потребления—сахар, табак, масло, пиво и др. Поступления по таможенным пошлинам возросли за период войны с 226,3 млн. ф. ст. до 579,4 млн. ф. ст., или на 156%, а поступления по акцизам— со 114,2 млн. ф. ст. до 497 млн. ф. ст., или на 335%. Кроме того, был введен новый универсальный косвенный налог, а именно—налог с продажи, в размере от $16^2/_3$ до 100% оптовой цены (от этого налога были освобождены предметы продовольствия, книги и старые вещи).

Таким образом, главная тяжесть налогового обложения в годы войны падала на плечи трудящихся. Даже по данным официальной статистики, рост прибылей и процентов за годы войны был выше среднего роста национального дохода в целом и доходов рабочих и служащих. Впрочем, достаточно сопоставить только две цифры— 18% прироста дополнительного подоходного налога, взимаемого только с богачей, и 291% прироста основного подоходного налога, который уплачивало во время войны все население и, следовательно, все трудящиеся, чтобы понять *классовое содержание денежной и финансовой политики коалиционного правительства военного времени. Содержанием этой политики было обеспечение прибылей монополий и взваливание всей тяжести налогов на плечи трудящихся. Эту политику проводили и лейбористы, участвовавшие в правительстве. От нее они не отказались и после войны, когда они сформировали свое правительство.*

2. Бюджетные дефициты, рост государственного долга и усиление инфляции после войны

Вся идеология и политическая линия лейбористской партии, равно как и практическая деятельность двух лейбористских правительств—1923—1924 гг. и 1929—1931 гг., давали все основания предполагать, что и третье лейбористское правительство не совер-

шит никакого переворота в капиталистической экономике и в ее финансовой и денежно-кредитной системе. Впрочем, лейбористы и не собирались этого делать. Хотя они на словах пропагандируют некий „третий путь", в отличие и от капиталистического и от социалистического пути, в действительности они придерживаются одного единственного пути — капиталистического. Лейбористы не имеют какой-либо собственной финансовой и вообще экономической теории: воспринимая современные вульгарные буржуазные теории, они на деле лишь предлагают различные меры „регулирования капитализма" в целях его оздоровления и укрепления, а следовательно, увековечивания системы капиталистической эксплоатации.

В реформистских концепциях и реформистской политике всегда очень большое внимание уделяется регулированию сферы обращения, ибо такое „регулирование" как раз и позволяет, сохраняя неизменными самые основы капиталистического способа производства, создавать иллюзии „контроля", „планирования" экономики. Вот почему правое лейбористское руководство ухватилось за новейшие буржуазные финансовые и денежно-кредитные теории, и в особенности за теорию Кейнса, и за вытекающие из них меры финансово-экономической политики, которые, по мнению Кейнса, Бевериджа, Моультона и др., являются важнейшим средством укрепления и спасения капитализма.

В лейбористской литературе, например в книге Роуса „Мистер Кейнс и лейбористское движение", прямо утверждается, что теория Кейнса целиком и полностью, именно — в каждом своем пункте, соответствует лейбористской политике. Рассуждения и практические предложения лейбористского теоретика Коля в самом главном совпадают с вульгарной и апологетической концепцией Кейнса, которой Коль лишь стремится придать социалистическую внешность. В действительности, теория Кейнса — теория, защищающая интересы монополистической буржуазии. Сам Кейнс считал, что его теория вполне подходит для фашистского „корпоративного государства", которое, как известно, представляет собой террористическую диктатуру монополистического капитала.

Вульгарные теории государственного „регулирования" капитализма через сферу обращения получили широкое распространение в ходе и в результате мирового экономического кризиса 1929—1932 гг. и депрессии особого рода. Теоретики этого направления оправдывают огромную и хроническую дефицитность государственных бюджетов, доказывая, что колоссальный рост государственной задолженности якобы не представляет ничего опасного и вредного для буржуазного хозяйства. Они предлагают использовать налоговый рычаг, процентную ставку, операции с ценными бумагами, государственное финансирование инвестиций (капиталовложений) и общественных работ и, наконец, манипулирование курсом валюты в качестве инструментов „планирования" и „регулирования капитализма" в целях обеспечения так называемой „полной занятости", т. е. ликвидации безработицы и устранения кризисов. Излишне доказывать абсолют-

ную беспочвенность всех этих рецептов врачевания капитализма, которые в современных условиях носят глубокореакционный характер. Уже давным-давно доказано, что „... недуг буржуазного общества нельзя излечить „преобразованием" банков или основанием рациональной „денежной системы" („Архив Маркса и Энгельса", т. IV, стр. 41). Известно, что всякого рода практические опыты в этом направлении, как, например, „регулирование" конъюнктуры рынка в США через Федеральную резервную систему, неизменно оканчивались провалом.

Как известно, Беверидж в своей книге „Полная занятость в свободном обществе" на основе теории Кейнса развивал идею „социализации спроса" [1], т. е. государственного регулирования и стимулирования спроса на товары, противопоставляя ее идее „социализации производства". Именно идея „социализации спроса" особенно импонировала право-лейбористской идеологии. Беверидж предлагал отказаться от принципа обязательного балансирования бюджета, рекомендовал политику „дешевого кредита", налоговых льгот капиталистам в целях стимулирования капиталовложений.

Основные принципы финансовой политики лейбористов были выдвинуты еще существовавшим в годы войны коалиционным правительством, возглавлявшимся Черчиллем. Как известно, в это правительство входили лейбористы, в том числе и лидеры нынешнего лейбористского правительства—Эттли, Бевин, Моррисон. Это коалиционное правительство в мае 1944 г. представило парламенту Белую книгу по вопросу о борьбе с безработицей, в которой развивалась идея о том, что в целях поддержания высокого и стабильного уровня занятости необходимо проводить такую политику, чтобы при спаде конъюнктуры инвестиции (капиталовложения) интенсивно расширялись, а при подъеме сокращались или вовсе прекращались.

В этой же Белой книге правительство ратовало и за другую модную вульгарную финансовую теорию, заключающуюся в том, что государство отнюдь не должно стремиться ежегодно балансировать бюджет. Вполне достаточно, если бюджеты будут балансироваться в течение ряда лет, в рамках цикла, так как в периоды возникновения безработицы необходимо расширять расходы государства сверх нормальных государственных доходов в целях увеличения общественного спроса и производства и ликвидации таким путем безработицы [2]. Эти положения были включены в лейбористскую предвыборную программу 1945 г.

В лейбористском предвыборном катехизисе под названием „Руководство для ораторов" консерваторы порицались за то, что они „рассматривают финансы как господина, а не как слугу" [3], в то время как финансы—не самоцель, но лишь средство достижения

---

[1] William Beveridge, Full Employment in a Free Society, 1945, p. 29.
[2] Employment Policy, Cmd 6527, H. M. Stationary Office, 1944, p. 29.
[3] Speaker's Handbook, 1945, p. 13.

Финансовая Академия при Правительстве Российской Федерации БИБЛИОТЕКА

146 рф 72235

определенных целей. В связи с этим лейбористская партийная программа отвергала „тористские требования здоровых финансов", т. е. сбалансированного бюджета независимо от уровня занятости, и „обосновывала", наоборот, пользу бюджетного дефицита. В качестве доказательства животворного влияния бюджетного дефицита „Руководство" ссылалось на тот факт, что в 1944/45 г. при огромном бюджетном дефиците в три с лишним миллиарда фунтов стерлингов „процветало производство", а национальный доход возрос на $^1/_3$ по сравнению с 1938 г. Утверждение же о росте национального дохода, как указывалось выше, не обосновано.

И „процветание производства" и бюджетный дефицит в 1944/45 г. были связаны с огромными военными затратами государства. Следовательно, в лейбористской программе оправдывались любые подобные затраты, лишь бы они приводили к расширению производства и высокой занятости. На этой, с позволения сказать, „доктрине" явно лежит печать „философии" Кейнса, утверждавшего, что даже войны и строительство пирамид полезны для капиталистического общества, ибо они расширяют инвестиции, производство и занятость.

В этом же „Руководстве" лейбористские „теоретики" восхваляли Бевериджа, полагая, что в его книге „Полная занятость в свободном обществе" как раз и дан тот „синтез капитализма и социализма", тот „третий путь", по которому будет вести английский народ лейбористское правительство после победы на выборах [1].

Итак, мы видим, что лейбористская идеология и политика в области финансов базировались на вульгарных буржуазных теориях, которые являются типичным продуктом общего кризиса капитализма. В самом деле: огромный рост бюджетных дефицитов и государственного долга, порожденный мировыми войнами, подрыв золотого стандарта, переход к бумажно-денежному обращению не только в годы войны, но и в мирной обстановке—в условиях мирового экономического кризиса и депрессии особого рода—представляют собой не что иное, как *специфические формы проявления общего кризиса капитализма в сфере обращения*. А современные вульгарные экономисты — и в их числе лейбористские экономисты и политики—превращают нужду в добродетель, в чем и заключается их теоретическая премудрость и „новаторство". В действительности же в этих вульгарных „теориях" нет ни грана науки, но они годятся для апологетических целей, для обмана масс, а также для подкрепления определенного курса финансовой политики в интересах финансовой олигархии.

Дальтон, особенно напичканный этими теориями и давно выступавший в качестве лейбористского специалиста по финансовым вопросам, был назначен первым канцлером казначейства, т. е. министром финансов лейбористского правительства.

---

[1] Speaker's Handbook, 1945, p. 12.

В соответствии с указанными выше вульгарными теориями Кейнса, Моультона и др. Дальтон отнюдь не считал своей задачей проведение мер по быстрейшей ликвидации охарактеризованных выше последствий войны в финансовой системе и денежном обращении, ибо, заботясь в первую очередь об интересах капиталистических монополий, он не видел ничего дурного ни в огромном государственном долге, ни в текущем бюджетном дефиците. Поэтому Дальтон осчастливил Англию крупными бюджетными дефицитами и в мирной обстановке, в течение первых двух послевоенных лет, заявив в одном из своих выступлений в парламенте, что лейбористское правительство отнюдь не ставит вообще своей целью обязательно ежегодно балансировать бюджет[1].

Итак, лейбористское правительство, по крайней мере первые два года, довольно равнодушно относилось к проблеме послевоенного внутреннего финансового оздоровления. Оно и не собиралось принимать какие-либо серьезные меры для сокращения избыточной массы платежных средств в стране за счет тех, кто владеет богатствами и еще более разбогател за годы войны.

Первый бюджет лейбористского правительства, представленный парламенту в октябре 1945 г., был выполнен с огромным бюджетным дефицитом в сумме 2,2 млрд. ф. ст. А в 1946/47 бюджетном году, который был полностью мирным годом, также не было принято никаких мер для борьбы с инфляцией. Бюджет государства не дал никакого излишка доходов над расходами, который позволил хотя бы в некоторой степени оздоровить денежное обращение. Напротив того, образовался весьма крупный по условиям мирного времени бюджетный дефицит — в сумме 569 млн. ф. ст. Между тем по последнему довоенному бюджету 1938/39 г. бюджетный дефицит составлял 141 млн. ф. ст., следовательно, дефицит 1946/47 г. в четыре раза превышал предвоенный бюджетный дефицит. Эта дефицитность госбюджета 1946/47 г. была непосредственно связана с сохранением и в мирной обстановке огромных военных расходов, а именно—в сумме 1 653 млн. ф. ст., в то время как военные расходы в 1937/38 г. составляли 197 млн. ф. ст. *Если бы английское правительство сократило военные расходы до уровня 1937/38 г., то оно сэкономило бы 1 456 млн. ф. ст., и в этом случае Англия при той же сумме государственных доходов не только не имела бы никакого бюджетного дефицита, но получила бы большое превышение доходов над расходами в сумме около 900 млн. ф. ст.* Этого, однако, не было сделано по той простой причине, что лейбористское правительство, осуществляя империалистический курс внешней политики, очень неохотно и в весьма ограниченных размерах проводило мероприятия по демобилизации армии и сокращению своих вооруженных сил за пределами страны.

Это—первостепенная и самая важная причина большой дефицит-

---

[1] „The Statist", 13/IV 1946.

ности второго лейбористского бюджета и дальнейшего ухудшения вследствие этого внутреннего финансового положения страны.

Если по линии расходов лейбористское правительство не торопилось с перестройкой бюджета на мирный лад, то в перестройке доходной части бюджета оно проявило поспешность, сокращая обложение капиталистов и даже возвращая им часть средств, полученных во время войны.

В последних английских бюджетах из года в год повышается удельный вес косвенных налогов и понижается удельный вес прямых налогов, что видно из следующей таблицы (*в млн. ф. ст.*)[1]:

Основные виды налогов	1944/45 г.	1945/46 г.	1946/47 г.	1947/48 г.	1948/49 г. (смета)
Таможенные пошлины	579	570	621	791	821
Акцизы	497	541	564	630	726
Итого . .	1 076	1 111	1 185	1 421	1 547
В % к 1944/45 г. . .	100	103,3	110,1	132,0	143,8
Подоходный налог .	1 390	1 432	1 382	1 304	1 399
Налог на прибыль и сверхприбыль . .	477	431	357	289	250
Итого . .	1 867	1 863	1 739	1 593	1 649
В % к 1944/45 г. . .	100	100	93,1	85,3	89,2
Всего . .	2 943	2 974	2 924	3 014	3 196
Косвенные налоги в % к итогу	36,6	37,4	40,5	47,1	48,2

Как мы видим, подоходный налог и налог на сверхприбыль в послевоенные годы был ниже уровня военного, 1944/45 г., в то время как косвенные налоги—таможенные пошлины и акцизы—из года в год увеличивались. В результате удельный вес косвенных налогов в сумме указанных выше четырех основных налогов повысился с 36,6% в 1944/45 г. до 48,2% в 1948/49 г., а удельный вес подоходного налога и налога на сверхприбыль понизился за те же годы с 63,4 до 51,8%. Между тем, как указывал Гарри Поллит в своем выступлении на пленуме исполкома Английской компартии в феврале 1949 г., „по общей оценке рабочий класс выплачивает 75% сумм, которые взимаются в виде косвенного налогообложения".

[1] Таблица составлена нами по данным, опубликованным в „International Reference Service", September 1948, p. 7, а за 1948/49 г. по данным, опубликованным в „The Times", 7/IV 1948 г.

Следовательно, увеличение удельного веса косвенных налогов означает, что налоговая политика лейбористского правительства направлена на то, чтобы налоги наибольшей своей тяжестью ложились на плечи рабочего класса. Сейчас, после войны, государство отнимает у рабочих гораздо бо́льшую долю их доходов, чем до войны: по данным Белой книги о доходах и расходах Соединенного Королевства, в 1948 г. доля доходов англичан, которая шла на уплату налогов, возросла по сравнению с 1938 г. почти на 60%.

Лейбористское правительство выполнило обещание прежнего правительства о возврате капиталистам 20% сумм, собранных во время войны по налогу на сверхприбыль. Лишь в течение одного 1946/47 бюджетного года лейбористское правительство вернуло капиталистам 150,5 млн. ф. ст., отчисленных по этому налогу[1]. Далее, лейбористское правительство снизило на 5% основной подоходный налог, что отнюдь не компенсируется некоторым повышением ставки дополнительного прогрессивного налога. В результате поступления по подоходному налогу снизились с 1 431,6 млн. ф. ст. в 1945/46 г. до 1 382,5 млн. ф. ст. в 1946/47 г. Наконец, правительство проявило щедрость к капиталистам, прекратив взимание специальных взносов в фонд возмещения военного ущерба и выдавая им значительные суммы „для обновления и реконверсии промышленности“[2]. И это осуществлялось в условиях, когда капиталистические монополии отнюдь не испытывали финансовой нужды, ибо за время войны скопили огромные денежные фонды.

В частности, журнал „Бэнкер“ указывал, что предприятия по окончании войны располагали более чем достаточными ресурсами для оплаты тех товаров, которые они могли приобрести для финансирования капитальных работ[3]. В таких условиях накачивание промышленности денежными средствами из государственного бюджета, естественно, способствовало усилению инфляции. Последняя же проявляется не только на рынке средств потребления, но и на рынке средств производства, создавая искусственное повышение производительного спроса.

Журнал „Экономист“ в феврале 1947 г. привел данные, показывающие, что большой поток правительственных расходов после войны являлся серьезным источником финансирования дополнительных частных расходов. За короткий период — с весны 1946 г. до начала 1947 г. — правительство выплатило капиталистам по различным каналам свыше 500 млн. ф. ст. (возврат налога на сверхприбыль, введенного в годы войны, „компенсация военного ущерба“ и пр.)[4].

Выше указывалось, насколько серьезным последствием второй мировой войны явилось для Англии образование огромного государ-

---

[1] „International Reference Service“, September 1948, p. 7.
[2] Подробнее об этих мерах см. в статье Н. Падейского в журнале „Советские финансы“, № 7 за 1947 г., стр. 42—44.
[3] „The Banker“, August 1946, p. 93.
[4] „The Economist“, 7/II 1947, p. 233.

ственного долга. Между тем финансовая политика лейбористского правительства еще более усилила это бремя, которое целиком ложится на плечи английского народа.

В следующей таблице[1] показано движение государственного долга за 1945—1948 гг. (без внешнего государственного долга по первой мировой войне):

На 31 марта следующих годов	Весь госдолг			В том числе				
				текущий госдолг			внешний[2] госдолг	
	в млн. ф. ст.	в % к 1939 г.	в % к 1945 г.	в млн. ф. ст.	в % к 1939 г.	в % к 1945 г.	в млн. ф. ст.	в % к 1945 г.
1939	7 131	100	—	920	100	—	—	—
1945	21 366	299	100	6 116	665	100	236	100
1946	26 637	374	125	6 487	705	106	369	156
1947	25 631	359	120	6 955	756	114	767	325
1948	25 722	361	1204	6 542	711	107	1 555	659

В движении государственного долга в первые годы по окончании войны, в сущности говоря, не произошло никакого перелома по сравнению с военным временем. За 1945—1947 гг. государственный долг возрос на 4 265 млн. ф. ст., или в среднем на 2,13 млрд. ф. ст. в год, что лишь немногим меньше среднегодового прироста государственного долга за период военных лет. Только в 1947/48 г. впервые после войны государственный долг в целом возрос на сравнительно небольшую сумму—91 млн. ф. ст.

Если в последнем году войны весь государственный долг превышал довоенный государственный долг в 2,9 раза, то в 1947 и 1948 гг. он уже превышал его в 3,6 раза. Огромный рост государственной задолженности в мирных условиях—одно из ярких выражений паразитизма и загнивания английского капитализма.

Наиболее быстро после войны увеличился внешний государственный долг (не считая роста задолженности Англии после войны по стерлинговым авуарам), а именно: за 2 года—в 3,2 раза, а за три года—в $6^1/_2$ раз. Интенсивный рост внешнего государственного долга, несомненно, означает ухудшение структуры государственного долга в целом. Ведь для погашения его недостаточно иметь превышение доходов над расходами государственного бюджета, но надо иметь еще активный платежный баланс. Между тем английский платежный баланс, как известно, резко пассивен.

---

[1] Составлена по данным, опубликованным в „International Reference Service", September 1948; за 1948 г. по данным „Finance Accounts of the United Kingdom for the financial year 1947—1948", London, 1948, p. 58.

[2] Исключая долг, возникший в результате первой мировой войны, ср. примечание к стр. 10.

Охарактеризованное выше состояние государственной задолженности означает, что в государственном бюджете не только полностью сохраняются резко возросшие в результате войны расходы по оплате государственного долга, но эти расходы увеличились даже по сравнению с их весьма высоким военным уровнем.

В следующей таблице показана динамика военных расходов и расходов по оплате государственного долга в послевоенные годы по сравнению с довоенным, 1937/38 г. и последним военным, 1944/45 г.[1]:

Виды расходов	1937/38 г.	1944/45 г.	1945/46 г.	1946/47 г.	1947/48 г.	1948/49 г. (смета)
Военные расходы в млн. ф. ст. . .	197	5 125	4 410	1 653	853	693
В % к 1937/38 г.	100	2 602	2 239	840	433	352
Расходы по оплате госдолга в млн. ф. ст.	227	420	465	499	525	500
В % к 1937/38 г.	100	185	205	220	231	220
Итого в млн. ф. ст.	424	5 545	4 875	2 152	1 378	1 193
В % к 1937/38 г.	100	1 308	1 150	508	325	282

Военные расходы, возросшие в 1944/45 г. в 26 раз по сравнению с 1937/38 г., естественно, по окончании войны должны были резко сократиться. Однако их объем был, как показывает таблица, в 1946/47 г. почти в $8^1/_2$ раз, в 1947/48 г. в 4,3 раза и по смете 1948/49 г. в $3^1/_2$ раза выше довоенного уровня. А что касается расходов по оплате государственного долга, то они были в 1946/47 г. в 2,2 раза, в 1947/48 г. в 2,3 раза и в 1948 г. в 2,2 раза больше, чем в 1937/38 г. И по сравнению с 1944/45 бюджетным годом, который был последним военным годом, расходы по оплате государственного долга в 1948/49 г. возросли на 19%.

* * *

Итак, налоговая политика лейбористов, проводимая в интересах монополий, так же как и политика сохранения огромных военных расходов, явилась причиной дефицитности госбюджета, роста государственного долга и ухудшения вследствие этого внутреннего финансового положения Англии. Неизбежным последствием такой политики было дальнейшее и весьма значительное усиление инфляционных факторов в условиях мирного времени.

[1] По данным, опубликованным в „International Reference Service", September 1948.

3. Характер инфляционного процесса в послевоенные годы. Обесценение денег, ухудшение материального положения рабочего класса

Исследование инфляционного процесса в Англии целесообразно начать с анализа роста денежной массы и банковских текущих счетов (которые представляют собой особую форму денежных средств, используемую в обороте между капиталистическими предприятиями). Этот анализ необходимо провести за военный период и послевоенные годы в связи с динамикой производства и товарооборота. С другой стороны, чтобы раскрыть характер эмиссии за указанный период, необходимо выяснить связь эмиссии с государственным бюджетом: важным показателем этой связи являются данные о динамике портфеля правительственных ценных бумаг в эмиссионном департаменте Английского банка, поскольку этот портфель является основанием эмиссии банкнот и их „обеспечением". В приводимой ниже таблице, составленной на основании официальных данных [1], приведена динамика вышеназванных показателей денежного обращения, товарооборота и государственного бюджета (см. стр. 25).

Таблица показывает огромное несоответствие между ростом денежной массы в обращении и ростом розничного товарооборота в текущих ценах. В 1945 г. розничный товарооборот возрос в номинальном выражении на 5% (в этот период весьма значительная часть товаров продавалась по контролируемым государственным ценам), а денежная масса—на 183%. Индекс денежной массы (283) превышал в 1945 г. индекс товарооборота (105) больше чем в $2^1/_2$ раза, в 1946 г.—в 2,2 раза и в 1947 г.— в 2 раза. Сокращение разрыва между индексом денежной массы и индексом розничного товарооборота отнюдь не является показателем ослабления инфляции. Ведь этот разрыв уменьшился за счет инфляционного роста цен, разбухания товарооборота в номинальном выражении, о чем говорится ниже [2].

Как показывает таблица, рост денежной массы происходил в условиях огромного увеличения бюджетного дефицита, связь которого с эмиссией нашла свое выражение в росте портфеля правительственных ценных бумаг в эмиссионном департаменте Английского банка (не считая ценных бумаг, появившихся на балансе в результате передачи золота казначейству). Этот портфель возрос в 1945 г. более чем в $4^1/_2$ раза по сравнению с 1938 г. В настоящее время сумма правительственных ценных бумаг в эмиссионном департаменте Английского банка покрывает более чем на 100% сумму банкнот, выпущенных в обращение. Современная английская банкнота, не имеющая специфически банковского обеспечения (золотого или

[1] „Monthly Digest of Statistics", 1948.

[2] К сожалению, мы не имеем возможности сопоставить рост наличных и банковских платежных средств с индексами промышленной продукции и оптового оборота, так как такие индексы за военные годы и за 1945—1947 гг. в отношении к довоенному уровню или к уровню начала войны не публиковались.

№№ п/п.	Показатели	1938 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.
1	Денежная масса в обращении				
	В млн. ф. ст.—среднегодовая	446	1 263	1 341	1 361
	То же в % к 1938 г. .	100	283	301	305
2	Текущие счета клиринг-банков				
	В млн. ф. ст.—среднегодовая	1 244	3 127	3 377	3 690
	То же в % к 1938 г. .	100	251	272	296
3	Индекс розничных продаж				
	В % к 1938 г.	100	105	137	155
4	В том числе индекс розничных продаж пищевых продуктов	100	120	134	147
5	Дефицит госбюджета				
	В тыс. ф. ст., в среднем за неделю	2 218	47 561	21 513	7 761
	То же в % к 1938 г. .	100	2 144	970	350
6	Правительственные ценные бумаги в эмиссионном департаменте (без ценных бумаг, заменивших переданное в казначейство золото в 1939 г.)				
	В млн. ф. ст.—среднегодовая	203	984	1 076	1 123
	То же в % к 1938 г. .	100	485	530	553

товарного), не разменная на золото и устойчивую инвалюту, представляет собой и в мирных условиях тот вид денежных знаков, который Маркс называл „государственными бумажными деньгами с принудительным курсом“ [1].

[1] Приводим баланс эмиссионного департамента Английского банка на 19/I 1949 г. (опубликованный в „The Statist“ от 22/I 1949 г.), подтверждающий сказанное в тексте:

(*в фунтах стерлингов*)

Пассив		Актив	
Банкноты:		Правительственный долг	11 015 100
в обращении . .	1 234 117 257	Другие правительственные ценные бумаги .	1 288 273 456
в банковском департаменте .	66 130 576	Другие ценные бумаги	702 552
		Незолотая монета . . .	8 892
		Вся фидуциарная (т. е. не обеспеченная золотом.—*З. А.*) эмиссия .	1 300 000 000
		Золотая монета и слитки	247 833
	1 300 247 833		1 300 247 833

Мы видим, что выпущенные в обращение 1 234 млн. ф. ст. банкнот не имеют никакого реального обеспечения, ибо 247 тыс. ф. ст. золота не представляют собой весомой величины в качестве обеспечения 1,2 млрд. ф. ст. банкнот. Что же касается ценных бумаг, то известно, что за ними не скрыто никакого реального капитала.

В 1945—1947 гг. не произошло ни сокращения денежной массы, ни уменьшения портфеля государственных ценных бумаг в эмиссионном департаменте, а, наоборот, происходило дальнейшее расширение и того и другого. Однако по сравнению с военными годами темп роста денежной массы замедлился, составив по сравнению с предыдущим годом в 1946 г. 6%, а в 1947 г.—$1^1/_2$%.

Несмотря на то, что увеличение массы наличных денег в послевоенные годы не было значительным, инфляция в эти годы не только не была преодолена, но еще более усилилась. На экономику страны влияла скопившаяся за годы войны избыточная для товарооборота денежная масса. Кроме того, данные о динамике банковских платежных средств — текущих счетов коммерческих банков — свидетельствуют о дальнейшем развитии инфляционного процесса в форме этих платежных средств.

В английских банковских кругах совершенно ошибочно считали, что с окончанием войны прекратится рост банковских депозитов, который был следствием огромных военных расходов правительства. В IV квартале 1945 г., впервые с момента войны, действительно произошло сокращение массы банковских вкладов. Однако этот факт — вопреки указанному мнению — вовсе не означал перелома в движении банковских вкладов и в развитии инфляционного процесса, так как вся финансовая политика лейбористского правительства содействовала усилению инфляционного процесса после войны. Рост банковских депозитов в дальнейшем возобновился и достиг беспрецедентного размаха. Если в течение шести военных лет банковские депозиты выросли по всем банкам на 2 630 млн. ф. ст., что составляет в среднем за год 438 млн. ф. ст. и ежемесячно $36^1/_2$ млн., то за 1946 г. они выросли на 836 млн. ф. ст., т. е. ежемесячно они возрастали в среднем на 70 млн. ф. ст. Следовательно, норма роста депозитов была в 1946 г. *вдвое выше*, чем в условиях войны, а за 9 месяцев 1946 г.— даже почти втрое выше (104 млн. ф. ст. ежемесячно). Банковские ссуды промышленности в 1946 г. не могли быть главной причиной роста депозитов, так как они возросли только на 166 млн. ф. ст., т. е. прирост их составил лишь 20% прироста банковских депозитов.

Журнал „Бэнкер" эту „поразительную депозитную инфляцию" ставил в связь с расчетом банков на то, что лейбористское правительство и впредь будет проводить политику дешевых денег, ввиду чего покупка твердопроцентных ценных бумаг составляла для банков выгодное дело. Вместе с тем журнал указывал, что этот рост депозитов был почти равен росту государственных ценных бумаг в портфелях банков [1].

До войны отношение массы денег в обращении к общей сумме депозитов всех банков составляло 15—18%, а у 11 клиринг-банков — 20—21%. Во время войны произошло значительное изменение этого соотношения, что видно из следующей таблицы, в которой показано

[1] The Banks in 1946—„The Banker", February 1947.

отношение денежной массы к сумме депозитов лондонских так называемых клиринг-банков [1]:

На конец следующих годов	Денежная масса в обращении (в млрд. ф. ст.)	Сумма депозитов клиринг-банков (в млрд. ф. ст.)	Процентное отношение массы денег к сумме всех депозитов
1938	0,46	2,25	20
1939	0,50	2,44	21
1940	0,56	2,80	20
1941	0,70	3,33	21
1942	0,87	3,63	24
1943	1,03	4,03	26
1944	1,20	4,55	26
1945	1,34	4,85	28
1946	1,38	5,69	24
1947	1,33	5,93	22
1948	1,25	6,20	20

Мы видим, что в годы войны темп роста наличных денег был значительно выше темпа роста банковских депозитов, в результате чего удельный вес наличных денег в общей массе платежных средств повысился. Это было связано со специфическими условиями военной экономики, при которых требования на наличные платежные средства растут относительно быстрее, чем на безналичные. Таким образом, в военных условиях инфляция вполне закономерно проявлялась в Англии в большей мере в росте массы наличных денег, чем банковских депозитов.

С переходом же к мирным условиям, естественно, начался процесс восстановления обычной для английского хозяйства структуры платежного оборота. Значительные суммы наличных денег принесли с собой демобилизованные, высвободились суммы, которыми располагали различные агенты по снабжению армии, и т. д. Все эти наличные деньги стали стекаться в банки. На базе притока этой наличности банки могли значительно расширять кредитование, а также приобретать государственные ценные бумаги, т. е. финансировать правительство. Они могли это делать и за счет так называемых „мнимых вкладов", т. е. текущих счетов, открываемых клиентам при предоставлении им кредитов: возможность создания таких вкладов тем больше, чем большей наличностью располагают банки. Послевоенная инфляция была связана главным образом с использованием указанных возможностей кредитной экспансии (расширения кредита).

[1] „Monthly Bulletin of Statistics", 1948—1949; „Federal Reserve Bulletin", 1946—1949.

В 1945 г., как показывает таблица, отношение денежной массы к депозитам клиринг-банков составляло 28%, в то время как до войны—20%. По довоенной норме этого соотношения теоретически исчисленная сумма депозитов равнялась бы в 1945 г. 6,38 млрд. ф. ст; между тем к концу 1945 г. у банков было всего 4,85 млрд. ф. ст. депозитов. В 1946 и 1947 гг. в результате указанной выше кредитной экспансии значительно упало отношение наличности к депозитам и восстановилось их довоенное соотношение. В течение 1948 г. депозиты продолжали расти даже при некотором сокращении массы наличных денег, в результате чего отношение массы наличных денег к депозитам снизилось до довоенного уровня.

Инфляционный характер роста депозитов в 1945—1948 гг. выражался не только в том, что часть этих последних образовалась на базе кредитования государства и таких операций капиталистов, как выпуск новых ценных бумаг. Он выражался также и в том, что прибыли капиталистов, возросшие вследствие инфляционного роста цен, откладывались на их счетах в банках.

Одним из характерных проявлений инфляционного процесса является замедление скорости обращения как наличных денег, так и денежных средств, находящихся на банковских депозитах (обратное присуще лишь высшей критической стадии инфляции, когда скорость обращения денег резко возрастает). Об изменении скорости оборота платежных средств, находящихся на банковских текущих счетах, косвенно можно судить на основании данных об оборотах банковских клирингов (т. е. взаимных расчетов между банками, отражающих большую часть платежного оборота капиталистических предприятий по их текущим счетам в банках). Сумма этих оборотов за период войны и в послевоенные годы значительно возросла, отражая инфляционное разбухание их, связанное с обесценением денег, с увеличением оптового торгового оборота в денежном выражении. Однако рост оборотов банковских клирингов был значительно меньшим, чем рост депозитов и массы наличных денег, что видно из следующего нашего расчета:

Годы	Процентное отношение индекса клиринговых оборотов коммерческих банков к индексам:			
	общей массы депозитов	текущих счетов	денежной массы в обращении	оптовых цен товаров
1938	100	100	100	100
1945	79	67	59	101
1946	71	72	58	100
1947	66	62	60	98

Как видно из таблицы, индекс роста клиринговых оборотов значительно отстал от индекса роста денежной массы в обращении

и индекса безналичных платежных средств (текущих счетов). Отставание роста клиринговых оборотов от роста текущих счетов прямо отражает замедление скорости оборота банковских платежных средств. В последнем военном году скорость оборота средств на текущих счетах была на 33% ниже довоенной, в 1946 г. она несколько возросла, а в 1947 г. вновь снизилась и была на 38% ниже довоенной. *Таким образом, характерное для инфляции явление—замедление скорости оборота денежных средств,—отражающее накопление избыточных для оборота денежных средств, наблюдается как в военные, так и в послевоенные годы.* Показателем такого инфляционного денежного накопления является отставание роста клиринговых оборотов также и от роста общей массы банковских депозитов, т е. включая в состав последних и срочные вклады.

Очень интересно, что между индексом клиринговых оборотов и индексом оптовых цен товаров нет никакого разрыва. Почти полное совпадение динамики клиринговых оборотов с динамикой общего уровня оптовых цен товаров не является случайным, поскольку банковские клиринги в основном отражают непрерывно совершаемые обороты по расчетам за продаваемые и покупаемые товары и, естественно, что рост цен этих товаров соответственно раздувает клиринговые обороты.

Рост массы наличных и безналичных платежных средств в послевоенные годы в известной мере был обусловлен ростом производства и, соответственно, ростом оптового оборота. Однако рост производства был весьма незначительным и неравномерным, что видно из следующего официального индекса промышленной продукции, публикация которого была восстановлена после войны (среднегодовой уровень промышленной продукции 1946 г. = 100)[1]:

	1946 г.	1947 г.	1948 г.
Январь	89	105	119
Февраль	95	84	123
Март	98	99	119
Апрель	96	105	124
Май	101	109	117
Июнь	99	114	123
Июль	96	107	112
Август	93	104	110
Сентябрь	106	115	124
Октябрь	110	120	126
Ноябрь	110	123	129
Декабрь	106	115	123

[1] „Monthly Digest of Statistics," March 1949.

Сопоставления показывают резкие колебания в объеме промышленной продукции. Так, например, в 1947 г. объем промышленной продукции снижался до 84 в феврале в связи с угольным кризисом и достиг максимума 123 в ноябре. В июле 1948 г. индекс производства вновь упал до 112. Такая неравномерность в динамике производства—одно из проявлений общего кризиса капитализма в послевоенной английской экономике.

Неравномерный и в общем весьма незначительный рост производства не мог играть существенной роли в качестве антиинфляционного фактора. Кроме того, надо иметь в виду, что прирост продукции использовался главным образом для увеличения экспорта и, следовательно, не приводил к расширению объема розничного товарооборота внутри страны.

Военная и послевоенная инфляция, выражающаяся, как мы выше показали, в большом росте массы не разменных на золото наличных и безналичных платежных средств вне всякого соответствия с ростом товарооборота и производства и в замедлении скорости оборота денег, естественно, должна была иметь своим последствием обесценение денег. Однако это обесценение денег не только в военные, но и в послевоенные годы не получило достаточно полного отражения ни в движении официального курса английской валюты, ни в движении товарных цен, контролируемых государством. Все же известное отражение инфляция нашла в динамике товарных цен за 1945—1947 гг. (данные о динамике цен за 1948 г. рассматриваются в § 7 этой главы), которую мы приводим ниже (*в % к 1938 г.*)[1]:

Виды индексов	1938 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.
Общий индекс оптовых цен (среднемесячн.) .	100	167	173	189
Индекс цен на продовольствие и табак (среднемесячн.) . . .	100	163	163	169
Индекс цен основных материалов (среднемесячн.)	100	202	206	246
Индекс цен импортных сырых материалов (на конец года)	100	214	238	304
Индекс цен экспортных текстильных товаров (на конец года) . .	100	239	274	324

Мы видим, что наиболее слабый рост цен отмечен по группе продовольственных товаров и табака, что объясняется сохранением

[1] По данным „Monthly Digest of Statistics," December 1948.

и в послевоенный период карточной системы распределения важнейших продуктов по фиксированным ценам. Этот индекс больше всех других маскирует обесценение денег. Более показателен индекс цен основных материалов: последние возросли в итоге войны в 2 раза, а в 1947 г. по сравнению с 1938 г.—в $2^1/_2$ раза. Еще больше, а именно—в три с четвертью раза — возросли цены экспортных изделий. Если сопоставить уровень цен с приведенными выше данными о росте денежной массы, то мы увидим, что цены в послевоенные годы стали догонять рост денежной массы. Это означает, что действие стихийных законов рынка и денежного обращения привело к обесценению денег—вопреки всяким „регулирующим мероприятиям" лейбористского правительства.

Внутренняя финансовая политика лейбористского правительства, приведшая к росту цен и усилению инфляции, не в малой степени содействовала обострению и внешнего финансового положения страны, ухудшению платежного баланса, поскольку рост цен внутри страны ослаблял конкурентоспособность английских товаров на мировом рынке [1].

Журнал „Экономист" в январе 1948 г. в передовой статье признал, что инфляция в Англии не только существует, но и до крайней степени обострилась. „Инфляция в Англии, которая столь долгое время была скрытой, теперь начала обнаруживаться. Цены, которые нужно платить за продовольствие как поставляемое английскими фермерами, так и получаемое из-за границы, растут с головокружительной быстротой... Вряд ли существует хоть один товар, цена на который не подскочила" [2].

Инфляция, несомненно, отрицательно сказалась на производстве. Не без основания экономисты ООН в заключении „Обзора экономического положения и экономических перспектив Европы", составленного экономической комиссией для Европы в 1948 г., признают, что „инфляция остается, таким образом, одним из главных факторов, задерживающих экономическое восстановление Европы". Несомненно, что этот вывод имеет силу и для Англии. В обзоре указывается, что „инфляция ведет к повышению действительной стоимости производства, способствуя применению связанных с излишними затратами методов, и ослабляет побуждение к нормальной экономической деятельности". Там же указывается, что порождаемый инфляцией искусственный и неустойчивый спрос нарушает „нормальную" систему цен и доходов, отвлекает ресурсы от производства наиболее необходимых продуктов к имеющим менее важное значение, и т. д. В то же время авторы этого обзора обходят социальную, классовую сторону инфляции; последняя же в действительности имеет первостепенное значение. Ведь инфляция оказы-

[1] В статье „Опасность инфляции" газета „Файненшл Таймс" указывала, что „... до тех пор, пока мы не будем готовы приостановить такого рода тенденцию, мы окажемся не в состоянии выполнить нашу экспортную задачу вследствие роста цен" („The Financial Times", 5/II 1948).

[2] „The Economist", 17/I 1948, p. 81.

вает очень серьезное влияние на жизненный уровень рабочего класса, который при лейбористском правительстве значительно снизился. Это было следствием ряда причин.

Во-первых, сильного роста цен после войны на средства потребления, несмотря на сохранение государственного контроля за ценами и предоставление из средств государственного бюджета крупных субсидий для стабилизации цен контролируемых товаров. Рост цен не получает, однако, сколько-нибудь правильного отражения в официальном индексе розничных цен, так называемом индексе „стоимости жизни". Последний совершенно устарел: он был составлен по данным обследования бюджетов рабочих семей в 1904 г., причем в этот индекс даже не входила квартирная плата, удельный вес которой в бюджете рабочей семьи очень высок, а также расходы на отопление и одежду. Этот индекс находился в таком противоречии со всеми известными реальными фактами роста дороговизны, что правительство вынуждено было отменить его в июне 1947 г. С 17 июня 1947 г. стал публиковаться так называемый „временный индекс розничных цен". Прежний фиктивный индекс за период 1945—1947 гг. застыл на одном уровне: 132—133% (1938 г. = 100%); новый индекс сразу же отразил рост среднего уровня цен на 8% за три четверти года[1], но и этот индекс далеко не отражает действительного роста дороговизны.

Во-вторых, ухудшение материального положения трудящихся является следствием введения новых ограничений в снабжении населения продовольственными товарами (расширения нормирования) и снижения норм. Так, например, после войны было введено нормирование потребления хлеба и в течение некоторого периода также нормирование картофеля. Значительно сократились в 1947 г. нормы выдачи мяса, жиров, сахара, причем одновременно цена сахара была поднята на 66%. Уровень потребления трудящихся значительно снизился. Даже по официальным данным, потребление мяса, жиров, сахара, овощей резко снизилось по сравнению с довоенным уровнем потребления этих продуктов. Вполне естественно, что это сокращение потребления крайне неравномерно распределяется между различными классами и группами населения: для низкооплачиваемых рабочих и служащих сокращение потребления указанных продуктов значительно превышает среднюю норму сокращения потребления для всего английского населения в целом.

Наконец, *в-третьих,* значительно повысилась интенсивность труда в результате проводимой лейбористской партией и руководством тред-юнионов кампании за повышение производительности труда. Для капиталистов это означает уменьшение затрат на рабочую силу, а для рабочих—замаскированное снижение оплаты труда.

Все это, вместе взятое, определяет исключительно низкий в современных условиях материальный уровень жизни английских рабочих.

---

[1] „Monthly Bulletin of Statistics", December 1948, p. 156.

Прожиточный минимум рабочей семьи, по данным исследования семейных бюджетов Д. Орра, равняется 162 шилл. 6 пенсов в неделю, в то время как средняя заработная плата рабочего, включая и оплату сверхурочных часов, по официальным данным (несомненно, завышенным) министерства труда, в октябре 1948 г. составляла 117 шилл. 4 пенса, т. е. была на 28% ниже даже полуголодного „прожиточного минимума". В действительности же номинальная заработная плата в ряде отраслей промышленности и на транспорте не достигает и 100 шилл. в неделю, женщины же получают лишь 45—50% заработной платы рабочих.

Живой иллюстрацией этого факта может служить опубликованное в 1948 г. в нашей печати письмо гражданки Макушиной, которая сообщала, что ее муж, английский гражданин, будучи рабочим, получал в Англии 100 шиллингов в неделю, из которых на квартиру, страхование, проезд, табак уходило 75 шиллингов; остающихся 25 шиллингов совершенно нехватало, даже для того, чтобы жить впроголодь, так как на питание надо тратить 40—50 шиллингов в неделю на семью.

В то время как рост цен на потребительские товары за 1947 г. выразился в сумме 300 млн. ф. ст., увеличение фонда заработной платы составило лишь 78 млн. ф. ст. В результате сокращения продовольственных норм среднее потребление в Англии значительно снизилось по сравнению с довоенным уровнем, причем это сокращение среднего уровня потребления падает в первую очередь на низкооплачиваемые слои населения. В ином положении находятся лейбористские функционеры.

Известно, что оппортунизм в рабочем движении Англии имеет глубокие исторические корни. Ленин указывал в 1920 г., что рабочая аристократия в Англии сильнее, чем где-либо в других странах: „Она, ведь, имеет там за собой не десятилетия, а столетия. Там буржуазия—которая имеет за собой опыт—сумела подкупить рабочих и создать среди них большой слой, который в Англии больше, чем в других странах, но все же не так уже велик по сравнению с широкими рабочими массами. Этот слой насквозь пропитан буржуазными предрассудками и ведет определенную буржуазную реформистскую политику"[1]. Приход лейбористов к власти и проведенная ими „национализация" некоторых отраслей хозяйства дали возможность многочисленным лейбористским функционерам получать различные хорошо оплачиваемые места в органах управления и в „национализированных" предприятиях.

Верхушка лейбористского руководства непосредственно сращивается с финансовой олигархией, принимая участие в ее делах, и, естественно, конечно, также и в ее доходах. Взаимность интересов лейбористских заправил и крупных капиталистов заключается в том, что последние получают от лейбористских чиновников те или иные привилегии для своей предпринимательской деятельности,

[1] Ленин, Соч., т. XXV, 3-е изд., стр. 368.

а чиновники—известную долю плодов этой „деятельности". В этом отношении представляет интерес опубликованный 25 января этого года доклад парламентского трибунала, вскрывший коррупцию группы видных лейбористских деятелей. Некий аферист Сидней Стэнли установил контакт между финансистами предпринимателями и нужными им правительственными лейбористскими чиновниками. За взятки дельцы Сити получали выгодные контракты, экспортные и импортные лицензии, разрешение на создание новых акционерных обществ и т. д. Трибунал установил, что этими операциями занимались такие лейбористские деятели, как бывший председатель Генерального совета Британского конгресса тред-юнионов, а в последнее время один из директоров Английского банка—Джорлж Гибсон и парламентский секретарь министерства торговли Джон Белчер. Однако, по сообщению печати, в этом деле замешаны и такие киты лейбористской партии, как Морган Филиппс—секретарь исполнительного комитета этой партии, Дальтон—ныне являющийся министром без портфеля, и др.

Итак, на одном полюсе—серьезное ухудшение материального положения рабочего класса, снижение реальной заработной платы. На другом полюсе—рост прибылей, обогащение капиталистов, известной долей которого пользуются лейбористские деятели, прямо или косвенно связанные с бизнесом. *Такая поляризация, усилившаяся при лейбористском правительстве, естественно, обостряет классовые антагонизмы и классовую борьбу. Рабочие массы в своей борьбе за улучшение своего положения не могут не выступать против лейбористского правительства, поскольку последнее в этой борьбе определенно и решительно поддерживает капиталистов.* Стачечное движение все более расширяется, несмотря на стремление руководства лейбористской партии и тред-юнионов подавить это движение. Лишь за 5 месяцев 1948 г. в Англии было более тысячи забастовок, в которых участвовало 800 000 рабочих, потеряно более $1^1/_2$ млн. рабочих дней. Особенно широкий размах получила стачка докеров летом 1948 г.

Итак, инфляция, сопровождающаяся ростом цен и являющаяся неизбежным следствием как финансовой, так и всей вообще политики лейбористского правительства, содействует обострению внутриполитического положения, усилению классовой борьбы.

4. Отказ от политики „дешевых денег". Лейбористский „контроль" за денежным рынком и кредитной системой в интересах финансовой олигархии

В конце 1947 г. лейбористское правительство сменило руководство финансовым ведомством: Дальтон получает отставку под предлогом разглашения сведений о бюджете до представления его парламенту. Место Дальтона занимает Криппс, который пользуется большим доверием финансовой олигархии. Замена одной персоны другой была связана с известным поворотом в кредитно-денежной

политике, а именно—с демонстративным отказом правительства от проводившейся до этого политики „дешевых денег", что мотивировалось необходимостью „обуздать", „застопорить" инфляцию.

Этот поворот в денежной политике был связан с изменением конъюнктуры денежного рынка. Дело в том, что валютный кризис 1947 г. (о чем будет речь ниже) вызвал падение курсов английских государственных бумаг, в результате чего доходность консолей повысилась с 2,54% в январе 1947 г. до 3,01% в декабре 1947 г. Сити было заинтересовано в том, чтобы ссудный процент был закреплен на этом повышенном уровне.

Поворот правительства в кредитно-денежной политике был осуществлен по настоянию банкиров Сити, которые в течение 1947 г. развернули кампанию против инфляции и политики „дешевых денег". Противоположную позицию занимал „Экономист", выражая взгляды тех кругов финансовой олигархии, интересы которых теснее других связаны с промышленными монополиями. В связи с обсуждением бюджета 1947/48 г. „Экономист" поддерживал бюджетную речь канцлера казначейства, „направленную против тех писателей финансовой прессы, которые защищают дефляцию и дорогие деньги и которые сидят в Сити" [1].

Журнал „Бэнкер", выражая позицию банкиров, на все лады доказывал вред инфляции и политики „дешевых денег" и категорически настаивал, якобы в общих интересах страны, на отказе от политики „дешевых денег". Журнал выражал большое недовольство тем положением, что правительство поддерживает низкую норму процента, в то время как доходы от ценных бумаг—дивиденды стоят на высоком уровне. Такое положение не стимулирует „сбережений", т. е. рост накоплений в стране, поощряет рост потребления, усиливает спрос на товары, гонит цены вверх [2].

На самом же деле, вопреки утверждениям вульгарных экономистов, выражающих интересы Сити, политика „дешевых денег" *не создает сама по себе инфляции*. Наоборот, *лишь в условиях инфляции, лишь в связи с рядом основных инфляционных мер политика „дешевых денег" может действовать как фактор, содействующий инфляции*.

Послевоенная инфляция в Англии была связана с сохранением после войны больших военных расходов, с нежеланием лейбористского правительства принять действенные меры для ликвидации последствий войны в денежном обращении путем сокращения количества избыточных денежных средств в народном хозяйстве и стремлением переложить на трудящихся издержки по перестройке хозяйства на мирный лад. Инфляция связана также с большой пассивностью платежного баланса (причины которой анализируются во второй главе) и, следовательно, с необходимостью форсировать экспорт товаров, что сокращает внутренний товарооборот.

---

[1] „The Economist", 19/IV 1947.

[2] Bankers and Cheap Money—„The Banker", February 1947, p. 77

Между тем журнал „Бэнкер", желая во что бы то ни стало доказать необходимость повышения правительством ссудного процента, весь огонь критики правительственной политики направил против политики „дешевых денег", усматривая в ней чуть ли не причину всех бед Англии. С такого рода заявлениями выступали и сами руководители банков. Так, председатель Ллойдс-банка—одного из пяти крупнейших английских банков—лорд Бальфур требовал осуществления правительством последовательной антиинфляционной политики, для чего необходимо, по его мнению, прежде всего установление нормы процента на долгосрочные вложения не ниже трех. Что же касается ликвидации бюджетного дефицита, то для этого лорд Бальфур рекомендовал увеличить косвенные налоги, но ни в коем случае не повышать прямое обложение. Наоборот, он предлагал сократить прямые налоги, чтобы „стимулировать" предприимчивость. Кроме того, он также требовал сокращения, а в дальнейшем—полной ликвидации правительственных субсидий для поддержания фиксированных цен на продовольствие [1].

Такова программа финансовой политики, которую финансовая олигархия настойчиво рекомендовала лейбористскому правительству,— проведение таких антиинфляционных мер, которые всей своей тяжестью падали бы на плечи трудящихся.

Эти требования финансовой олигархии лейбористским правительством, как будет показано ниже, были осуществлены. В частности, по новому транспортному займу установлена точно та процентная ставка, которую требовали банкиры,—3%, а со 2 января 1948 г. и все государственные процентные ставки по займам были повышены на $^1/_2$ проц.

Газета „Рейнольд Ньюс" указывала, что повышение процентных ставок правительством „...дарит миллионы фунтов стерлингов классам, живущим на нетрудовые доходы". Повышение процентных ставок оценивалось печатью как *победа Сити*. Так, „Нейе Цюрхер Цейтунг" писала в статье „Британская процентная политика": „...Сити и инвесторы выиграли борьбу, которую они вели против дальнейшего проведения политики „дешевых денег": они требовали для долгосрочных первоклассных займов три процента, т. е. того уровня, который был установлен в первый год по окончании войны и который теперь восстановил Криппс. Увеличение процента... является признанием неудачи политики „дешевых денег" за последнее время" [2].

В этой связи следует напомнить, что в лейбористской предвыборной платформе выдвигалась широкая программа государственного контроля в общенациональных масштабах за денежным рынком и кредитной системой. Лейбористская партия до своего прихода к власти требовала государственного контроля не только за движением капиталов и новыми инвестициями и за деятельностью центрального

---

[1] „Daily Telegraph and Morning Post", 29/VI 1947.
[2] „Neue Zürcher Zeitung", 6/I 1948.

банка, но и за кредитной политикой акционерных банков. „При этих условиях,—писали лейбористы в своей программе,—правительство будет в состоянии направлять политику этих институтов в соответствии с национальными интересами“ [1].

На конференции лейбористской партии в декабре 1944 г. представитель союза транспортников внес резолюцию, в которой предлагалось, чтобы на предстоящих выборах программа лейбористской партии включила пункт о передаче в общественную собственность земель, тяжелой промышленности, различных банковских организаций, транспорта, топливных ресурсов и источников электроэнергии. Исполком британских тред-юнионов не на шутку испугался такого требования и просил делегата транспортников взять обратно свою резолюцию. Тем не менее резолюция была поставлена на голосование и принята подавляющим большинством голосов [2]. Эта резолюция получила отражение в предвыборной программе лейбористов, которая принесла им победу на выборах. Однако в программе далеко не полностью отражены требования резолюции. Так, вместо требования национализации всех крупных коммерческих банков, исполком включил в свою программу 1945 г. требование национализации лишь одного Английского банка и требование государственного контроля за кредитными институтами и государственного руководства их политикой „в соответствии с национальными интересами“.

Лейбористское правительство при проведении национализации прежде всего имеет в виду *интересы капиталистических монополий, финансовых магнатов.*

Вскоре же после прихода лейбористов к власти законопроект о национализации Английского банка был поставлен на обсуждение парламента. В январе 1946 г. был принят соответствующий закон, который в марте того же года вступил в силу.

В этом мероприятии лейбористского правительства нет ничего ни социалистического, ни демократического, ибо в целом ряде государств, например в Швеции, Финляндии, центральные эмиссионные банки издавна являются государственными институтами. Подобное положение имело место и в царской России.

Характер этого мероприятия был правильно оценен финансовой олигархией и ее прессой еще до его осуществления. Журнал „Экономист“ еще в августе 1945 г. писал: „...Традиционные опасения Сити, что лейбористское правительство расстроит финансовую машину, оказались необоснованными“, а консервативная „Дейли Телеграф энд Морнинг Пост“, критикуя тронную речь короля от 5 августа 1945 г., писала, что национализация Английского банка „... не окажет ни малейшего влияния на его кредитную и валютную политику так же, как на любую область банковской деятельности“.

Биржа была приятно удивлена тому, в какой степени лейбористское правительство проявило понимание интересов финансового

---

[1] „Speaker's Handbook“, 1945, p. 14.
[2] „Правда“ от 17/XII 1944 г.

капитала. „Текст правительственного законопроекта об Английском банке,—писала „Ньюс Кроникл" от 11 октября 1945 г.,—был обнародован в атмосфере полного спокойствия, причем нигде это спокойствие так ясно не ощущалось, как среди держателей акций, подлежащих выкупу... Это можно понять, ибо их акции должны быть приобретены за весьма справедливую, если не сказать, щедрую сумму".

Благодаря высоким дивидендам биржевая цена акций Английского банка стояла перед национализацией значительно выше их выпускной цены. Так, в мае 1945 г. курс стофунтовой акции на бирже был равен 386 фунтам, а на 1 августа того же года этот курс снизился до $357^1/_2$ фунтов. Если бы при национализации акционеры получили фактическую биржевую цену акций —$357^1/_2$ фунтов,—они выручили бы всю сумму принадлежащего им фиктивного капитала, в три с половиной раза превышающую действительно вложенный в дело капитал и десятки раз возмещенный им в виде дивидендов. Но лейбористское правительство решило поразить своей щедростью финансовую олигархию, компенсировав владельцев акций трехпроцентными гособлигациями по курсу *400 фунтов за каждую стофунтовую акцию*! Этот курс обмена вытекал из того, что по закону о национализации компенсация должна быть выплачена из такого расчета, чтобы выдаваемые взамен акций государственные облигации гарантировали акционерам тот средний годовой доход, который в течение последних 20 лет приносили акции. А так как этот доход составлял 12% в год, то за каждую стофунтовую акцию полагалось четыре стофунтовых облигации, приносящих 3% годовых. В результате такого рода „политической арифметики" лейбористов *английские капиталисты получили прямую выгоду от национализации, ибо были компенсированы по цене, значительно превышающей биржевой курс акций*. Недаром буржуазная печать признала выкупную цену акций не только справедливой, но прямо „щедрой": владельцы 14 555 тыс. ф. ст. акционерного капитала получили от государства облигационный капитал в сумме 58 млн. ф. ст.!

Эта „щедрость" за счет государственного кошелька, следовательно, за счет народа в пользу крупных капиталистов, характерна для финансовой и экономической политики лейбористского правительства не только при проведении национализации Английского банка, но и при расчетах за национализированные предприятия в угольной промышленности, на транспорте и в электрохозяйстве[1].

[1] Не случайно поэтому лейбористами была национализирована именно угольная промышленность, которая является убыточной отраслью, требующей больших затрат на переоборудование, которое в значительной своей части уже давно амортизировалось, если не физически, то морально. Правительство, выкупив эти предприятия по высокой цене, спасло от обесценения частные капиталовложения за счет государства. Таким образом, капиталисты совершили исключительно выгодную сделку за счет казны — в конечном счете за счет трудящихся, являющихся основными налогоплательщиками.

Осуществленная таким методом „национализация" приводит к новому, уже в мирной обстановке, нагромождению государственных долгов. По сообщению помощника государственного секретаря британского казначейства за национализированные предприятия правительством уже выплачено компенсаций в форме государственных облигаций на огромную сумму—1 675 млн. ф. ст.[1]. А это означает также увеличение бремени государственного долга для трудящихся, так как капитальные затраты в национализированных отраслях будут производиться за счет налогоплательщика. Основная же масса прибыли—если не вся—должна пойти на выплату процентов бывшим владельцам предприятий.

Прибыль на капитал, которую обычно приносил Английский банк своим акционерам, им гарантируется при всех условиях. Следовательно, в результате такого рода национализации государство выступает в качестве органа, страхующего—и к тому же совершенно бесплатно—не только капиталы собственников, но и прибыли на капитал.

Однако, быть может, лейбористское правительство проявило такую щедрость при проведении национализации лишь для того, чтобы „откупиться" раз и навсегда от капиталистов и передать в руки рабочего класса управление национализированными предприятиями и организациями и, в частности, управление Английским банком?

Ничего подобного: *в руках капиталистов сохраняется и доход от национализированных предприятий и управление ими.* В самом деле, что, например, произошло с Английским банком после национализации его? Лорд Катто остался управляющим Английским банком и после его национализации. Лорд Катто—это крупный английский банкир и коммерсант, происходящий из семьи, издавна имевшей финансовые и коммерческие интересы в Индии. Его карьера прошла в директорстве над крупными торговыми фирмами „Юль Катто и К°" и „Эндрю Юль и К°" в Калькутте, а также „Коммерческого банка Индии", крупной судоходной компании и т. д. Лорд Катто оказался для лейбористов подходящим кандидатом на пост управляющего национализированного Английского банка также и потому, *что он тесно связан с банками США.* Он состоял одним из директоров банка „Морган, Гренфель и К°", английского филиала известного американского банка Моргана. Наряду с финансовой и коммерческой деятельностью лорд Катто был связан с государственным казначейством: во время второй мировой войны он был финансовым советником казначейства, играя в нем важную роль наряду с Кейнсом. Таким образом, лорда Катто можно рассматривать как типичного представителя лондонского Сити, причем он олицетворяет своей персоной сращивание английской финансовой олигархии с государством, подчинение государства монополиям. На посту управляющего Английским банком он сменил Монтегю

[1] „Nachrichten für Aussenhandel", 23/III 1949.

Нормана в апреле 1944 г. То, что во главе Английского банка и после его национализации оставался (до 1949 г.) лорд Катто, само по себе говорит о социально-классовой природе этой „национализации".

После национализации Английского банка не изменился также и состав директоров. Во главе банка стоит назначаемый королем Совет, который состоит из управляющего, его заместителя и 16 директоров. Из 18 членов нового Совета 17 являются представителями Сити. В состав директората Банка, правда, был введен один тред-юнионистский деятель, да и тот—Гибсон, впоследствии замешанный в деле аферисга Стэнли. Эта реорганизация по существу не внесла каких-либо изменений в руководство Банком или в его политику [1].

Поскольку руководство Английским банком попрежнему остается в руках капиталистов, становится очевидным, что для этих последних *такого рода национализация не только не опасна, но, наоборот, является выгодным бизнесом. Лейбористское правительство, проводя ее, не подрывает капитализм, но, наоборот, стремится укрепить его, гарантируя ресурсами государственного бюджета стабильность капиталистических прибылей.*

В законе о национализации Английского банка есть один пункт, который вызвал некоторое, правда временное, беспокойство в финансовых и деловых кругах. Речь идет о том, что, согласно § 3 разд. IV закона, Банк, если он сочтет это необходимым в общественных интересах, „. . . может требовать информацию и

---

[1] Сохранение руководства предприятиями за прежними капиталистическими ее руководителями характерно для всех актов „национализации", проведенных лейбористским правительством. Так, председателем Национального угольного управления назначен лорд Хайндли, который до этого возглавлял крупнейший угольный трест. В его лице представлены интересы мощных английских монополий. В состав правления входит ряд шахтовладельцев и консервативных чиновников. Во главе национализированного транспорта стоят три крупнейших монополиста, один видный чиновник и два представителя правой лейбористской бюрократии.

Из 18 председателей управлений, комитетов и корпораций, учрежденных лейбористами в результате „национализации" или „государственного регулирования" различных отраслей экономики, 10 являются капиталистами, 5—крупными чиновниками из старой министерской бюрократии, 2—лейбористскими богачами и 1 лейбористским тред-юнионистом. Указанные чиновники—представители высшей бюрократии—связаны с той или иной капиталистической группировкой или синдикатом. Почти во всех случаях центральное руководство закреплено за непосредственными представителями монополистического капитала. Концерны, синдикаты и банки откомандировывают своих активнейших и опытнейших руководителей на эту работу. Эти представители капиталистов в государственном аппарате, облеченные официальными полномочиями, выступая якобы во имя „общественного блага", в действительности проводят политику усиления эксплоатации трудящихся и снижения их жизненного уровня. (См. А. Леонидов, Кто управляет национализированными отраслями промышленности Англии, „Новое время", 1948, № 48, стр. 5—6.) Используя для проведения этой политики государственный аппарат, лейбористы на деле помогают монополистам даже с большим успехом, чем консервативная партия.

давать рекомендации банкирам и с разрешения правительства может давать директивы любому банкиру в целях обеспечения эффективности этих требований или рекомендаций"[1]. Формулировка права контроля Английского банка за частными банками—а ведь в этом контроле и заключена вся экономическая суть национализации центрального банка страны—дана в законе, как мы видим, весьма робкая: для того чтобы дать директивы какому-либо частному банку, требуется разрешение правительства, причем из закона неясно, обязан ли частный банк подчиняться таким директивам и что́ может последовать в случае неподчинения им. Тем не менее некоторые круги финансовой олигархии выражали недовольство этой деталью национализации Английского банка. Поэтому Дальтон, который был в тот период министром финансов, дал категорическое заверение по этому поводу: „Что касается отношений между банками и их клиентами, то я не предвижу никаких серьезных изменений в существующих порядках". Дальтон, а вслед за ним и Криппс, выполнили это обязательство лейбористского правительства перед финансовой олигархией.

Характерно, что через два года после вступления в силу закона о национализации Английского банка руководство крупнейшего Мидленд-Банка с удовлетворением отметило, что, „насколько известно, это право Английского банка давать директивы частным банкам никогда не использовалось"[2]. Правда, Мидленд-Банк рассуждает о „теоретическом" и „моральном" значении этого права для укрепления уже достигнутой „сознательной координации" действий Английского банка и коммерческих банков. Руководство этого банка-гиганта рассматривает Английский банк и коммерческие банки как *равноправных* и независимых партнеров в игре, „координирующих" свои действия. В предвыборной агитации лейбористская партия обещала английскому народу не просто „координацию" действий Английского банка, т. е. общегосударственного банка с частными банками, но нечто большее. Оно обязалось организовать контроль за кредитной системой и денежным рынком.

Как же и, главное, в чьих интересах этот контроль осуществляется?

Для контроля за денежным рынком парламент при лейбористском правительстве издал закон о контроле над капиталовложениями под названием „Акт о займах (контроле и гарантиях)", вступивший в силу в июле 1946 г. Функции контроля за капиталовложениями должен выполнять „Национальный совет по инвестициям", в состав которого вошли виднейшие финансисты и промышленники, в частности председатель Британской федерации промышленников К. Бейли. Этот орган должен давать советы правительству по вопросу о разрешении или отказе выпуска новых ценных бумаг на

---

[1] Из текста закона, опубликованного в „The Banker", November 1945, p. 63.
[2] „Midland Bank Review", February 1948, p. 2.

рынок, но сам не должен принимать никаких решений. Как писал английский финансист Эйнциг, „одной из главных целей акта является предупреждение притока капиталов в нежелательные отрасли". Однако, подчеркивает Эйнциг, „ни в коем случае не имеется в виду принуждать частных инвесторов и компании инвестировать (помещать) свои деньги куда-либо против их желания. Правительство лишь имеет в виду содействовать инвестиции капиталов в нужные отрасли путем предоставления возможности некоторым промышленным фирмам выпускать гарантируемые правительством займы"[1]. Правительство, указывал Эйнциг, прежде всего имеет в виду предоставлять гарантии для создания, расширения или реконверсии промышленных предприятий, производящих товары для экспорта.

Для осуществления своей политики в области капиталовложений правительство использует две финансовые корпорации, созданные еще в начале 1945 г., т. е. до прихода лейбористов к власти. Эти корпорации были созданы как частнособственнические компании в результате переговоров между Английским банком, коммерческими банками, инвестиционными трестами, страховыми компаниями и другими финансовыми институтами. Их создание, повидимому, и представляло собой ту самую „сознательную координацию" действий этих институтов, о которой писал Мидленд-Банк. Именно этого рода „координацию" расширяет и укрепляет лейбористское правительство, *предоставляя возможность частным предпринимателям действовать в своих интересах, но без риска потерять капитал или понести убытки, ввиду предоставления государством гарантий.* Не исключается и прямое предоставление государственных средств этим корпорациям для финансирования частных предприятий.

Первая из указанных корпораций под названием „Финансовая корпорация для промышленности" („The Financial Corporation for Industry") должна содействовать притоку капиталов для реорганизации и финансирования важнейших отраслей крупной промышленности. Вторая—под названием „Промышленная и коммерческая финансовая корпорация" („The Industrial and Commercial Finance Corporation")—содействует финансированию небольших предприятий. Правления этих корпораций назначаются Английским банком, хотя последнему принадлежит лишь небольшая часть их акционерных капиталов.

Что же нового в этом механизме государственного контроля за финансированием капиталовложений? Поскольку и промышленность остается частной (более 80% английской промышленности остается и сейчас частнокапиталистической) и финансирование ее производится через частнокапиталистические институты (банки, инвестиционные тресты, финансовые корпорации), постольку все абсолютно остается попрежнему. Нет никаких различий по существу между этой „новой"

---

[1] P. Einzig, Gov. Guaranteed Loans to British Industry в „The Commercial and Financial Chronicle", 31/1 1946.

английской системой контроля за финансированием и той, например, системой, которая уже 15 лет существует в США. Контроль за финансированием лейбористское правительство осуществляет на самых добропорядочных капиталистических основаниях, без всякого нарушения интересов частных предпринимателей. Контроль, как подчеркивает в своей статье Эйнциг, не имеет целью принуждать частных инвесторов и компании к чему-либо. Помимо предупреждения создания явно мошеннических компаний, он имеет целью лишь *содействовать* притоку капиталов в определенные отрасли путем гарантирования и финансирования эмиссии ценных бумаг за счет государственной казны. При этом сфера и такого государственного контроля за финансированием промышленности весьма ограничена, ибо, как указывалось при обсуждении этого законопроекта в парламенте, лишь 17% финансовых нужд промышленности удовлетворялось до войны путем выпуска ценных бумаг на рынок, а остальные 83% притекали в промышленность непосредственно от банков и монополий в порядке частных сделок. Между тем закон о контроле за инвестициями распространяется только на выпуск ценных бумаг, т. е. охватывает лишь небольшую часть финансовых и кредитных сделок.

Таким образом, во-первых, сфера государственного контроля за финансированием и кредитованием промышленности весьма ограничена и, во-вторых, самый контроль осуществляется на принципах и в формах, обычных для буржуазного государства. Этот „контроль" по существу означает сращивание финансовой олигархии с государственным аппаратом.

Использование государственных средств и государственных гарантий в частных интересах, для частнокапиталистического предпринимательства при лейбористском правительстве получило широкий размах: „В промышленных кругах,—писал Эйнциг,—существует мнение, что лейбористское правительство будет более щедрым в снабжении промышленности капиталами, чем правительство консерваторов" [1]. Это предположение целиком и полностью оправдалось.

Забота лейбористского правительства о финансировании частных предприятий, естественно, приветствуется капиталистами.

В военных условиях денежный рынок Англии был полностью поглощен эмиссией государственных ценных бумаг. Лейбористское правительство имело полную возможность монополизировать в своих руках эмиссию ценных бумаг и в мирных условиях, но оно об этом даже и не помышляло. Наоборот, своей финансовой политикой оно всячески содействовало возрождению и максимальному росту частных эмиссий ценных бумаг, что видно из следующей таблицы [2]:

---

[1] P. Einzig, цит. выше статья.

[2] Таблица составлена по данным, опубликованным в „Monthly Bulletin of Statistics", 1948, № 6, p. 130 и в „Midland Bank Review", February 1949.

Общая сумма новой „эмиссии капиталов" и динамика индекса промышленных акций

Годы	Эмиссия частных ценных бумаг		Индекс промышленн. акций (1938 г. = = 100)[1]
	в млн. ф. ст.	в % к 1938 г.	
1938	118	100	100
1939	66	55,9	91,6
1940	4	3,4	76,0
1941	2	1,7	82,0
1942	4	3,4	97,6
1943	9	7,6	118,0
1944	8	6,8	130,0
1945	20	17,0	140,0
1946	131	111,0	155,4
1947	151	128,0	157,8
1948	251	212,0	142,2

Мы видим, что частные эмиссии ценных бумаг, упавшие в годы войны до совершенно ничтожного уровня — 1,7—7,6% к довоенной эмиссии, уже в 1946 г. превысили довоенный уровень на 11%, в 1947 г.—на 28%, а в 1948 г.—на 112%, т. е. в два с лишним раза.

Финансовая поддержка, оказываемая лейбористским правительством учредительским операциям капиталистов, и инфляция, естественно, способствовали повышению курсов промышленных акций. Из приведенной таблицы мы видим, что курсы промышленных акций, значительно упавшие в годы войны, в течение 1945—1947 гг. значительно повысились: среднемесячный индекс за 1947 г. на 58% превышал довоенный курс этих акций.

„Контроль" лейбористского правительства над финансовой олигархией, над монополистическим капиталом является лишь проформой, лишь внешней видимостью. *В действительности же финансовая олигархия использует в своих интересах государственный аппарат и тем самым контролирует лейбористское государство.*

Направление деятельности государственных органов определяется классовой физиономией их руководителей. Кто стоит во главе правительственных или полуправительственных финансовых институтов, мы уже знаем. Как национализированный Английский банк, так и правительственный Совет по капиталовложениям, вместе с созданными в 1945 г. при ближайшем участии Английского банка двумя корпорациями для финансирования промышленности, находятся под контролем финансовой олигархии. Они являются органами, содействующими установлению самого тесного и оперативного контакта между правительством и финансовым капиталом.

Таким образом, лейбористское правительство, вопреки своим демагогическим предвыборным обещаниям, ни в какой степени не осуществило действительного контроля за денежным рынком и банковской системой, оно отнюдь не направляет политику крупнейших английских банков-гигантов. Наоборот, лондонское Сити, т. е. финансовая олигархия, направляет его денежно-кредитную политику. Тот

[1] Индекс пересчитан нами на базу 1938 г.

факт, что переход от политики дешевых денег к политике повышения ссудного процента был осуществлен по требованию и в интересах банков, также свидетельствует о том, что правительство идет на поводу у финансовой олигархии.

Заправилы лондонского Сити, первоначально относившиеся с некоторым опасением к лейбористским „социалистическим" требованиям, в дальнейшем на практике убедились, что находящиеся у власти правые лейбористы отнюдь не стремятся подорвать господство финансовой олигархии в экономической жизни страны, но, наоборот, стремятся использовать свою власть для укрепления этого господства. Ни национализация Английского банка, ни закон о контроле и гарантиях за займами, ни закон о валютном контроле (о нем будет речь в главе 2-й) не внесли по существу никаких изменений ни в капиталистическую экономику Англии в целом, ни даже в механизм капиталистической банковской системы. „В рамках нового законодательства, —заявляет орган Мидленд Банка, — произошло мало перемен в финансовой системе. *В основном банковская система продолжает обслуживать публику так же, как она это делала раньше*" [1]. А это означает, что финансовая олигархия как раньше, так и теперь фактически направляет политику и своих банков, и центрального банка страны — Английского банка. Журнал „Экономист" имел основание иронически заметить по поводу закона о национализации Английского банка, что это „... каталог изменений, которые по существу ничего не меняют". Связи между правительством и Английским банком, с одной стороны, и между банком и финансовой олигархией Англии — с другой, существовали до национализации, продолжают существовать и после нее, становясь лишь еще более тесными, чем раньше.

Товарищ Молотов в своем докладе о 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции сказал: „Есть капиталистические страны, в которых накоплены немалые богатства и опыт людей, имеются природные ресурсы и многое другое. Но сама отжившая свой век система капитализма, с ее частной собственностью и анархией производства, с раздирающими ее социальными и политическими антагонизмами и кризисами, обрекает эти страны на неустойчивость и катастрофические провалы, на периодическую качку и революционные потрясения".

Буржуазная национализация угольной промышленности, железных дорог и Английского банка и вся система контроля и правительственных гарантий частных капиталовложений представляют собой не что иное, как отчаянную и безнадежную попытку укрепить капитализм путем создания за счет государственных средств стабильных условий деятельности капиталистических предприятий. Эта попытка обречена на провал, ибо никакой бюджет и никакая финансовая и кредитно-денежная политика не спасут капитализм от периодических кризисов, катастрофических провалов и революционных потрясений.

---

[1] „Midland Bank Review", February 1948, p. 2.

* *
*

Конечно, Английский банк, ставший при лейбористах государственным банком Англии, является орудием осуществления правительственной финансовой и денежной политики, но это не означает каких-либо изменений в его монополистической сущности. Эта политика, как выше было показано, состояла в осуществлении мер, способствующих кредитно-денежной инфляции, по рецепту Кейнса, и приведших к падению реальной заработной платы, росту дивидендов капиталистов и к общему резкому ухудшению экономического положения страны.

В то время как СССР уже в ходе войны—в 1944 г.—ликвидировал полностью дефицит государственного бюджета, а в дальнейшем неизменно имел значительное превышение доходов над расходами, что создало прочную основу для укрепления денежной системы, английское правительство лишь в третьем послевоенном году подошло к ликвидации дефицита государственного бюджета.

Криппс в своей бюджетной речи 6 апреля 1948 г. заявил, не без хвастовства, что вместо предполагавшегося по бюджету в 1947/48 г. превышения доходов над расходами в сумме 318 млн. ф. ст. фактическое превышение составило 636 млн. ф. ст., т. е. вдвое больше. Однако это относится лишь к так называемому ординарному бюджету, а если взять весь объем бюджета, включая и так называемые статьи „под чертой", куда входят возмещение военного ущерба, займы местному бюджету и пр., и учесть также и доходы „под чертой", то окажется, что сумма доходов равна 3 906 млн. ф. ст., а расходов—3 920 млн. ф. ст.[1]. *Следовательно, никакого превышения доходов над расходами не было в 1947/48 г.*, но имелся даже незначительный дефицит в 14 млн. ф. ст. Фактическая сумма этого дефицита больше, так как в доходы „под чертой" входят дары и займы, которые представляют собой источники погашения бюджетного дефицита. Если из расходов дополнительного бюджета вычесть превышение доходов над расходами основного бюджета, то дефицит составит 75 млн. ф. ст.

Хотя размер дефицита по сравнению с объемом бюджета невелик, *это не могло создать перелома в финансовом положении Англии и затормозить инфляционный процесс.*

Для этого требовалось не приближение к бездефицитному бюджету и даже *не бездефицитный бюджет, но значительное превышение доходов над расходами, чего фактически не было достигнуто в 1947/48 г.* Это признал Криппс, заявив в своей бюджетной речи в 1948 г., что „Англия не смогла поставить преграды инфляционным тенденциям".

---

[1] „The Financial Times", 7/IV 1948.

5. Политика „замораживания" заработной платы и обострение классовой борьбы в связи с этой политикой. Позиция английской компартии в вопросе об инфляции

Лейбористское правительство в конце концов вынуждено было перейти к проведению некоторых мер по борьбе с инфляцией, ибо *финансово-экономическое положение страны с каждым годом лейбористского хозяйничания становилось все хуже и хуже, и страна оказалась на грани экономической катастрофы.*

Встав, наконец, с большим запозданием, на путь торможения инфляции, лейбористское правительство проводит, однако, эту политику так, чтобы не только не ущемить интересы капиталистов, нажившихся за годы войны и послевоенной инфляции, но дает им возможность всемерно обогащаться при проведении этой политики. Так, журнал „Экономист" в середине 1948 г. опубликовал статистические данные о прибылях примерно 900 английских акционерных компаний. Эти прибыли составляли:

Годы	В % к 1945 г.
1945	100
1946	112
1947	141
1948	180

Таким образом, за три послевоенных года прибыли указанных компаний возросли на 80%.

Инфляционное разбухание кредитно-денежной надстройки вне всякого сомнения произошло в первую очередь за счет большого роста прибылей и других нетрудовых доходов. В связи с этим в английской буржуазной печати ставился, между прочим, вопрос о том, не следует ли и Англии по примеру других стран провести специальные меры по сжатию разбухшей за время войны денежной массы и всей денежно-кредитной надстройки, т. е. провести денежную реформу. Так, „Экономист", констатируя, что в Англии „инфляция не только налицо, но она, несомненно, достигла *острой степени*", рекомендовал осуществить операцию блокирования (т. е. замораживания части денежных средств, предъявленных к обмену) по примеру, например, Бельгии. А профессор Хоутри в своем письме в редакцию „Таймс" поддержал предложение „Таймс" о проведении в Англии операции блокирования[1]. Хотя операция блокирования *приводит лишь к временному сокращению денежной массы*, тем не менее лейбористское правительство не решается провести даже и эти далеко не радикальные меры по изъятию денег из обращения.

[1] „The Times", 2/I 1948.

Лейбористское правительство встало на путь проведения „антиинфляционной политики" методом „замораживания" заработной платы. Эта политика была изложена в правительственной Белой книге, которая обсуждалась в феврале 1948 г. в палате общин.

Признав наличие сильной инфляционной тенденции, Криппс заявил, что необходимо найти путь, дабы выбраться из этого порочного круга. Криппс указал, что правительство рассчитывает на осуществление своей новой финансовой политики „демократическим путем", не желая прибегать к слишком „суровому" и „детальному" контролю, имея, конечно, в виду контроль за капиталистами, который де противоречит английской „демократии".

Правительство полагается прежде всего на добрую волю самих капиталистов: „Это большое испытание для нашей демократии,—сказал Криппс,—мы должны немедленно предпринять шаги, чтобы избегнуть непосредственной опасности. Можем ли мы их осуществить демократическим путем свободного решения или мы должны силой потребовать осуществления их?" [1]. Эти высокопарные слова о демократии нужны были для того, чтобы оправдать отказ правительства от осуществления каких-либо антиинфляционных мер, затрагивающих интересы капиталистов. В то же время по отношению к рабочему классу правительство весьма решительно проводит свой новый курс, который означает не что иное, как наступление на жизненные интересы последнего. Для осуществления этого курса правые лейбористы мобилизовали всю свою агентуру в тред-юнионистских организациях.

Весьма показательно, что консерваторы целиком и полностью поддержали этот „новый курс" финансовой политики правительства. Лейбористы и консерваторы образовали таким образом единый фронт наступления на рабочий класс для проведения антиинфляционной политики за счет рабочего класса. Лидер оппозиции Иден, открывая прения в палате общин по вопросу о борьбе с инфляцией, заявил: „Фактом является то, что непрерывающаяся инфляция в нашей стране создала значительные затруднения для нашего платежного баланса. Она расстроила нашу экономику, затруднила перераспределение рабочей силы и нарушила наше промышленное восстановление".

„Дейли Уоркер" противопоставила радостную реакцию консерваторов и американской печати на Белую книгу „удивлению и враждебности" со стороны профсоюзов. „Может быть,—иронически спрашивала газета,—этот документ был представлен на одобрение американского правительства так же, как речь Бевина о внешней политике несколько недель тому назад?" Правительство, как указывала газета, провоцирует рабочих прибегнуть к единственному оружию, которым они располагают,—к забастовкам. „Короче говоря, позиция огромного большинства профсоюзов гласит, что заработная плата должна быть увеличена для того, чтобы она соответствовала

---

[1] „The Financial Times", 13/II 1948.

стоимости жизни. В действительности же их обрекают на сокращение заработной платы и снижение уровня жизни. Профсоюзное движение никогда не пойдет на это добровольно, пока огромные прибыли, расходы на предметы роскоши и затраты огромных средств на вооруженные силы прямо противоречат заявлениям правительства относительно того, что увеличение заработной платы не оправдано".

При обсуждении Белой книги в палате общин представители оппозиции—консерваторы—указывали, что эта книга „. . . является выразительным отказом и отречением от принципов и обещаний, благодаря которым лейбористское правительство пришло к власти", что Белая книга раз и навсегда подрывает теорию о том, что „плановая экономика может якобы действовать в свободном обществе", а один из депутатов меланхолично заметил, что, видимо, существует не больше надежды приостановить поток инфляции, чем остановить морской прилив и отлив.

Да, в сущности, и сам канцлер казначейства Криппс признал то же самое, ибо в той самой речи, в которой он обосновывал необходимость антиинфляционных мер, он уже страшился призрака дефляции: „Мы должны,—заявил он,—внимательно следить за положением и быть готовыми определить момент, когда тенденция к инфляции исчезнет и уступит место дефляционной тенденции. Если это произойдет, то мы должны будем тогда провести быструю перестройку нашей экономической и финансовой политики".

Криппс, как и все буржуазные экономисты, не понимает, что циклическое движение цен отнюдь не обусловлено инфляционными и дефляционными колебаниями. Если Криппс призывает следить внимательно за тем, когда „тенденция к инфляции исчезнет и уступит место дефляционной тенденции", то это лишь означает, что он обеспокоен перспективой наступления такого момента, когда рост цен сменится их резким падением и наступит экономический кризис. Вот о чем в действительности идет речь. И именно к этому, совершенно неизбежному случаю Криппс предлагает готовиться, чтобы „провести быструю перестройку нашей экономической и финансовой политики". Что же все это означает? *Не более чем обычное для всякого буржуазного правительства стремление приспособить свою экономическую и финансовую политику к циклическим колебаниям капиталистического производства.* При этом Криппс, как и подавляющее большинство вульгарных экономистов, сводит циклические колебания производства к денежно-кредитным колебаниям сферы обращения.

На XX ежегодном съезде коммунистической партии Англии, происходившем в прошлом году, значительное внимание было уделено проблеме инфляции в Англии. В политическом отчете генерального секретаря компартии Гарри Поллита указывалось, что в обращении находится слишком большое количество денег. „Однако они находятся не в руках рабочих и даже не в руках среднего класса . . . Основными причинами создавшегося сейчас инфляционного положения являются огромные увеличения прибылей и траты

капиталистов—как в индивидуальном порядке, так и компаниями,—колоссальные накопления, численность наших вооруженных сил и всё усиливающаяся кампания за то, чтобы побольше экспортировать товаров и всё меньше и меньше оставлять их для внутреннего рынка. Банковские вклады неимоверно возросли в результате ряда лет рекордных прибылей, которые в 1947 году на 30 процентов превысили максимальные прибыли военного времени . . ."

Поллит заявил, что для борьбы против инфляции необходимо проведение таких мероприятий, как сокращение численности вооруженных сил, а также сокращение накопления чрезмерной покупательной способности „в руках тех, кто имеет её,—в руках капиталистов".

Поллит указал на необходимость введения контроля над банковскими ссудами, ограничения размера выплачиваемых дивидендов, выпуска принудительного займа за счет нераспределенных прибылей компаний, увеличения налогообложения прибылей, введения ежегодного налога на сбережения в 10 тыс. ф. ст. и выше [1]. Таков действительно эффективный и демократический путь преодоления инфляции, укрепления денежной системы.

Несмотря на большой нажим лейбористского руководства на профсоюзы и поддержку генсоветом тред-юнионов политики замораживания заработной платы, значительное число профсоюзных деятелей заявило, что они будут попрежнему отстаивать свои требования о повышении зарплаты. Так, генеральный секретарь профсоюза строительных техников Джек Стэнли заявил: „Мы будем настаивать на удовлетворении наших требований, независимо от Эттли и его объявления войны заработной плате. Мы не допустим, чтобы его предложения о замораживании заработной платы стали на пути наших требований".

Председатель профсоюза рабочих электропромышленности Фрэнк Фоукс заявил, что его профсоюз не будет обращать никакого внимания на политику Эттли и будет продолжать требовать увеличения заработной платы.

„Дейли Уоркер" опубликовала заявление бывшего президента союза горняков Ланкашира Гаммонда. В заявлении говорится: „Даже лейбористское правительство не сможет убедить горняков согласиться с политикой замораживания заработной платы, в то время как прибыли беспрепятственно возрастают".

В конце марта 1948 г. в Лондоне состоялась конференция исполкомов профсоюзов, обсуждавшая доклад генсовета, который рекомендовал профсоюзам поддержать правительственную Белую книгу по вопросам заработной платы и цен. За доклад генсовета, одобряющий политику правительства, было подано 5 421 тыс. голосов против 2 032 тыс. (на конференции участвовало 1 534 делегата, представлявших $7^1/_2$ млн. человек). Таким образом, делегаты, представлявшие одну треть профсоюзных масс, открыто выступили

[1] „Правда" от 25/II 1948 г.

против такой антиинфляционной политики, которую проводит лейбористское правительство. По сообщениям печати, против отчета голосовали представители объединенного профсоюза машиностроителей, профсоюза рабочих электропромышленности, профсоюза государственных служащих, объединенного профсоюза литейщиков, профсоюза химиков и профсоюзов научных работников. Газеты отмечали, что „слишком значительное меньшинство" голосовало против предложенной генсоветом поддержки правительственной политики в области заработной платы. Как указывалось в печати, в конце конференции все чаще стал задаваться вопрос: „В какой степени это решение является для нас обязательным?"

Касаясь работы конференции, газета „Дейли Уоркер" в редакционной статье писала: „Правые лидеры Британского конгресса тред-юнионов стали целиком на сторону правительства в вопросе о замораживании заработной платы. Принятое конференцией решение означает, что влияние профсоюзного руководства было использовано для борьбы против требований о повышении заработной платы. Однако эта точка зрения не является обязательной для отдельных профсоюзов, которые теперь требуют увеличения заработной платы; продолжающийся рост дороговизны, который означает снижение реальной заработной платы, будет втягивать все большее и большее число членов профсоюза в борьбу за повышение заработной платы".

С момента проведения политики замораживания заработной платы в профсоюзах и партийных низах растет оппозиция к руководству лейбористской партии и лейбористскому правительству. Так, на конференции лейбористской партии в Скарборо, состоявшейся в мае 1948 г., делегатка Лейн от Сен-Панкрасса (Лондон), сообщив данные о сокращении числа индивидуальных членов партии, заявила, что массы не идут в лейбористскую партию, так как они не удовлетворены деятельностью правительства; рабочие жалуются, что они сейчас живут не лучше, чем при правлении консерваторов.

Другой представитель оппозиции Гарольд Уит заявил, что его профсоюз (работников торгово-распределительной сети) с самого начала выступал против правительственной Белой книги о заработной плате. Он выступал против нее потому, что первое, чем должно было заняться лейбористское правительство,—это решение вопроса о прибылях. „На каждом профсоюзном собрании, на котором я присутствую,—сказал он,—меня спрашивают, что это за правительство, которое, говоря о замораживании заработной платы, ничего не предпринимает для замораживания прибылей". Уит заявил, что сейчас прибыли выше, чем они были в течение многих лет, изучение коммерческой информации газет показывает, что дивиденды составляют от 15 до 50%. В то же время горняков, машиностроителей, текстильщиков призывают работать более производительно. Уит отметил, что с рабочими не консультировались относительно Белой книги о заработной плате и что правительство само показало пример предпринимателям в ограничении заработной платы. Многие из выступавших указывали на то, что прибыли и цены продолжали повы-

шаться после опубликования Белой книги. В большинстве резолюций, внесенных по этому поводу на конференции лейбористской партии, критиковалась политика замораживания заработной платы, проводимая правительством, которое в то же время не принимает аналогичных мер в отношении прибылей [1].

На конференции профсоюза горняков в мае 1948 г. делегаты встретили овацией заявление представителя горняков Уилла Пэйнтера о том, что предложенное правительством разрешение кризиса представляет собой классический капиталистический метод, заключающийся в том, что основное бремя возлагается на плечи рабочего класса.

Итак, стремление правительства переложить основную тяжесть борьбы с инфляцией на трудящихся встретило энергичное сопротивление последних. Такого рода антиинфляционный курс правительства был подвергнут суровой критике со стороны всех левых, прогрессивных элементов страны. В то же время правые реакционные элементы оказывали самое сильное давление на правительство в том направлении, чтобы оно твердо придерживалось, якобы „в интересах нации", указанного курса. Так, 8 июня 1948 г. владельцы машиностроительных предприятий отклонили выдвинутые 37 профсоюзами требования об увеличении заработной платы. Многие из этих профсоюзов, объединяющих 2 750 тыс. рабочих заводов и верфей, открыто заявили на конгрессе британских тред-юнионов о своем нежелании придерживаться решений лейбористского правительства о замораживании заработной платы. Таким образом, *борьба рабочего класса Англии за свои жизненные экономические интересы против класса капиталистов самим ходом вещей начинает превращаться в борьбу против правительства, именующего себя „рабочим" правительством, а на деле являющегося защитником интересов монополистического капитала.*

Практическая деятельность лейбористов в условиях, когда в их руках находится государственная власть, полностью подтвердила ленинскую оценку этой партии как насквозь буржуазной партии „. . . ибо, хотя она и состоит из рабочих, но руководят ею реакционеры, притом самые худшие, совершенно в духе буржуазии, и с помощью английских Носке и Шейдеманов они систематически обманывают рабочих" [2].

Крупные капиталисты, с полным основанием рассматривая лейбористское правительство как правительство, действующее в их интересах, предъявляют все новые и новые требования в направлении нажима на рабочий класс и обеспечения возможности дальнейшего увеличения своих прибылей. Так, Ассоциация торговых палат в своем обращении к Криппсу предлагала значительно сократить налоги на доходы компаний и дополнительный налог на доходы свыше 2 тыс. фунтов в год. Основное бремя налогообложения надо, по мнению

---

[1] „Правда" от 20/V 1948 г.
[2] Ленин, Соч., т. XXV, 3-е изд., стр. 365.

Ассоциации, перенести с прямых на косвенные налоги; налог же на прибыль после вычета установленных отчислений не должен превышать 15%. Предельные оклады директоров, освобожденные от обложения налогом на прибыль, должны быть повышены с 15 до 30 тыс. ф. ст. в год и т. д.

Комментируя это письмо, „Дейли Уоркер" с полным основанием указывала, что оно свидетельствует о бесплодности попыток Криппса добиться от капиталистов ограничения или сокращения прибылей и показывает, что необходимое для снижения цен сокращение издержек производства будет достигнуто исключительно за счет заработной платы. Письмо ясно раскрывает нежелание капиталистов чем-либо пожертвовать и их стремление, наоборот, увеличить свои чистые прибыли и так называемые „оклады" директорам, которые являются замаскированной формой прибыли. Что это так, ясно показывает статистика прибылей. Мы уже приводили соответствующие данные. По другим, более поздним данным, составленным Научно-исследовательским бюро лейбористской партии и охватывающим более широкий круг предприятий (2 236 компаний), прибыли (до вычета налогов) в 1947 г. составляли 484 млн. ф. ст., а в 1948 г.—611,2 млн. ф. ст., т. е. возросли за 1948 г. на 26%.

Таким был ответ капиталистов на призыв лейбористского правительства не повышать дивиденды!

Как же реагировало на это правительство? Оно взяло под защиту капиталистов! В промышленных капиталистических кругах Англии вызвало большое удовлетворение то, что Криппс в своем выступлении на конгрессе тред-юнионов в сентябре 1948 г. настойчиво призывал английских рабочих повысить производительность, игнорируя при этом вопрос об уровне реальной заработной платы рабочих в связи с ростом цен и убеждая рабочих, что де рост прибылей капиталистов не имеет отношения к уровню зарплаты.

Вполне понятно, что Национальный союз промышленников заявил о том, что он полностью поддерживает призыв Криппса на конгрессе британских тред-юнионов. Союз промышленников потребовал в связи с этим прекратить „движение за сокращение рабочего дня, а в некоторых случаях даже бороться за удлинение рабочего дня".

Внесенное коммунистами предложение о сокращении прибылей (на 25%) было отклонено, что, естественно, встретило всеобщее одобрение капиталистической печати. Характерно заявление газеты „Манчестер Гардиан", что Криппс „сыграл свою роль лучше, чем можно было ожидать". Газета „Ньюс Кроникл", восхваляя речь Криппса, выражала ему одобрение как „первому министру-социалисту, разоблачившему бессмысленность продолжения нападок на частную инициативу", т. е. на монополистический капитал.

Выступления Криппса с открытой и прямой защитой капиталистов дали основание Федерации британских промышленников обратиться в январе 1949 г. к правительству с двумя меморандумами: в первом из них Федерация предлагает снизить существующие ставки подоход-

ного налога, во втором — отменить налог на прибыль. При сохранении, а тем более при увеличении нынешнего объема государственных расходов естественно, что требуемое Федерацией сокращение налогов на капиталистов может быть компенсировано только увеличением косвенного обложения, т. е. за счет трудящихся.

6. Лейбористский бюджет 1948/49 г. и вопрос о налоге на капитал

В течение некоторого, правда, очень короткого, периода распространение всякого рода слухов о лимитировании дивидендов и введении налога на капитал создало нервозное настроение на бирже за пару месяцев перед опубликованием бюджета 1948/49 г.: „Дела идут вяло и нет никакого основания рассчитывать на некоторое повышение активности, — писала „Файненшл Таймс". Бюджет в настоящее время рассматривается как ключ рыночной конъюнктуры".

Естественно, что против проекта введения налога на капитал ополчились все защитники капитала. Так, „Экономист" в передовой статье от 17 января 1948 г., т. е. еще за три месяца до внесения проекта бюджета в парламент, не жалел красок для того, чтобы расписать те опасности, с которыми связано введение такого налога, который будто бы подорвет стимулы сбережений, ослабит накопление капитала и т. п.

Однако какие бы высокопарные речи ни произносили лейбористские деятели, опасения „Экономиста" не имели никаких оснований, ибо нынешнее лейбористское правительство отнюдь не собиралось и не собирается создавать какую-либо угрозу существованию капитализма и чем-либо подрывать стимулы частного капиталистического предпринимательства.

Нервозность капиталистических кругов в связи с опасением введения новых налогов на капиталистические доходы довольно быстро улеглась. Газета „Файненшл Таймс" 1 апреля 1948 г., т. е. накануне объявления бюджета, сообщала, что „...на фондовой бирже не наблюдается даже самых незначительных признаков предбюджетной нервозности. Серьезные страхи и волнения, которые были распространены несколько недель тому назад, внезапно исчезли, и бюджет теперь ожидается с большей степенью доверия к тому, что он не взвалит на плечи инвесторов никакого нового бремени" [1]. Биржа — этот барометр политической и экономической погоды — не придавала значения „радикальным" фразам лейбористских деятелей. Спокойствие биржи означало, что либо никакого вообще налога на капитал не будет введено, либо он будет введен в размерах, отнюдь не обременительных для капиталистов.

Шестого апреля 1948 г. Криппс внес проект бюджета в палату общин и произнес традиционную речь. В этой речи Криппс, между прочим, заявил, что „новая задача министра финансов состоит

[1] „The Financial Times", 1/IV 1948.

не только в сбалансировании бюджета: она гораздо шире и заключается в том, чтобы увязывать наши ресурсы с нашими потребностями...“ Криппс в своей речи сетовал на то, что демократия, мол, затрудняет планирование. Это, действительно, верно, если под „демократией“ понимать то, что подразумевает Криппс, а именно сохранение основ современного капиталистического способа производства с его господством монополий и с империалистическим государством, обеспечивающим это господство. Планирование в капиталистическом обществе попросту невозможно. Тридцатилетняя история социалистического планирования в СССР учит трудящихся всех стран, что лишь при уничтожении власти капитала, экспроприации класса капиталистов, в условиях господства общественной собственности возможно реальное планирование народного хозяйства. Конечно, никакой „увязки ресурсов с потребностями“ лейбористское правительство изобрести не в состоянии.

Разговоры лейбористов о „планировании“ представляют собой лишь обман трудящихся масс, а осуществляемые ими меры „контроля“ усиливают власть монополий и укрепляют позиции английского империализма. Вместе с тем, не говоря уже об СССР, опыт последних лет показал, что подлинная, т. е. народная демократия, существующая, например, в Болгарии, Польше, Чехословакии и других странах, в связи с осуществлением ряда социально-экономических реформ в этих странах, создала вполне реальные возможности для действительного народнохозяйственного планирования. Однако в Англии нет ни политического, ни экономического строя народной демократии.

Желая возможно более ослабить пассивность платежного и торгового баланса, лейбористское правительство проводит политику форсированного развития экспортных отраслей промышленности за счет отраслей, обслуживающих внутренние нужды. Эта задача ставится и перед внутренней финансовой политикой: правительство рассчитывает путем замораживания заработной платы ограничить потребление рабочих, сократить рыночный спрос на средства потребления и ограничить их производство. Высвободившиеся благодаря этому материальные ресурсы и рабочая сила должны поглощаться экспортными отраслями промышленности. В связи с этим лейбористское правительство в своем экономическом обзоре даже намечало увеличение безработицы в 1948 г. Хотя лейбористы много шумят на тему о „планировании“ производства, однако ясно, что описанные выше методы правительственного влияния на структуру спроса и производства являются специфически капиталистическими методами экономической политики буржуазного государства, ничего общего не имеющими с подлинным народнохозяйственным планированием.

Правительство намечало повысить свои налоговые доходы с 3 269 млн. ф. ст. в 1947/48 г. до 3 512 млн. ф. ст. в 1948/49 г., т. е. на 243 млн. ф. ст., или на 7%, причем прямые налоги повышаются на 116 млн. ф. ст., или на 6,5%. Более половины всего прироста падает на пошлины и акцизы, т. е. на косвенные налоги по ввозимым из-за границы товарам.

Глубокие изменения в экономике неизбежно должны, как в зеркале, отражаться в государственном бюджете, в частности в структуре его доходов. О чем же говорит структура четвертого бюджета лейбористского правительства? В приводимой ниже таблице мы даем структуру основных групп доходов госбюджета 1948/49 г. и для сопоставления с ней такую же структуру бюджета 1938/39 г. *(в млн. ф. ст.)* [1]:

Основные виды доходов	1948/49 г.	1938/39 г.
Прямые налоги	1 965	534
В % ко всем налоговым доходам	56	61
Косвенные налоги	1 547	341
В % ко всем налоговым доходам	44	39
Всего налоговых доходов	3 512	875
В % к итогу (налоговые доходы)	92	87
Неналоговые доходы	253	131
В % к итогу	8	13
Всего доходов	3 765	1 006

Сумма всех прочих неналогового характера доходов хотя и возросла, однако отнюдь не за счет доходов государственных предприятий. Следовательно, лейбористский государственный бюджет в его доходной части абсолютно ничем не отличается от обычного капиталистического бюджета, который ни в какой степени не опирается и не может опираться на доходы государственных предприятий. Удельный вес неналоговых доходов в бюджете даже снизился с 13 до 8%. Зато значительно поднялся удельный вес косвенных налогов: в общей сумме доходов—с 34 до 41%, а в налоговых доходах—с 39 до 44%. Удельный вес прямых налогов в общей сумме налогов соответственно упал с 61 до 56% при сохранении прежнего удельного веса этих налогов в общей массе доходов бюджета.

Структура основных доходов бюджета 1948/49 г. (налоговых) показана в следующей таблице *(в млн. ф. ст.)* [2]:

[1] Здесь, как и в других таблицах, в которых анализируются бюджетные данные, цифры за 1948/49 г. взяты из „The Times", 7/IV 1948 г., а за 1938/39 г.— из „International Reference Service", September 1948.

[2] „The Times", 7/IV 1948.

Виды налогов	Сумма
Подоходный налог	1 309,2
В % к итогу (общей сумме налогов)	37,3
Дополнительный подоходный налог	90,0
В % к итогу	2,6
Наследственный налог	160,0
В % к итогу	4,5
Налог на прибыль и сверхприбыль	250,0
В % к итогу	7,1
Специальный взнос (налог на капитал)	50,0
В % к итогу	1,4
Таможенные пошлины	820,6
В % к итогу	23,3
Акцизы	726,6
В % к итогу	20,7
Прочие налоги	106,0
В % к итогу	3,1
Итого	3 512,4

Мы видим, что такие налоги, которыми облагаются только капиталисты: дополнительный подоходный налог, налог на прибыль и сверхприбыль и налог на капитал, в общей сложности дают лишь 11,1% всех налоговых доходов. Зато пошлины и акцизы, которые особенно сильно задевают доходы наименее обеспеченных слоев населения, составляют 44,0% всех налоговых доходов.

В этих соотношениях рельефно раскрывается классовый характер налоговой политики лейбористского правительства.

Общий объем доходов на 1948/49 г. был запроектирован в сумме 3 765 млн. ф. ст., а расходов—в сумме 2 975 млн. ф. ст.; следовательно, превышение доходов над расходами должно было составить 790 млн. ф. ст., причем значительную часть этого излишка, а именно 319 млн. ф. ст., правительство предполагало использовать для борьбы с инфляцией.

В смете внутренних налоговых доходов под названием „Специальный сбор" (Special Contribution) в бюджет был включен тот самый налог на капитал, по поводу которого было поднято столько шума. Этот специальный налог, по заявлению Криппса, не является дополнительным подоходным налогом, но представляет собой именно единовременный налог на капитал, исчисляемый по доходам капиталистов в связи с технической трудностью учета подлежащих обложению капиталов.

Экономисты и органы печати, которые для характеристики тяжести налогового обложения капиталистов складывают этот налог с подоходным налогом и сопоставляют полученную сумму с годовым чистым доходом капиталистов, вводят читателей в заблуждение. Налог надо сравнивать с *объектом* обложения, чтобы определить его

тяжесть для налогоплательщика. Объектом же этого специального налога, как ясно заявило правительство, является *капитал, а не доход*, и поэтому ставки данного налога надо сравнивать с капиталом, а отнюдь не с годовым *доходом*.

Между тем и сам канцлер казначейства почему-то „забыл" в своей речи сделать такое сопоставление и в то же время привел сопоставление ставок налога с годовым доходом. Такая забывчивость вероятно не случайна, ибо если бы Криппс сделал сопоставление ставок налога с суммой облагаемого капитала, то сразу обнаружилось бы, что правительство стреляет из пушек по воробьям, ибо ничего серьезного, ничего весомого с экономической и финансовой, а следовательно, и с политической точки зрения в этом налоге нет.

Какую же в действительности долю богатств, принадлежащих капиталистам, изымает правительство в бюджет этим налогом?

К сожалению, мы не можем сказать, какую долю *всего* богатства, принадлежащего капиталистам, изымает бюджет этим налогом, ибо обложению подлежит *не весь капитал*, но лишь часть его, инвестированная в ценные бумаги и приносящая доход рентного характера.

Какую же долю облагаемой части капитала изымает бюджет? По расчетам газеты „Файненшл Таймс" этот налог составляет от 0,1 до 2,5% к соответствующим долям облагаемого капитала.

Однако газета определила сумму капитала, подлежащего обложению путем капитализации соответствующего дохода из 5%. Если же взять ныне действующую ставку ссудного процента, уже после проведенного лейбористским правительством повышения ее, а именно 3% по долгосрочным вложениям, капитализировать из этого процента годовой доход и отнести налог ко всей сумме таким способом исчисленного капитала, то мы получим следующую шкалу обложения, которая выглядит существенно иначе по сравнению со шкалой, официально представленной правительством парламенту, и со шкалой, исчисленной „Файненшл Таймс":

Сумма годового дохода (в ф. ст.)	Ставки налога на капитал при этой сумме дохода (в ф. ст.)	Налог в % к доходу, капитализированному из 3% годовых
300	5	0,05
500	25	0,15
1 000	125	0,37
2 000	425	0,64
5 000	1 625	0,97
8 000	3 125	1,17
50 000	24 125	1,50

Итак, максимальный „вклад", который капиталисты-миллионеры сделают для финансового и экономического оздоровления нации, составляет $1^1/_2$ проц. суммы их капитализированного дохода!

Лондонская газета „Дейли Уоркер" сделала другой, весьма показательный расчет „тяжести" этого нового налога. Согласно этому расчету при 5-процентной норме капитализации дохода в результате обложения капитал в 1 млн. ф. ст. сократится лишь до 975 875 ф. ст., а годовой доход с этого капитала—с 50 000 до 48 793 ф. ст.

Таким образом, в ответ на требование рабочих масс решительно повысить налоговое обложение капиталистов в 1948/49 г. и, в частности, ввести серьезный налог на капитал правительство отделалось для отвода глаз весьма легковесной мерой. Сами же лейбористы после первой мировой войны предлагали налог на крупный капитал, исчисляемый миллиардами фунтов стерлингов, а ныне, находясь у власти, они удовольствовались... 50 млн. ф. ст.!

Органы капиталистической, даже самой правой, печати сразу же раскусили, в чем дело. Они единодушно признали, что сей чорт оказался на деле вовсе не таким страшным, как его до этого малевали. Так, „Дейли Телеграф" писала, что бюджет носит „...менее суровый характер, чем одно время предполагали".

Широко комментировала эту меру газета „Таймс", которая, между прочим, поместила не лишенное интереса письмо Харрода на тему „Борьба против инфляции". Это письмо показывает, что капиталисты расценивают введенный лейбористским правительством налог на капитал как полумеру, не дающую никакого реального эффекта в борьбе с инфляцией и представляющую поэтому лишь демагогический жест. Автор его указывает, что налог на капитал в больших размерах „...может сократить капитальные расходы фирм, поскольку он лишит их необходимых для этого средств; что же касается введенного правительством налога, то он слишком незначителен, чтобы оказать подобное влияние, за исключением разве небольшого числа случаев. Поскольку он не может иметь значения в качестве антиинфляционной меры, трудно понять, для какой цели он вводится, если не считать цели политического успокоения". Кого же надо успокаивать? Конечно, тех самых рядовых членов партии и профсоюзов, которых уже не раз обманывали лейбористы. Нынешнее лейбористское правительство использовало эту, якобы „левую", меру в качестве дымовой завесы для наступления на рабочий класс, в интересах монополистического капитала[1]. Как писала

[1] Праволейбористское руководство, считая, повидимому, этот политический маневр весьма удачным, настойчиво рекомендовало при проведении сепаратной денежной реформы в Западной Германии ввести налог на капитал промышленников, землевладельцев и других владельцев собственности. Английское лейбористское правительство считало, что если денежная реформа не будет сопровождаться таким налогом, то она не будет популярной среди масс немецкого народа (см. „Известия" от 22 июня 1948 г.). Однако доводы Бевина по этому вопросу оказались малоубедительными для американских империалистов, и последние отвергли их.

газета „Нью-Йорк Таймс", этому налогу можно дать лишь „... политическое оправдание. Полагают, что введение этого налога сделает более приемлемой политику стабилизирования заработной платы" [1]. А газета „Дейли Мэйл", проливая крокодиловы слезы по поводу несчастных крупных капиталистов, которые будто бы в отличие от мелких собственников не смогут собрать нужные средства для уплаты налога, и говоря о „злостном характере этого нового налога", в то же время пишет в заключение, что „... бюджет Криппса более удовлетворительный, чем это можно было ожидать от него в эти трудные времена". „Файненшл Таймс" отметила с удовлетворением, что по сравнению с тем, что предлагали некоторые лейбористы и даже предшественники Криппса, и „... по сравнению со шкалой налога на капитал, известной в практике других стран, норма предлагаемого налога относительно низка" [2].

В действительности же шкала налога, как было показано нами выше, не только „относительно низка", как признает „Файненшл Таймс", а крайне ничтожна.

Тяжесть этого налога на практике еще меньше, чем показано в приведенной выше шкале, ибо налог взимается по данным о доходе *прошлого года*. Между тем несомненно, что значительная часть последнего была капиталистами сбережена, т. е. инвестирована; стало быть, исчисление налога *преуменьшает сумму облагаемого капитала и, следовательно, процент его обложения фактически еще ниже рассчитанного нами.*

Правда, правительство обратилось с патетическими призывами к капиталистам ограничить свои дивиденды. Однако на бесплодность этих призывов справедливо указал в палате общин Пиратин, отметивший, например, что фирма, председателем которой является консервативный член парламента Хэннон, повысила дивиденды, хотя Хэннон был среди представителей организации промышленников, обещавших ограничить дивиденды. Пиратин заявил, что может привести десятки примеров повышения дивидендов.

Нельзя сомневаться в том, что подавляющее большинство крупных капиталистов за счет повышенных доходов 1948/49 г. легко покрыло специальный налог, не затрагивая своего капитала.

Интересно также, что и для налога на капитал сохранена принятая в Англии ступенчатая шкала обложения. Так, например, капитал, приносящий 8 000 ф. ст. годового дохода, облагается следующим образом: 250 ф. ст. вовсе не облагаются, с суммы от 250 до 500 ф. ст. с каждого фунта стерлингов взимается 2 шиллинга налога, от 500 до 1 000 ф. ст.—4 шиллинга и т. д., при доходе свыше 5 000 ф. ст. ставка достигает максимума—10 шиллингов с фунта. По этой максимальной ставке облагается не весь капитал, а только часть его, приносящая доход свыше 5 000 ф. ст. в год; прочие части капитала облагаются по соответствующим более низким ставкам. Таким образом,

---

[1] „The New York Times", 26/IV 1948.
[2] „The Financial Times", 7/IV 1948.

крупный капитал рассматривается в качестве суммы более мелких капиталов и все льготы, которые имеют мелкие собственники, автоматически распространяются и на крупных капиталистов. Это воистину „капиталистический демократизм", поскольку крупные капиталисты пользуются всеми налоговыми преимуществами мелких собственников с точки зрения налогообложения.

Вводя этот более чем скромный налог на капитал, Криппс в то же время всячески оправдывался перед капиталистами, подчеркивая, что этот налог—единовременный, отнюдь не посягающий на право капиталистической собственности.

Что это именно так, видно уже из того, что по проекту бюджета на 1948/49 г. этот налог должен был дать всего 50 млн. ф. ст., что составляет 0,6% национального дохода страны.

Но быть может этот налог все же означал нечто весомое в бюджете 1948/49 г. и в проведении антиинфляционных мер? Ясный ответ на этот вопрос даст следующая справка: налог на капитал составляет лишь 1,4% всех налоговых доходов государства в 1948/49 г., а по отношению к излишку доходов над расходами—только 6,3%. Совершенно ничтожное, фискальное значение этого налога не подлежит никакому сомнению.

Представляя бюджет, правительство рассчитывало, что окончательный излишек доходов над расходами, который может быть использован для борьбы с инфляционными тенденциями, составит в 1948/49 г. 319 млн. ф. ст. Специальный налог составляет менее $^1/_6$ части этой суммы; следовательно, он играет ничтожную роль и в сумме тех ресурсов, которые непосредственно предполагалось использовать для борьбы с инфляцией.

Мы приходим к выводу, что налог на капитал—лишь маневр праволейбористского руководства, проведенный для успокоения рядовых членов партии и профсоюзов. Этот налог представляет собой очень дешевую плату капиталистов за проведение „антиинфляционного курса", выражающегося на деле лишь в политике замораживания заработной платы, обогащающей капиталистов.

Вполне естественно, что передовые слои рабочего класса не могли быть удовлетворены таким налогом на капитал. Поэтому после того, как бюджет 1948/49 г. был принят парламентом, вновь было выдвинуто требование введения серьезного налога на капитал. Так, на конференции лейбористской партии в Скарборо в мае 1948 г. профсоюзом строительных техникумов была вынесена резолюция, поддержанная многими выступавшими, в которой в одном из семи пунктов выдвигалось требование обложения налогом капитала[1]. А в заявлении английской компартии по поводу конференции лейбористской партии в Скарборо выставлено требование „сократить прибыли и цены и обложить тяжелым налогом капитал, прибыли и доходы, извлекаемые из ренты"[2].

---

[1] „Правда" от 20/V 1948 г.
[2] „Правда" от 16/V 1948 г.

Кроме налога на капитал, другим новшеством бюджета 1948/49 г. было снижение ставок подоходного налога. В бюджете несколько увеличивались льготы по обложению дохода от личного труда и одновременно поднят верхний предел необлагаемой части дохода— с 250 фунтов стерлингов до 400. Тем самым восстанавливались довоенные ставки, а довоенный предельный уровень, не подлежащий обложению, повышался на $^1/_3$, что соответственно расширяло круг лиц, не облагаемых подоходным налогом. Наконец, в бюджете предусматривалось предоставление работающим женам тех же льгот, которые предоставлены мужчинам. Однако все эти льготы практически сводились на-нет в связи с тем, что правительство одновременно *усилило обложение трудящихся по линии косвенных налогов.*

Лондонская „Дейли Уоркер" справедливо указывала, что в бюджете 1948/49 г. косвенные налоги росли значительно сильнее прямых, в то время как сам же Криппс признает, что косвенные налоги наиболее сильно затрагивают лиц с низкими доходами. Таким образом, снижение подоходного налога, если учесть рост косвенных налогов, никакого облегчения рабочему классу в 1948/49 г. не принесло.

Подвергнув резкой критике представленный Криппсом бюджет, Пирэтин привел данные, показывающие, что при лейбористском правительстве тяжесть налогового обложения для групп, имеющих нетрудовые доходы, сократилась почти в 2—3 раза.

При оценке приведенных выше данных о налоговом обложении прибылей следует иметь в виду, что немалая часть прибылей вовсе ускользает от обложения. Это вынужден был признать и Криппс в своей речи о бюджете 1948/49 г., когда он говорил о расточительстве „...с которым акционерные компании и фирмы предоставляли всевозможные премии и тантьемы своим директорам и высшим служащим. Правом выдачи премий явно злоупотребляли. Подобные платежи ускользают от обложения... Не подлежит сомнению, что очень многие лица обходят закон, причем им удается вести весьма расточительный образ жизни за счет налогоплательщиков"[1]. Признавая такого рода „расточительство", т. е. перекачку прибылей акционерных компаний в карманы руководящих этими обществами лиц, Криппс, вопреки болтовне о контроле за капиталистами, в сущности расписался в бессилии—да и нежелании—лейбористского правительства осуществлять финансовый контроль за доходами финансовой олигархии.

7. Расходы государственного бюджета 1948/49 г. Рост военных расходов в 1949/50 бюджетном году и фактический провал провозглашенного лейбористским правительством антиинфляционного курса

Переходя к анализу расходной части государственного бюджета Англии, следует прежде всего обратиться к данным, опубликованным

[1] „The Times", 7/IV 1948.

в 1948 г. в „Белой книге о национальных доходах и расходах“ [1].

Эти данные интересны в том отношении, что они показывают большой рост удельного веса непроизводительных правительственных расходов (львиную долю которых составляют военные расходы и по оплате займов) в распределении общественного продукта и национального дохода страны по сравнению с довоенным временем. Эти расходы в 1947 г. составляли 2 115 млн. ф. ст.—почти втрое больше довоенного уровня. По сравнению с 1946 г. они сократились незначительно—всего на 12%. Удельный вес этих расходов в общественном продукте в 1946 г. составлял 25%, в 1947 г.—22%, в то время как до войны, в 1938 г.,—14%; следовательно, удельный вес этих расходов и в 1947 г. был более чем в $1^1/_2$ раза выше довоенного уровня. А по отношению к так называемому „национальному доходу“ (сумма которого преувеличена) правительственные расходы составляли в 1947 г. 24%, т. е. одна четверть всего так называемого „национального дохода“ страны поглощается этими расходами, в то время как в 1938 г. их удельный вес составлял 16%. Это было связано прежде всего (наряду с другими причинами) с нежеланием лейбористского правительства по окончании войны провести действительную перестройку государственного бюджета на мирный лад, для чего надо было сократить вооруженные силы и расходы на вооружение до довоенного уровня.

Если для динамики так называемых национальных „издержек“ в 1946 и 1947 гг. по сравнению с 1938 г. характерен большой рост правительственных расходов, то для динамики источников покрытия этих расходов характерно увеличение иностранных займов и продажи активов иностранцам в 5 раз, а в 1947 г. в 9 раз больше по сравнению с 1938 г. (причины и последствия этого явления рассматриваются во второй главе).

Строение расходной части бюджета 1948/49 г. показано в следующей таблице (*в млн. ф. ст.*):

Виды расходов	Сумма
Платежи по госдолгу	500
В % ко всем расходам	18
Военные расходы	693
В % ко всем расходам	23
Всего	1 193
В % ко всем расходам	41
Гражданские расходы	1 749
В % ко всем расходам	59
Итого	2 942

[1] „White Paper on National Income and Expenditure“, 1948, Cmd 7371.

Общий объем расходов и в 1948/49 г. оставался на чрезвычайно высоком уровне, превышавшем в 2,6 раза объем расходов бюджета предвоенного, 1938/39 г.

Военные расходы и платежи по государственному долгу составляли огромную часть—41% всех расходов государственного бюджета. Между тем военные расходы производятся лишь в империалистических интересах. Платежи же по государственным долгам так колоссально возросли потому, что во время войны коалиционное правительство не пожелало мобилизовать капиталы на оборону страны, предпочитая значительную долю военных затрат возложить в форме государственных долгов на широкую массу трудящихся—налогоплательщиков. Лейбористское же правительство свято выполняет финансовые обязательства бывшего коалиционного правительства перед капиталистами. Таким образом, рабочие и служащие своими трудовыми шиллингами и пенсами должны расплачиваться *и за текущие военные затраты и за прошлые военные затраты*. Выгоды же от тех и других затрат шли и идут в карманы тех, кто снабжает армию, флот и авиацию, наживаясь на государственных поставках.

Однако лейбористы не могли бы проводить империалистическую политику в интересах финансовой олигархии, если бы, придя к власти, они полностью игнорировали требования трудящихся и совершенно отказались бы от выполнения всех своих предвыборных обещаний. В этой связи надо отметить, что бюджетные ассигнования на просвещение, здравоохранение, жилищное строительство и национальное страхование были увеличены при лейбористском правительстве по сравнению с их совершенно ничтожным довоенным уровнем. Однако и в 1948/49 г. лишь сравнительно небольшая доля государственных доходов шла на эти цели. Так, из общей суммы доходов государственного бюджета в сумме 3 765 300 тыс. ф. ст. только 214 896 тыс. ф. ст., или 5,7%, было ассигновано по четвертому разделу бюджета—„Просвещение и радио". По пятому же разделу бюджета—„Здравоохранение, жилищное строительство, планировка городов, труд и национальное страхование" было ассигновано 540 697 тыс. ф. ст., или лишь 14,4% всех доходов.

Но что означают эти миллионы фунтов стерлингов для каждого жителя Англии? В 1948/49 бюджетном году численность народонаселения Соединенного Королевства надо принять в сумме, не меньшей, чем 50 млн. человек. Исходя из этой цифры, расходы на просвещение составляли в 1948/49 г. 4,3 ф. ст. на душу населения, а расходы на здравоохранение, жилстроительство и национальное страхование—10,8 ф. ст., в то время как военные расходы и расходы на оплату государственного долга—24,5 ф. ст., т. е. почти в $2^1/_2$ раза больше. Все расходы на просвещение, здравоохранение и материальное обеспечение английского народа из средств государственного бюджета составляли по четвертому и пятому разделам бюджета всего $12^1/_2$ шиллингов в месяц на человека! Цифра весьма небольшая для лейбористского бюджета, который рекламируется как „демократический" и „прогрессивный" и даже „социалистический"!

При оценке бюджетных расходов по этим статьям не следует забывать, что за последнее десятилетие произошло обнищание английского рабочего класса, снижение материального уровня жизни трудящихся масс. Даже по данным „Белой книги о национальных доходах и расходах" 1948 г. расходы населения на одежду были в 1946 г. на 26% меньше, чем в 1938 г., а в 1947 г. — на 16%; расходы на предметы домашнего обихода были соответственно меньше на 37 и 23%. Между тем одновременно с обнищанием трудящихся масс увеличилось накопление капитала в 1948/49 г. в связи с проведением политики замораживания заработной платы при продолжающемся росте цен. В свете этих фактов рост ассигнований на культурные и материальные нужды из бюджета следует рассматривать как удобное прикрытие для проведения экономической и финансовой политики, способствующей дальнейшему наступлению монополистического капитала на рабочий класс, дальнейшему усилению эксплоатации.

Хотя бюджет 1948/49 г., как указывалось выше, — это уже третий бюджет мирного времени, объем военных расходов сохранился в нем на чрезвычайно высоком уровне. Криппс заявил, что в этом бюджете „экономия" по расходам на оборону составляет 206 млн. ф. ст. Однако, если бы Криппс сопоставил абсолютную сумму предложенных им расходов на оборону в 1948/49 г., а именно почти 700 млн. ф. ст., с нормальными военными расходами Англии в довоенных мирных условиях, то обнаружилось бы, что никакой „экономии" в расходах на оборону нет и в помине. Напротив, военные расходы 1948/49 г. в $3^1/_2$ раза превышают объем военных расходов 1937/38 г. (197 млн. ф. ст.).

Исполнительный комитет Английской компартии в сентябре 1948 г. опубликовал специальное заявление по поводу советских предложений о сокращении вооружений и запрещении атомного оружия. В этом заявлении Исполком указывал: „Наша страна продается американскому империализму в качестве базы для будущей войны против социализма в Европе.

Эта преступная военная политика подрывает экономическое восстановление страны. Она означает выбрасывание на ветер всех ресурсов, накопленных в результате напряженных усилий рабочих. Уровень жизни снижается, в то время как производство вооружений растет. Вооружения обходятся каждой рабочей семье, состоящей из пяти человек, в 70 ф. ст. ежегодно, или в 1 фунт и 7 шиллингов еженедельно. Новый план вооружений приведет к еще большим жертвам, большим лишениям и к повышению налогов и цен" [1].

Как известно, лейбористское правительство выступило заодно с американским правительством против советского проекта сокращения вооружений. Оно в действительности не только не собирается сокращать вооружения, но, наоборот, приступило к новой гонке вооружений. Лейбористскому правительству недостаточно того, что, по официальным данным, Англия держит под ружьем свыше

[1] „Правда" от 2/X 1948 г.

1 млн. человек. Оно собирается увеличить свои вооруженные силы и в связи с этим провело через парламент законопроект об увеличении срока военной службы в Англии с одного до полутора лет. За законопроект при третьем чтении его в палате общин голосовало всего 218 из 640 членов палаты. Несмотря на нажим руководства лейбористской партии, большое число лейбористов—не менее 200 человек—уклонилось от голосования по проекту в целом или по отдельным его разделам. В ходе прений один из противников законопроекта назвал этот акт „предательством со стороны лейбористского правительства"; указывалось также на то, что продление срока военной службы обойдется в крупную сумму, в то время как для увеличения пенсий престарелым денег не оказалось и т. д.[1].

В январском номере журнала „Лейбор мансли" за 1949 г. опубликованы ответы нескольких членов парламента на вопрос, заданный им редакцией журнала: считают ли они нужным немедленно повсеместное сокращение вооружений. Члены парламента Эмрис Хьюз, Притт, Солли дали утвердительный ответ на этот вопрос. В своем ответе Солли подчеркнул, что, увеличивая численность вооруженных сил, Англия истощает свою экономику. На каждые 100 человек, одетых в военную форму, приходится от 40 до 45 рабочих, непосредственно снабжающих их оружием и другими материалами. Кроме того, другие рабочие косвенно удовлетворяют потребности вооруженных сил. Шахтер, который добывает уголь для отопления казарм, портовый рабочий, занятый на погрузке потребительских товаров, отправляемых военным гарнизонам за океан, телефонистка, соединяющая аппараты военных организаций,—все эти и многие другие рабочие отвлекают свою энергию от производительного труда. Статистика Оксфордского университета показывает, что на каждого человека, занятого в вооруженных силах, Англия теряет продукции на сумму в 500 ф. ст. Это, по расчету Солли, означает потерю в год продукции примерно на 540 млн. ф. ст. „Вот почему,—заявил Солли,—немедленное и значительное сокращение вооружений жизненно важно для интересов Англии и было бы шагом в сторону мира".

В февральском номере того же журнала опубликованы ответы еще нескольких членов парламента (Хетчинсона, Дэвиса, Плэтт-Миллса, Сильвермэна, Суинглера), которые также высказываются в пользу всеобщего сокращения вооружений. „Советское предложение,—заявляет Лестер Хетчинсон,—было шагом в сторону мира, а продление срока военной службы в Англии было шагом в сторону войны... Английская экономика не может выдержать гонки вооружений; она не может выдержать даже бремени наших чрезмерно разбухших вооруженных сил... Вооружаться для того, чтобы угнетать колониальные народы, или для того, чтобы играть подчиненную роль в агрессивной войне во имя иностранного крупного капитала,—это преступное безумие. Вооружение не только ослабляет нашу

[1] Из сообщения ТАСС, „Правда" от 10/XII 1948 г.

внутреннюю экономику, но мешает многосторонней торговле, от которой зависит наше существование".

Еще более решительно высказался по этому вопросу член парламента Джулиус Сильвермэн, который заявил, что „чрезмерные расходы на вооруженные силы могут привести Англию к экономической катастрофе".

В связи со все более усиливающейся лихорадкой военных приготовлений англо-американского блока, все большей военной активностью самой Англии, в особенности с момента создания Западного военного союза, в действительности были сделаны значительные дополнительные ассигнования на военные цели сверх предусмотренных бюджетом почти 700 млн. ф. ст., о чем сообщалось в печати [1].

В заявлении Исполкома Английской компартии по поводу конференции лейбористской партии о расходной части государственного бюджета Англии на 1948/49 г. было сказано:

„Подготовка к превращению Англии в американскую военную базу снижает уровень жизни Англии, снижает реальную заработную плату и подрывает реформы, проведение которых началось в ранние дни существования лейбористского правительства... Как полагают, 10% производственных усилий и 50% научных усилий в Англии идут на подготовку новой войны. Если бы размеры вооруженных сил были сокращены до довоенного уровня, можно было бы сэкономить в этом году больше, чем мы получим по плану Маршалла" [2].

Сохранение огромных военных расходов в бюджете осуждается передовыми рабочими Англии. Так, происходившая в мае 1948 г. годичная конференция профсоюза горняков Южного Уэльса, представляющая 100 тысяч горняков, приняла резолюцию, в которой говорится, что из-за „пагубной внешней политики" английского правительства сводятся на-нет результаты увеличения выпуска продукции.

При обсуждении в палате общин законопроекта об ассигнованиях на вооруженные силы в 1948 г. лейборист Хьюз заявил, что от него нельзя было ждать согласия на принятие этого законопроекта без протеста, поскольку заместитель министра авиации отказался сказать, против кого молодым людям, проходящим военную подготовку, придется сражаться.

„Я не верю,—заявил Хьюз,—в то, чтобы кто-либо представил какое-нибудь доказательство, говорящее о том, что русская авиация намеревается напасть на нас. Я думаю, что о целесообразности или нецелесообразности ассигнований можно спорить именно с этой точки зрения... Сегодня нам предлагают Черную книгу относительно экономического положения и цен (так Хьюз называет Белую книгу.—*З. А.*), а назавтра, забывая обо всем, нас просят согласиться на ассигнования для армии и авиации... Я заявляю, что мы не имеем права утвердить эти ассигнования и что это—предательство по отношению к человечеству".

---

[1] См., например, „La vie financière" от 12/II 1949.

[2] „Правда" от 16/V 1948 г.

Таким образом, четвертый по счету бюджет нынешнего лейбористского правительства—он же третий бюджет мирного времени—в значительной своей части являлся военным бюджетом. Лейбористское правительство ни в какой степени не восстановило и не желает восстановить довоенную пропорцию между военными и гражданскими расходами. Оно, наоборот, *стремится к дальнейшему росту вооружений в целях осуществления преступных агрессивных замыслов англо-американского блока.*

* * *

В условиях обрисованной выше империалистической политики роста вооружений провозглашенный лейбористским правительством антиинфляционный курс не мог приостановить инфляцию. Правда, рост наличной денежной массы в обращении прекратился: по данным на декабрь 1948 г., денежная масса в обращении составляла 1 253 млн. ф. ст., т. е. на 108 млн. ф. ст., или на 9%, меньше среднегодовой массы денег в обращении в 1947 г. (в соответствии с этим уменьшилась также и сумма ценных бумаг в эмиссионном департаменте Английского банка). Однако в то же время масса банковских платежных средств (текущие счета клиринг-банков) возросла на 271 млн. ф. ст.; следовательно, *никакого сокращения денежных средств в обороте не произошло: наоборот, они возросли на 163 млн. ф. ст.* Разрыв между индексом денежной массы и индексом розничного товарооборота сохранился и в 1948 г., хотя несколько уменьшился в связи с ростом индекса розничных продаж в декабре 1948 г. до 215 против 147 в 1947 г., что было связано с ростом цен. И в декабре 1948 г. индекс денежной массы (281) превышал индекс розничного товарооборота (215).

Инфляция и военная истерия, всемерно поощряемые лейбористским правительством, тесно связаны друг с другом. 1948 г. прошел под знаком военно-инфляционной конъюнктуры, о чем свидетельствует продолжающийся рост цен, показанный в следующей таблице:

Виды индексов (1938 = 100)	1947 г.	Декабрь 1948 г.	Декабрь 1948 г. в % к 1947 г.
Общий индекс оптовых цен	189	218	116
Индекс цен на продовольственные товары и табак	169	183	112
Индекс цен основных материалов .	246	331	135
Индекс цен импортируемых сырых материалов	297	349	118

Мы видим, что, по официальным данным, оптовые цены за 1948 г. возросли на 16%, а индекс цен основных материалов—даже на 35%, что означает дальнейшее обесценение стерлинга.

И в 1948 г. последствием инфляции и роста цен было дальнейшее ухудшение материального положения трудящихся масс.

По официальным данным, в IV квартале 1948 г. личные расходы на потребительские товары и услуги в текущих ценах составляли

2 096 млн. ф. ст., или всего на 79 млн. ф. ст., или на 4%, больше, чем год назад в IV квартале 1947 г., который, как известно, был годом острого валютного кризиса. Между тем индекс розничных цен в IV квартале 1948 г. был на 6% выше того же квартала 1947 г.[1].

Следовательно, даже по этим данным в 1948 г. произошло сокращение *реального объема всей массы потребительских расходов*. Сопоставление индекса номинальной заработной платы с индексом цен за тот же период также показывает, что *реальная заработная плата упала*. На это, между прочим, указывалось представителем СССР в Экономическом и социальном совете ООН при обсуждении доклада „О мировом экономическом положении в 1948 г.". В докладе секретариата отмечалось повышение стоимости прожиточного минимума в Англии в 1948 г. на 7%, в то время как по заявлению представителя Англии в Совете индекс недельной заработной платы с марта по декабрь повысился всего лишь на 2%. Таким образом, как справедливо отмечал советский представитель в Совете, сопоставление этих двух официальных показателей ясно свидетельствует о падении реальной заработной платы рабочих в Англии в 1948 г.

На английскую экономику со всей силой оказывали влияние не только внутренние инфляционные факторы, но также и военно-инфляционная конъюнктура в США. Естественно, что рост цен импортируемого сырья за год на 18% к среднему уровню 1947 г. оказал сильное влияние на внутренние цены и, следовательно, обострил инфляцию.

Финансовая политика лейбористского правительства, выражающаяся в поддержании высокого уровня военных расходов, теснейшим образом связана с его внешней политикой и теми обязательствами, которые берет на себя это правительство в связи с „планом Маршалла" и Брюссельским пактом о Западном союзе.

Создание Западного союза и в еще большей степени заключение Северо-Атлантического пакта, представляющих собой орудие агрессивного англо-американского блока в Европе, толкают Англию на путь новой гонки вооружений, а это будет означать дальнейшее ухудшение финансового и экономического положения страны: „Агрессивные цели этой группировки сказываются также во все новых и новых требованиях увеличения армий и военных бюджетов, что еще больше подрывает возможность их дальнейшего и устойчивого экономического подъема. Такое положение, вместе с тем, вызывает все большее нарастание серьезных политических затруднений внутри этих государств. И это в то время, когда Советский Союз и страны народной демократии, делающие только первые шаги в своем социалистическом развитии, идут по пути неуклонного и быстрого экономического восстановления и подъема и, вместе с тем, по пути укрепления демократических основ и политического сплочения народов, освободившихся от реакционных, угнетательских режимов"[2].

[1] Monthly Digest of Statistics, March 1949, pp. 128, 133.

[2] Из заявления Министерства иностранных дел СССР о Северо-Атлантическом пакте, „Правда" от 29/I 1949 г.

Товарищ Сталин в своем ответе на вопросы корреспондента „Правды" сказал, что „политика нынешних руководителей США и Англии есть политика агрессии, политика развязывания новой войны"[1]. Включение Англии в так называемое „европейское сотрудничество" в соответствии с „планом Маршалла" и ее лидерство в антисоветском военном блоке пяти европейских держав являются выражением этой политики и отвечают требованиям агрессивного американского империализма. С этой политикой и этими требованиями непосредственно связано сохранение в английском бюджете крупных военных расходов, которые на 1948—1949 г. были приняты в сумме, в четыре раза превышающей военные расходы Англии до второй мировой войны.

В течение послевоенного периода общая сумма военных расходов, оставаясь чрезвычайно высокой по сравнению с довоенным уровнем, все же, как показывают приведенные нами данные, из года в год снижалась вплоть до 1949 г. Однако с 1949 г. положение коренным образом меняется: не только прекращается снижение этих расходов, но, наоборот, с нового, 1949/50 бюджетного года военные ассигнования резко возрастают. Согласно опубликованной в феврале 1949 г. правительственной Белой книге военные ассигнования в 1949/50 финансовом году возрастут до 760 млн. ф. ст., причем непосредственные затраты на вооруженные силы возрастают с 547 млн. ф. ст. в 1948/49 г. до 654,5 млн. ф. ст.[2] в 1949/50 г., т. е. на 107,5 млн. ф. ст., или почти на 20%. Однако это не вся сумма военных расходов, так как последние в замаскированной форме проходят также и по гражданским сметам.

Правительство в указанной выше Белой книге вынуждено было признать, что расходы на вооруженные силы „являются весьма большими" и что содержание вооруженных сил за границей в значительной степени способствовало увеличению бюджета. Кроме того, оно признало, что все возрастающую долю военных затрат Британской империи вынуждены нести колонии и доминионы.

В связи с опубликованием указанной Белой книги даже консервативная „Дейли Экспресс" заявила, что „в настоящее время Англия имеет обязательства, превышающие ее возможности". Новая гонка вооружений раздувает бюджетные расходы государства и не дает возможности получить серьезный и реальный излишек доходов над расходами. С другой стороны, она одновременно ограничивает возможности роста гражданского производства, расширения товарооборота и удовлетворения потребностей населения. Все это, естественно, находится в полном противоречии с объявленным правительством „антиинфляционным курсом". В настоящее время Англия расходует на военные цели из расчета на душу населения значительно больше, чем Франция, Голландия и Бельгия.

В феврале этого года на конференции, созванной в Манчестере федерацией профсоюзов Ланкашира и Чешира и обществом англо-

[1] „Вопросы корреспондента „Правды" и ответы товарища И. В. Сталина", „Большевик" № 20, 1948 г., стр. 2.

[2] „The Financial Times" от 16/II 1949.

советской дружбы, представители около миллиона рабочих северных районов Англии высказались против политики лейбористского правительства, против „плана Маршалла", за мир и укрепление дружбы с Советским Союзом. На этой конференции Пэт Слоун заявил: „Мы должны дать понять Соединённым Штатам, что английские рабочие не хотят бороться против Советского Союза. Если мы будем упорными в нашей борьбе, поджигателям войны придется отказаться от войны, которую они замышляют. Мы боремся за спасение английского рабочего класса от политики замораживания заработной платы и повышения цен",—заявил Слоун.

Рост военных расходов отражает империалистический и антисоветский курс внешней политики Эттли—Бевина, а материальное и финансовое бремя, связанное с осуществлением этого реакционного курса, современное лейбористское правительство Англии взваливает на рабочий класс, который страдает от роста цен, от косвенных налогов и всевозможных ограничений, связанных с нормированием потребления.

Известно, что СССР в 1948 г. на III сессии Генеральной ассамблеи ООН внес конкретные предложения по сокращению вооружений, предусматривающие в качестве первого шага в этом направлении сокращение постоянными членами Совета безопасности (СССР, США, Англией, Францией, Китаем) на одну треть в течение года всех вооруженных сил.

Казалось бы, английская делегация должна была приветствовать и всемерно поддержать это предложение, реализация которого значительно облегчила бы нынешнее весьма тяжелое экономическое и финансовое положение этой страны. В действительности же английская делегация поступила как раз наоборот, приняв заодно с американской делегацией все меры к тому, чтобы под всевозможными предлогами похоронить советский проект. В феврале этого года советский проект вновь был поставлен на обсуждение в Совете безопасности ООН, в связи с чем советская делегация внесла резолюцию, в первом пункте которой указывается на „возрастающую активность агрессивных кругов некоторых держав, проводящих политику развязывания новой войны, что сопровождается неоправданным ростом всякого рода вооружений, крайним разбуханием военных бюджетов и всё увеличивающимся бременем налогов и других материальных тягот для широких слоев населения этих государств" [1].

Анализ внутреннего экономического и финансового положения Англии в послевоенные годы, данный нами в 1-й главе, полностью подтверждает правильность этого заявления советской делегации.

Не менее тяжелые последствия имеет империалистическая политика лейбористского правительства для внешнего финансово-экономического положения Англии, к анализу которого мы переходим.

---

[1] „Правда" от 10/II 1949 г.

Глава 2

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ВАЛЮТНЫЙ КРИЗИС И ВНЕШНЯЯ ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ЛЕЙБОРИСТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

1. Внешние финансовые потери Англии в результате второй мировой войны. Политика финансовой олигархии США, направленная на подрыв финансово-экономической мощи Англии

Общеизвестно, что паразитический характер экономики Англии находит свое выражение в том, что Англия вплоть до второй мировой войны потребляла больше, чем производила, и это находило свое выражение в пассивности ее торгового баланса. Такой характер внешней торговли мог поддерживаться только благодаря крупным капиталовложениям за границей: за счет доходов от инвестиций (наряду с доходами от судоходства и банковского и торгового посредничества), т. е. за счет эксплоатации других стран, Англия поддерживала равновесие своего платежного баланса. Из этого ясно, какое важное значение имел для Англии факт потери значительной доли ее внешних инвестиций во время войны, образование весьма крупной внешней задолженности и потеря значительной части золотых резервов. Это ослабило позиции Англии как кредитора, как крупнейшего международного инвестора и ухудшило позиции фунта стерлингов как международного платежного средства. В результате возникла угроза подрыва роли Лондона как международного денежного и товарного рынка. А это означало бы потерю доходов от банковского и торгового посредничества, которые наряду с доходами от судоходства являлись также немаловажным источником поступления золота или инвалюты для покрытия дефицита торгового баланса.

Вообще ущерб, который Англия потерпела в результате войны, заключается не столько в разрушениях ее городов и промышленности, сколько в потере ею ценностей, находящихся за границей. По данным английской Белой книги, опубликованной в связи с англо-американским финансовым соглашением, национальное богатство

Англии за годы войны к середине 1945 г. уменьшилось на 7,3 млрд. ф. ст., что составляет около 25% довоенного национального богатства Англии. Эта оценка потери национального богатства основательно преувеличена, что ниже будет показано в отношении большей части этих издержек. Из 7,3 млрд. ф. ст. физические разрушения на земле составляют 1,5 млрд. ф. ст., потери судов с грузами—0,7 млрд. ф. ст., сокращение стоимости капитала внутри страны—0,9 млрд. ф. ст., всего—3,1 млрд. ф. ст.[1]. А потеря внешних инвестиций (включая золото-валютные резервы) составила 4,2 млрд. ф. ст. Таким образом, около 60% всех потерь национального богатства сводится к потере внешних инвестиций Англии. Из каких же элементов слагается эта часть „потери богатства"? Следующая таблица дает на это ответ[2]:

(с сентября 1939 г. по июнь 1945 г.)

Название статей	В млн. ф. ст.	В % к итогу
1. Рост иностранной задолженности Англии . .	2 879	68,6
2. Реализация английских заграничных инвестиций (капиталовложений)	1 118	26,6
3. Сокращение запаса золота и долларов . . .	152	3,6
4. Нераспределенные потери	49	1,2
Итого	4 198	100,0

Мы видим, что самой крупной потерей этого рода—68,6% всей их суммы—является рост внешней задолженности. Эти замороженные стерлинговые авуары представляют особую форму зависимости колоний и доминионов от Англии. Во всяком случае рост этой задолженности не является потерей реального богатства. Лишь проценты, уплачиваемые по этой задолженности, кстати очень низкие—$^1/_2$ проц. годовых, и погашение ее могут рассматриваться как отчуждение Англией в пользу других стран производимых внутри страны ценностей. Однако известно, что английское правительство погасило лишь незначительную часть этой задолженности. Кроме того, например, при расчетах с Аргентиной Англия рассчиталась не золотом и не товарами, и вообще не реальным капиталом. Расчеты велись принадлежащими англичанам титулами собственности на железные дороги, которые, естественно, имеют свою собственную цену, значительно превышающую стоимость реального капитала, когда-то вложенного англичанами в это дело. Таким образом, как нынешняя, так и будущая потеря реального богатства Англией по этой статье *много меньше той суммы*, которая была указана выше.

[1] „The Statist", 29/XII 1945, p. 1128.
[2] „The Banker", January, 1946, p. 12.

Реализация английских заграничных ценностей, составляющая 26% всех „потерь", представляет собой (в отличие от стерлинговой задолженности) действительную утрату капитала. Однако это утрата не реального, но фиктивного капитала,—всякого рода ценных бумаг, дающих право на присвоение дохода за границей. Поскольку приносимый ценными бумагами доход значительно выше среднего ссудного процента, постольку цена этих бумаг (представляющая собой капитализированный из среднего ссудного процента приносимый ими доход) соответственно выше их номинального выпускного курса. Таким образом, и сумма этой „потери богатства" *значительно преувеличена*, поскольку, естественно, эти ценные бумаги английское правительство реализовало за границей по биржевому или близкому к нему курсу.

Действительной потерей богатства без оговорок и скидок можно считать лишь сокращение правительственных запасов золота и инвалюты. Эта потеря вначале, до введения ленд-лиза, была весьма значительной, но в дальнейшем, еще в ходе войны, английское правительство приняло меры, чтобы восполнить эту потерю. В итоге по этой статье Англия потеряла сравнительно небольшую сумму—152 млн. ф. ст., или около 4% всех потерь этого рода.

Таким образом, изрядная доля потерь, как показано выше, не является потерей действительного богатства — реального капитала. С точки же зрения положения Англии как империалистической державы все эти потери имеют существенное значение, ибо они наносят серьезный ущерб положению Англии в мировой капиталистической экономике, ограничивая ее возможности в эксплоатации других стран.

Сложившееся положение, естественно, значительно *меняет в худшую сторону финансовое положение Англии* в мировой капиталистической экономике по сравнению с ее довоенным положением. Этому в немалой степени способствовала политика финансовой олигархии США.

В связи с этим следует напомнить о том, что до 1941 г. финансовая олигархия США фактически осуществляла кредитную блокаду Англии, так как в США продолжал действовать и во время войны „закон Джонсона", запрещавший предоставлять займы должникам, не выполнившим своих обязательств. Англия же как раз и являлась таким должником, наряду с многими другими странами. Американские монополисты старались извлечь максимум выгоды из сложившейся ситуации. Они не только требовали от Англии оплаты чистоганом за свои военные поставки по очень выгодным для них ценам, но, кроме того, получили авансы от английского правительства под будущие поставки на сумму свыше 700 млн. долларов. Эти авансы использовались для капиталовложений в военную промышленность США.

Финансовая олигархия Соединённых Штатов, преднамеренно тормозя предоставление финансовой помощи Англии, стремилась обескровить Англию в финансово-валютном отношении и тем самым нанести серьезный удар по ее империалистическим позициям.

Чтобы погасить дефицит платежного баланса за этот период, английское правительство отдало США свои золотые и долларовые резервы более чем на 2 млрд. долл. В распоряжении английского правительства осталось к концу 1940 г. всего на 74 млн. ф. ст. золота и долларов, т. е. Англия фактически лишилась золотого запаса[1].

Но этого мало: английское правительство мобилизовало и продало значительную часть английских заграничных инвестиций, т. е. английские капиталовложения перешли в собственность американского монополистического капитала. Английское правительство реализовало иностранных инвестиций за весь период войны на 1 118 млн. ф. ст., что составляет более $^1/_4$ всех иностранных инвестиций Англии. В начале 1941 г., вследствие истощения валютных ресурсов, Англия стояла перед угрозой прекращения стратегически необходимого и вообще жизненно важного для нее импорта, что означало бы для нее экономическую, а следовательно, и военную катастрофу.

Лишь в этой критической обстановке, при которой создалась реальная опасность поражения Англии, США сняли кредитную блокаду и *приняли закон о ленд-лизе*. Тем самым была разрешена проблема покрытия вызванного войной дефицита платежного баланса по расчетам Англии за поставки США.

Согласно официальным данным правительства США, общая сумма помощи, оказанной Британской империи по ленд-лизу, составляет 30 943 млн. дол. По английским данным, опубликованным в журнале Королевского статистического общества, сумма чистой помощи, полученная Англией (с колониями без Индии), равна 22 296 млн. долл., или по официальному курсу 5 556 млн. ф. ст. Если же основываться целиком на указанных выше английских расчетах[2], то чистая помощь, полученная Англией, равна 3 848 млн. ф. ст.

В общем не менее 8 млн. ф. ст., или $^1/_3$ всех военных затрат Англии, было покрыто за счет внешних источников и валютных резервов.

Финансовая политика правительства Черчилля была направлена на то, чтобы в максимально возможной степени использовать ресурсы колониальных и зависимых стран для финансирования военных усилий Великобритании. В результате этой политики война неизмеримо тяжелее отразилась на экономическом и финансовом положении зависимых и колониальных стран, чем на Англии. Достаточно сравнить, например, финансово-экономические последствия войны для Индии, с одной стороны, и для Англии, с другой стороны. В Индии с августа 1939 г. по август 1945 г.

---

[1] „The Banker", January, 1946, p. 11, 12.

[2] При этих расчетах для перевода стоимости поставок военного снаряжения и судов из одной валюты в другую был применен не официальный курс 1 ф. ст.=4 долл., но почти вдвое более высокий—в среднем 1 ф. ст.=7 долл., и только для прочих поставок и услуг расчеты были сделаны по официальному курсу (см. Journal of the Royal Statistical Society, v. CIX., part. III, 1946, p. 258).

денежная масса возросла с 1 789 млн. рупий до 11 394 млн. рупий, или более чем в 6 раз, в то время как в Англии—в $2^1/_2$ раза; текущие счета коммерческих банков в Индии возросли с 1 355 млн. рупий до 6 436 млн. рупий, т. е. в 4,7 раза, в то время как в Англии текущие счета за тот же период возросли в 2,2 раза. Таким образом, масштабы инфляции в Индии были много значительнее, чем в Англии, и вследствие этого рупия обесценилась в гораздо большей степени, чем английский фунт стерлингов. Если судить по официальному индексу цен, то деньги в Индии обесценились по отношению к товарам в четыре раза сильнее, чем в Англии[1]. А если обратиться к фактам, взятым из жизни, то они ярко показывают, что положение трудящихся в Индии во время войны было неизмеримо тяжелее, чем в Англии: в 1943 г. население Индии переживало ужасный голод, цены на рис вскочили вовсе не в 2-3 раза, как это показывает официальный индекс, но много больше; на улицах Калькутты умирали от голода тысячи людей.

Английское правительство выкачало из Индии и других стран Британской империи огромную массу материальных ценностей, необходимых для покрытия военных затрат и снабжения английского населения. Внешним выражением этого факта является возникшая за годы войны стерлинговая задолженность Англии в сумме 2 879 млн. ф. ст.

Естественно, что уже в ходе войны потери золота, валютных резервов, сокращение капиталовложений и рост внешней задолженности вызывали серьезное беспокойство английской финансовой олигархии. Она опасалась за судьбу Британской империи, за свои империалистические позиции в колониях и доминионах. Не меньшую тревогу вызывало с ее стороны колоссальное усиление позиций ее главного конкурента—США.

В предвидении послевоенных трудностей, неизбежность которых была ясна еще в ходе войны, правительство Черчилля стало принимать некоторые меры для укрепления валютно-финансовых позиций Англии. Во-первых, оно с 1941 г., после введения ленд-лиза, стало вновь накапливать золотой и долларовый запас, который вплоть до конца войны ежегодно увеличивался и уже к концу декабря 1944 г. составил 584 млн. ф. ст.[2], т. е. еще в ходе войны довоенный золотой запас был восстановлен почти на 70% (в августе 1938 г. этот запас составлял 846 млн. ф. ст.). Во-вторых, Англия всемерно стремилась в ходе войны укреплять стерлинговый блок; создание долларового пула, при котором все страны сдают свою долларовую выручку в общеимперский котел, а получают из него доллары под контролем Англии, укрепило в условиях войны валютно-финансовые связи Англии со странами Британской империи, хотя такой пул, естественно, создавал неудобства для его участников и вызывал недовольство этих стран. В-третьих, Англия в ходе войны заключила ряд

[1] „Monthly Bulletin of Statistics", 1936, 1945, № 12.
[2] „Monthly Digest of Statistics," November, 1948, p. 119.

валютных соглашений, имевших целью обеспечить развитие ее торговых отношений после войны с соответствующими странами. Еще в феврале 1944 г. было заключено валютное соглашение в Алжире с Французским комитетом национального освобождения, в октябре 1944 г.— с Бельгией. В марте 1945 г. было заключено соглашение со Швецией, по которому Швеция обязалась принимать без ограничения фунты стерлингов, не требуя их конвертирования в золото или доллары и получив в то же время возможность свободно расходовать эти фунты на всей так называемой „стерлинговой территории". Всего было заключено 20 валютных соглашений не только со странами Западной Европы, но и со странами Ближнего Востока, а также с американскими странами.

Эти соглашения имели целью обеспечить функционирование стерлинга как международного платежного средства, несмотря на отмену конвертабельности его и несмотря на общее ослабление валютно-финансовых позиций Англии.

Наконец, в-четвертых, Англия, не уверенная, что все эти меры будут достаточными, стала искать новых путей, которые позволили бы ей сохранить свою прежнюю роль в мировой экономике, несмотря на резкое ухудшение валютно-финансовых позиций. В этих целях и был выдвинут Кейнсом проект Международного кредитного и расчетного центра, в котором Англия должна была играть первую скрипку.

Однако США отнюдь не были заинтересованы в осуществлении целей английского империализма. Англия, вынужденная капитулировать перед США, все же добилась некоторого учета своих интересов в решениях Бреттонвудской конференции о создании Международного валютного фонда и Международного банка для реконструкции и развития, о чем будет речь ниже.

Как писала газета „Файненшл Таймс", война оставила Англии „... неприятные последствия в виде промышленной системы, перестроенной в большой степени на производство военного снаряжения, подорванную экспортную торговлю, народ, уставший от войны, серьезно опустевшие резервы заморских инвестиций, огромный рост внешней задолженности и опасный инфляционный потенциал (т. е. накопленную, избыточную для обращения массу денежных средств.—*З. А.*), порожденный финансированием дефицита военного времени. В этих затруднительных условиях Великобритания столкнулась с мировой экономикой, имеющей мало сходства с довоенной экономикой. Опустошения в результате войны в Европе и на Дальнем Востоке оторвали Великобританию от ее обычных рынков и обычных источников снабжения продовольствием и сырьем. В то же самое время страны Западного полушария—и в особенности США—вышли из войны, чрезвычайно усилив свою мощь. В балансе экономической силы произошли коренные изменения"[1]. Говоря об изменении „баланса экономической силы", газета, однако, упустила

[1] „The Financial Times", 16/II 1948 (стр. VI в приложении).

из виду изменение этого баланса в *самом главном*—в соотношении между силой капитализма и силой социализма. Разгром Советской Армией фашистской Германии имел величайшие, всемирно-исторические последствия.

Победа СССР во второй мировой войне избавила Европу от фашистского варварства и показала гигантскую мощь страны социализма. В результате этой победы из капиталистической системы хозяйства выпал ряд стран в Восточной и Юго-Восточной Европе, произошло обострение кризиса колониальной системы.

Соотношение сил между социалистической системой хозяйства и капиталистической резко изменилось в ущерб капитализму. Вместе с тем произошли изменения и в „балансе экономической силы" внутри *капиталистического мира*.

Послевоенные экономические трудности для Англии были неизбежны, *но отнюдь не был неизбежен тот острейший валютно-финансовый кризис, до которого лейбористское правительство довело Англию в 1947 г. и который потряс до основания ее экономику*. Послевоенный валютный кризис и инфляция принесли новые, еще большие чем во время войны, лишения трудящимся массам Англии. За эти лишения ответственны английские монополии и осуществляющее их политику лейбористское правительство.

2. Вашингтонское финансовое соглашение 1945 г. и его кабальные условия для Англии

Лейбористское правительство, стремясь сохранить и расширить империалистические позиции Англии и не имея необходимых для этого ресурсов, сразу же после окончания войны поставило основную ставку на американскую помощь. Эта линия внешнефинансовой политики полностью сохраняется и по сей день.

Немедленно по окончании войны начались переговоры с США, завершившиеся Вашингтонским финансовым соглашением, заключенным в декабре 1945 г. и вступившим в силу 15 июля 1946 г. Это соглашение представляет собою яркое выражение указанного курса общей и финансовой политики лейбористского правительства. Вместе с тем оно затрагивает всю систему международного обмена и послевоенных международных финансовых и валютных отношений.

Вашингтонское соглашение вместе с одновременной ратификацией Англией Бреттон-вудского соглашения о создании Международного валютного фонда и Международного банка для реконструкции и развития и американскими предложениями в области торговли, одобренными английским правительством, должно было подвести экономическую базу под англо-американский империалистический блок.

В проектах международных валютных и кредитных органов, разработанных еще в годы войны, нашли свое выражение противоречия империалистических интересов США и Англии. Последняя хотела создать эти органы в такой форме и с такой организационной структурой, которые позволили бы ей занять в них господствующее поло-

жение и превратить Лондон вновь в расчетный и финансовый центр всего капиталистического мира. На этом основывался проект Международного клирингового союза Кейнса, реализация которого позволила бы использовать материальные и финансовые ресурсы США для укрепления британского империализма и восстановления былой роли Лондона в мировой капиталистической экономике.

Естественно, что империалисты США решительно отвергли этот проект, выдвинув свой проект (Уайта), который, наоборот, имел в виду использовать проектируемые органы для того, чтобы установить монополию США и Нью-Йорка в международных торговых и финансовых делах, чтобы располагать удобным механизмом для подчинения своим интересам внешнеторговой и валютной политики всех стран мира. Американский проект был положен в основу компромиссного решения. Хотя США пошли на ряд уступок в пользу Англии, однако в таких решающих вопросах, как местонахождение этих органов, принципы управления ими, механизм валютного обмена, роль золота в выравнивании платежных балансов и т. д., Англия капитулировала перед США. В качестве же компенсации за это она получила от правительства США обещание предоставить ей солидный заем.

Эти органы по существу являются легальной формой для вмешательства в сферу национального государственного суверенитета всех стран, поставленных в финансово-экономическую зависимость от США.

Таким образом, в этих организациях нашли практическое применение в сфере международных экономических и финансовых отношений идеи буржуазного космополитизма, усиленно пропагандируемого англо-американскими империалистами. Указанные организации, созданные под предлогом обеспечения стабильности „мировой экономики", международных торговых и валютно-финансовых отношений, находятся под полным контролем англо-американского блока и в первую очередь правительства и монополистического капитала США. Представляя собой якобы „надгосударственные", „всемирные" органы, они в действительности являются лишь легальной формой и весьма удобным механизмом для использования финансовых ресурсов США в целях прямого и косвенного воздействия на внешнюю и внутреннюю, общую и экономическую политику многочисленных государств, являющихся членами Фонда и Банка.

Достаточно, например, указать, что по уставу Международного банка для реконструкции и развития долгосрочные кредиты в долларах даже из собственных ресурсов Банка могут быть предоставлены какой-либо стране лишь с согласия правительства США. Благодаря этому практически деятельностью этого Банка по оказанию долгосрочных кредитов руководит во всех решающих вопросах (предоставление кредитов или отказ в них, определение суммы, условий и целевого назначения кредитов) не правление этого Банка, но правительство США через специальный орган, ведающий международными финансовыми и валютными делами. В то же время все на-

личные ресурсы Банка и дополнительные обязательства стран-членов по взносам в капитал Банка являются гарантийным фондом по операциям Банка, в частности по тем кредитам, которые американские капиталисты предоставляют через посредство Банка другим странам. Это означает лишь, что этот „международный орган" целиком и полностью поставлен на службу экономическим и политическим интересам американского монополистического капитала. А эти цели далеко не всегда соответствуют общим интересам партнеров англо-американского блока, поскольку практически эти организации сплошь и рядом используются для экономической экспансии американского капитала в различных частях света, нередко прямо в ущерб позициям английского монополистического капитала.

Таким образом, космополитический характер этих организаций выражается в том, что в сфере международных экономических отношений они являются средством осуществления империалистических целей англо-американского блока и в первую очередь американских монополий. *Единство же* действий капиталистических монополий *США и Англии* в этих организациях ярко проявляется в той враждебной, *дискриминационной политике*, которую неизменно и последовательно проводят эти органы в *отношении СССР и стран народной демократии*.

Содержание Вашингтонского финансового соглашения между США и Великобританией от 6 декабря 1945 г. сводится к следующему. В статье I определяются цели, сумма, условия предоставления и погашения займа. На основании соглашения Англия получила 3 750 млн. долл. (плюс 650 млн. долл. по расчетам за ленд-лиз), а вместе с канадским займом — в сумме 1 ?50 млн. долл., всего 5 650 млн. долл. Это самый крупный заем, который когда-либо был единовременно предоставлен какой-либо стране.

Вместе с тем указанные статьи соглашения предусматривают, что проценты в размере 2% годовых начисляются не с момента фактического использования той или иной части кредита, но с 31 декабря 1951 г., когда начинается погашение займа равными частями в течение 50 лет. До 31 декабря 1951 г. Англия будет только получать финансовую помощь без всяких платежей со своей стороны и без процентирования долга (ст. IV). Далее, Англия может заявить об отказе от очередного платежа, а США обязаны дать согласие на его отсрочку, если этот отказ необходим „ввиду настоящего и предполагаемого состояния международного обмена и уровня золотых и валютных резервов Соединенного Королевства" и если Международный фонд удостоверит, что доход Соединенного Королевства от экспорта товаров и по так называемому невидимому экспорту в среднем в течение последних пяти лет недостаточен для оплаты довоенного объема импорта Англии.

Договор о займе, при котором кредитор на известный срок вовсе отказывается от процентов и в котором заранее предусматривается возможная неплатежеспособность должника, конечно, не может рассматриваться как обычного типа коммерческий заем. США пошли

на известные ограничения своих коммерческих интересов по займу лишь потому, что они в этом договоре оговорили целый ряд условий, которых нет и не может быть в обычном займе. Эти кабальные условия, изложенные в статьях VI—X соглашения, представляют собой прямое и беспрецедентное в истории Англии ограничение ее суверенитета в сфере международных экономических отношений. В некоторых случаях это ограничение формулируется как обоюдостороннее (ст. IX, отчасти ст. VIII), но в большинстве случаев предусматриваются односторонние обязательства Англии по отношению к США. Договор прямо ограничивает права английского правительства и парламента в определенной сфере международных отношений. Конечно, договор этот Англия приняла „добровольно", парламентским большинством голосов, „в интересах укрепления международного сотрудничества", „развития мировой торговли" и т. д. и т. п., но тем не менее факт остается фактом: статьи, ограничивающие суверенитет Англии, идут после второй статьи, которая определяет, какое количество долларов получает Англия от США. В силу этого весь документ в целом выглядит как сделка, в которой Англия, в порядке дополнительной (сверх 2%) компенсации за получаемые в кредит доллары, ограничивает некоторые свои суверенные права в интересах США. Анализ основных статей Вашингтонского соглашения покажет, в чем именно ущемляются права и интересы Англии.

Во-первых, согласно статье IX финансового соглашения существенно ограничиваются права Англии в отношении ее внешней торговли. Ст. IX финансового соглашения, посвященная вопросу о дискриминации импорта, сформулирована как двустороннее обязательство США и Англии: „Если правительство США и правительство Соединенного Королевства введут или оставят в силе количественные ограничения импорта, то эти ограничения должны применяться на основе, исключающей дискриминацию любого продукта из другой страны" [1].

Эта статья лишала Англию права вводить какие-либо ограничения импорта товаров из США, если одновременно она не вводит такие же ограничения по импорту товаров из других стран. Практически эта статья означает, что Англия лишается возможности во многих случаях закупать товары в странах Британской империи в обмен на производимые Англией товары, т. е. искусственно создается долларовый голод в Англии, поскольку возможности экспорта товаров из Англии в США ограничены и значительно ниже английского импорта из США. Англия, например, имеет в Абадане (Иран) такое количество нефти, которого достаточно для удовлетворения всех ее нужд. Англия могла бы получить эту нефть, не расплачиваясь за нее долларами. „Но тем не менее,—писала газета „Дейли Экспресс",—Англия должна покупать американскую нефть. Это объясняется условиями статьи IX англо-американского соглашения о займе, которая запрещает Англии проводить дискриминацию в отношении американ-

[1] „Financial Agreement", 1946, p. 4.

ских товаров даже в тех случаях, когда аналогичные товары имеются в изобилии в странах стерлингового блока".

В английских газетах приводилось много ярких фактов того ущерба, который пункт о дискриминации приносит Англии. В частности, по этой причине в 1947 г. были аннулированы размещенные в странах империи заказы на фрукты и рыбные консервы. Хотя в Канаде в 1947 г. был огромный урожай яблок, Англия не купила у нее ни одного килограмма яблок, потому что она не имела американских долларов, чтобы покупать одновременно яблоки и в США. Контракты на поставку табака и разных других сельскохозяйственных продуктов в том же году не были возобновлены; импорт газетной бумаги из Канады был резко сокращен.

Кроме пункта, предусматривающего так называемую недискриминацию американского экспорта, Англия по этому соглашению взяла на себя еще более серьезные обязательства в области таможенной политики. Речь идет о „Совместном заявлении США и Соединенного Королевства по поводу достигнутого взаимопонимания в торговой политике", согласно которому Англия берет на себя обязательство устранить или ослабить всякого рода торговые барьеры: пошлины и преференции, количественные ограничения импорта, субсидии и пр.

Между тем образование стерлингового блока и введение системы преференциальных тарифов в 1932 г значительно укрепили внутриимперские позиции Англии. Это видно из того, что доля стран Британской империи в английском экспорте повысилась с 44% в 1922 г. почти до 50% в 1938 г. (в 1913 г. она составляла 36%), а доля других стран стерлингового блока увеличилась с 7 до 12%, в то время как доля прочих стран за эти годы значительно снизилась: с 48 до 38%. Равным образом и в английском импорте доля стран Британской империи намного возросла, в то время как доля прочих стран значительно упала.

Эти завоеванные Англией позиции в мировой торговле будут подорваны, если таможенные преференции и стерлинговый блок будут ликвидированы. Дальновидные люди в Британии понимают, что проводимая США линия на уничтожение таможенных барьеров за пределами США—это не политика „общего блага", но лишь маскируемая космополитической фразеологией политика американских монополий, направленная на захват внешних рынков, на вытеснение конкурентов с этих рынков. Эта политика монополий США, конечно, не отвечает ни современному положению Англии, ни ее нынешним интересам.

Во-вторых, согласно ст. VIII Англия обязывалась немедленно, по заключению соглашения, отказаться от государственного контроля за валютными сделками, которые ограничивают платежи и переводы за товары, экспортируемые из США в Англию, и за другими текущими операциями между двумя странами, а также отменить всякие ограничения при использовании гражданами США стерлинговых авуаров, возникших из текущих операций. Это значит, что весь торговый оборот США с Англией немедленно и целиком

освобождался от каких-либо валютных ограничений. Однако соглашение определяет валютные взаимоотношения Англии не только с США, но и со всеми странами стерлинговой зоны. Так, согласно ст. VII не позже чем через год со дня вступления в силу соглашения „... правительство Соединенного Королевства заключит соглашения, на основании которых немедленно после их заключения стерлинговые поступления по всем текущим операциям всех стран стерлинговой зоны... будут свободно предоставляться для текущих операций в любой валютной зоне без всякой дискриминации. В результате этого всякая дискриминация, вытекающая из так называемого долларового пула стерлинговой зоны, будет полностью устранена, и каждый член стерлинговой зоны будет иметь все свои стерлинговые и долларовые поступления в своем свободном распоряжении, независимо от того, где бы они ни производились" [1].

Сторонники соглашения трактуют этот пункт не как ликвидацию стерлингового блока, но как возврат к довоенной форме его организации. Однако несомненно, что *США этим обязательством связывают Англию по рукам и ногам в сфере ее валютных отношений со своими собственными доминионами и колониями. США не разрешают впредь Англии проводить внутри империи систему централизации валютных (долларовых) резервов под своим контролем;* соглашение требует ликвидации долларового пула и предоставления права доминионам и колониям Англии распоряжаться по своему усмотрению текущими стерлинговыми и долларовыми поступлениями. Это означает требование свободной „конвертабельности", т. е. *свободного обмена стерлингов на доллары и любую другую валюту.*

При заключении соглашения Трумэн особенно подчеркивал значение этого обязательства, заявив в своем послании к конгрессу, в котором он просил одобрить заем, что финансовое соглашение означает гораздо большее, чем просто кредит, что важнейшей целью этого соглашения „...является значительно более быстрое устранение чрезвычайного контроля, осуществляемого Соединенным Королевством над своими международными сделками, чем этого требуют бреттон-вудские соглашения". Ясно, что здесь мы имели дело с прямым вмешательством США *во внутриимперские финансовые и торговые дела Великобритании.* Благодаря этой „заботе" США об интересах доминионов и колоний Англии, должен был ликвидироваться тот механизм валютного контроля и подчинения метрополией доминионов и колоний, который достиг полного своего развития в годы второй мировой войны.

Лейбористское правительство Англии сделало хорошую мину при плохой игре, когда заявило, что пункт о свободной обратимости стерлинга и отмене долларового пула не наносит ущерба Англии, но, наоборот, позволяет ей вернуться к довоенной форме организации стерлингового блока, когда стерлинг был валютой, свободно

[1] „Financial Agreement", 1946.

обратимой в любую другую валюту. На эту официальную трактовку журнал „The Banker" резонно возразил, что хотя технически это утверждение правильно, однако оно не учитывает фундаментального изменения обстановки после войны. Страны империи до войны охотно держали свои резервы в стерлингах, так как внешняя торговля была сбалансирована и Англия имела большой запас золота и иностранных инвестиций. По этой причине Англия могла до 1939 г. свободно конвертировать в доллары выручку от экспорта империи в Англию. Но „... поверит ли в действительности кто-нибудь в то, что с растраченными внешними резервами, с переходом нашей страны от позиций кредитора на позиции должника и с сильно сокращенным невидимым экспортом стерлинг будет располагать той же степенью доверия в будущем, как это было в прошлом?" [1]

Ряд английских экономистов доказывал, что свободная конвертабельность (обратимость) стерлинга в данной исторической обстановке соответствует исключительно интересам США, которые благодаря этому расширяют платежеспособный спрос на свои товары в ущерб интересам Великобритании. Так, английский экономист Г. Гендерсон доказывал, что обратимость стерлинга побуждает страны, которым нехватает долларов, сокращать свой импорт английских товаров, дабы побольше сэкономить стерлингов, вырученных ими от экспорта в Англию, для превращения их в доллары. Обратимость ударяет по английскому экспорту, ибо она не только устраняет тот стимул покупки товаров, который был следствием необратимости стерлингов в доллары, но, более того, прямо побуждает заморские страны, поставляющие Англии сырье и продовольствие, сокращать свои закупки в Англии, чтобы сэкономить стерлинги и превратить их в доллары через механизм свободной обратимости стерлинга.

Поскольку Вашингтонское финансовое соглашение вступило в силу 15 июля 1946 г., постольку, согласно ст. VII соглашения, Англия должна была восстановить конвертабельность стерлинга с 15 июля 1947 г. Следует отметить, что обязательство восстановить конвертабельность стерлинга вытекало и из Бреттон-вудского соглашения, но это последнее разрешало Англии сохранять валютные ограничения в течение переходного периода, срок истечения которого был установлен в 5 лет (ст. XIV, §§ 2 и 4 соглашения о Международном валютном фонде) [2].

США были очень обеспокоены тем, что в течение по крайней мере 5 лет дискриминационная практика стерлинговой зоны будет постоянной частью мирового валютного механизма, ибо это ставило серьезные преграды на пути осуществления планов послевоенной торговой и финансовой экспансии США. Вот почему, оказав Англии финансовую помощь, США согласно статье VII Вашингтонского

---

[1] „The Banker", January 1946, p. 16.

[2] „United Nations Monetary and Financial Conference", Final Act, 1944, p. 50, 51.

финансового соглашения добились сокращения срока этого переходного периода с 5 до 1 года. Это, несомненно, было серьезным выигрышем США и проигрышем Англии, которая в ходе переговоров сопротивлялась этому требованию США, но без успеха.

Итак, восстановление свободной конвертабельности стерлинга в кратчайший срок было продиктовано Англии Соединёнными Штатами в ущерб ее интересам.

В-третьих, США обязали Англию заключить с заинтересованными странами соглашения об урегулировании расчетов по стерлинговой задолженности, возникшей за годы войны. Эта задолженность после войны продолжала расти и к концу 1946 г. составляла огромную сумму—около 3,5 млрд. ф. ст.

Любопытно, что американцы даже предлагали вовсе аннулировать значительную часть образовавшейся за годы войны внешней задолженности Англии, считая, что помощь, результатом которой явилась эта задолженность, по природе своей тождественна ленд-лизовской. Против этого предложения выступили не только кредиторы, но и ... сам должник—Англия, которая мотивировала свою позицию в этом вопросе тем, что подобная мера нанесет, мол, ущерб международному престижу Англии.

Почему США выступили „защитниками" интересов всех стран, заморозивших свои валютные ресурсы в Лондоне? Заинтересованность США в этом вопросе объясняется тем, что высвобождение этих средств в виде фунтов стерлингов, свободно обратимых в доллары, создает условия для серьезного расширения платежеспособного спроса этих стран на продукцию США и в то же время ослабляет торговые связи тех же стран с Англией, поскольку освобождает их от необходимости обязательно реализовать принадлежащие им фунты стерлингов в Англии.

В-четвертых, предоставление Англии займа США было обусловлено одновременной ратификацией Англией Бреттон-вудского соглашения, т. е. вступлением ее в члены Международного валютного фонда и Международного банка для реконструкции и развития. Между тем Бреттон-вудское соглашение лишило Англию права самостоятельно решать такие вопросы, как определение ценности своей валюты, т. е. ее курса.

В свое время нынешний министр иностранных дел Англии Бевин вместе с Кейнсом и другими видными английскими буржуазными теоретиками и практиками поставил свою подпись под следующими словами, которые заключались в параграфе № 256 опубликованного в 1931 г. доклада парламентского комитета по финансам и промышленности (так называемого Мак-Милановского отчета): „Нет никакого сомнения, что существенным атрибутом суверенного государства является его способность в любой момент изменять ценность своих денег по основаниям, которые будут рассматриваться как соответствующие национальным интересам" [1].

[1] „Committee of Finance and Industry", Report, 1931, p. 110.

Если это так, то как же быть с Вашингтонским и Бреттон-вудским соглашениями, т. е. с принятием Англией на себя обязательств *не изменять* ценности своих денег без разрешения Международного валютного фонда (согласно ст. IV соглашения о Фонде) сверх 10% заявленного и принятого Фондом паритета?

Итак, несомненно то, что Англия приняла на себя указанное обязательство *вопреки своим интересам, по настоянию США, и, следовательно, ее суверенные права были серьезно ущемлены.*

Наконец, в-пятых, следует также отметить, что, согласно ст. VI Вашингтонского соглашения, Англия обязуется не использовать кредита для выполнения ею своих обязательств в отношении третьих стран и ограничивает ее право получения долгосрочных займов от стран, входящих в Британское содружество наций. Эта статья обязывает также Англию, в случае приостановки платежей по американскому займу, соответственно снизить сумму разблокирований или выплат за счет стерлинговых авуаров. Стремясь к возможно большему и скорейшему высвобождению стерлинговых авуаров, США обусловили в ст. X, как выше нами указывалось, соответствующие обязательства Англии. Однако они не допускают ни при каких обстоятельствах, чтобы эти обязательства выполнялись в ущерб финансовым интересам США как кредитора Англии, а именно за счет тех платежей, которые причитаются в данном году США от Англии. Здесь торговые интересы США вступили в известной степени в противоречие с ее финансовыми интересами, и это противоречие ими разрешено в пользу последних: Англии же как должнику остается считаться с этими требованиями США и соответственно регулировать погашение своих долговых обязательств.

Итак, взятые Англией на себя обязательства по Вашингтонскому соглашению означали установление кабальной зависимости гордого Альбиона от банкиров Уолл-стрита.

В докладе „О международном положении" товарищ А. А. Жданов сказал: „Известно, что Англия уже израсходовала, в основном, предоставленный ей в 1946 г. американский заем на сумму в 3 750 млн. долларов. Известно далее, что кабальные условия этого займа связали Англию по рукам и ногам". Соглашение закрепило за Англией в рамках англо-американского блока положение младшего партнера, зависимого в финансово-экономическом и политическом отношениях от своего старшего партнера. Каковы же последствия этого соглашения, помогло ли оно Англии разрешить послевоенные экономические и финансовые трудности? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать платежный баланс Англии до и после заключения соглашения.

3. Анализ платежного баланса Англии после второй мировой войны

Империалистическая внешняя политика лейбористского правительства объясняет тот на первый взгляд парадоксальный факт, что,

несмотря на резкое ослабление валютно-финансовых позиций Англии в результате войны, лейбористское правительство позволяло себе роскошь раздавать направо и налево огромные суммы различным странам в виде „даров" и займов.

Так, по данным, представленным английским правительством парламенту, послевоенные займы и „дары" Англии по апрель 1947 г. составляли (*в млн. ф. ст.*)[1]:

1. Взносы в ЮНРРА, „помощь" Мальте, Греции, Австралии и пр.	325
2. Займы и кредиты Франции, Бирме, Греции, Голландии, Австрии и др.	275
3. „Помощь" германской экономике, исключая издержки по оккупации	140
	740

По данным, приведенным в журнале „Стэтист", взносы Англии в ЮНРРА составили 155 млн. ф. ст., в Германии и Австрии было израсходовано (исключая военные расходы) 240 млн. ф. ст., различным континентальным странам после их освобождения оказана „помощь" в форме займов и кредитов в сумме 400 млн. ф. ст. (к концу 1947 г.), и, наконец, Англия израсходовала на поддержку и содержание так называемых „перемещенных лиц", главным образом европейских, 130 млн. ф. ст.

Если это все суммировать, то окажется, что вся эта так называемая „помощь", оказанная Англией другим странам, составит *колоссальную сумму в 925 млн. ф. ст.*[2], *или 3 700 млн. долл., что равно сумме того займа, который сама Англия получила у США на столь кабальных условиях.*

Ясно, что всевозможные „дары" и займы Греции, Италии, Австрии и другим странам были связаны с тем, что лейбористское правительство с самого же начала своего прихода к власти взяло курс на закрепление и расширение после войны империалистических позиций Англии. В этих целях после окончания войны крупные контингенты английских войск оставались в Германии, Австрии, Греции, Триесте, в прежних итальянских колониях, в Индонезии. Кроме этого, Англия затрачивала и затрачивает значительные средства на поддержку всецело послушных ей марионеточных правительств и финансирует в своих империалистических интересах их вооруженные силы, например, на Среднем Востоке. Так, по заявлению министра иностранных дел государства Израиль Шертока, Англия финансировала агрессивную войну Трансиордании: она затрачивает ежегодно на содержание арабского легиона $2^1/_2$ млн. ф. ст. Наконец, лейбористское правительство затрачивает огромные средства на содержание различных „эмигрантов" и „перемещенных лиц", которые подчас представляют собой целые банды предателей различных стран,

[1] Данные взяты из Annual Report of the Bank for International Settlements,—„FRB", October 1947, p. 1242.

[2] „The Statist", 13/III 1948.

предназначенные для шпионско-диверсионных операций и вообще для всевозможных военных и политических авантюр. Как указывал Поллит на пленуме Исполкома Английской компартии в феврале 1949 г., лейбористское правительство израсходовало более 60 млн. ф. ст. на осуществление своей убийственной политики в Греции с 1944 г. и теперь тратит 31 500 ф. ст. в день на кровавое угнетение в Малайе, не говоря уже о 152 млн. ф. ст., затраченных в результате других военных обязательств за пределами Англии. Содержание поляков, которые давно вернулись бы к себе на родину, если бы их совесть была чиста и если бы они не были орудием борьбы против коммунизма в Англии, обходится в 29 млн. ф. ст.

Однако лейбористские империалисты не рассчитали своих сил и возможностей; промотав много средств, они так и не добились каких-либо серьезных результатов в своей империалистической экспансии и были вынуждены уступить пальму первенства и в Греции, и в Италии, и в других местах своему более богатому партнеру—США. *Вот это сочетание больших империалистических аппетитов с малыми возможностями и явилось одной из серьезных причин послевоенного валютно-финансового истощения Англии.* Об этой причине затруднений во всех своих признаниях лейбористское правительство предпочитает умалчивать, ибо в этом случае ему пришлось бы признать *не только финансовую беспомощность, но и позорное фиаско своей антидемократической и империалистической внешней политики.*

Анализ послевоенного платежного баланса Англии позволяет раскрыть связь между империалистическими целями внешней политики Англии и ее послевоенным финансовым положением. В приводимой ниже таблице официальные отчетные данные в платежном балансе Англии за 1946 и 1947 гг. сопоставлены нами с аналогичными данными за 1938 г.[1] *(в млн. ф. ст.*, см. таблицу на стр. 89*)*.

Как показывает таблица, огромный рост дефицита платежного баланса в первом послевоенном году на 90% определялся ростом заграничных правительственных расходов (дефицит платежного баланса в 1946 г. превысил довоенный дефицит на 310 млн. ф. ст., а заграничные правительственные расходы превысили довоенный объем этих расходов на 279 млн. ф. ст.). При этом в числе последних решающее место занимает содержание огромных вооруженных сил за пределами страны. Военные заграничные расходы составили в 1946 г. 227 млн. ф. ст., или 77% всей суммы заграничных правительственных расходов. Таким образом, в отношении 1946 г. картина предельно ясна и в комментариях не нуждается: дефицит платежного баланса был связан в этом году главным образом с огромными военными расходами за границей.

Что же касается 1947 г., то в отношении заграничных правительственных расходов он принес небольшое облегчение для платежного баланса, так как эти расходы и в 1947 г. превышали довоен-

[1] „Records and Statistics", 26 March 1949.

Статьи баланса	1938 г.	1946 г.	1947 г.	Изменения в 1947 г. по сравнению с			
				1938 г.		1946 г.	
				в млн. ф. ст.	в %	в млн. ф. ст.	в %
Платежи							
Импорт	835	1 097	1 541	+706	+85	+444	+41
Правительственные заграничные расходы	16	295	207	+191	+1 194	—88	—30
Фрахт	80	145	181	+101	+126	+36	+25
Проценты, прибыли и дивиденды	30	80	106	+76	+253	+26	+32
Оплата заграничных фильмов (нетто)	7	17	14	+7	+100	—3	—18
Расходы туристов	40	45	80	+40	+100	+35	+78
Всего платежей	1 008	1 679	2 129	+1 121	+111	+450	+27
Поступления							
Экспорт и реэкспорт	533	889	1 100	+567	+106	+211	+24
Фрахт	100	162	205	+105	+105	+43	+27
Проценты, прибыли и дивиденды	205	153	153	—52	—25	—	—
Прочие (нетто)	100	95	41	—59	—59	—54	—57
Всего поступлений	938	1 299	1 499	+561	+60	+200	+16
Избыток (+) или дефицит (—) по текущим статьям	—70	—380	—630	—	—	—	—

ные в 12 раз! В то же время резко возросла дефицитность торгового баланса, а именно—с 208 млн. ф. ст. в 1946 г. до 441 млн. ф. ст., т. е. более чем в два раза. Фактический дефицит торгового баланса почти вдвое превысил проектировавшийся правительством дефицит на 1947 г. (250 млн. ф. ст.). Пассивность торгового баланса в 1947 г. объясняется не чрезмерным импортом (последний по физическому объему в 1947 г. был на 25% ниже довоенного), а резким повышением цен на импортируемую продукцию, что далеко не было компенсировано ростом цен на экспортируемые товары. Как показывает приведенная таблица, стоимость импорта возросла за 1947 г. на 444 млн. ф. ст. по сравнению с 1946 г., причем $^2/_3$ этой суммы, по мнению финансового обозрева-

теля „Таймса“ [1], следует отнести за счет роста цен. Между тем стоимость экспорта возросла только на 211 млн. ф. ст. Рост цен импортируемых товаров вне всякого сомнения был связан с повышением спроса на американскую продукцию со стороны Англии и других стран в связи с предоставлением США займа на основании Вашингтонского финансового соглашения, а также с предоставлением ими займов другим странам.

Весьма важной причиной долларового дефицита платежного баланса 1947 г. является „валютная география“ английской внешней торговли в 1947 г. Так, в общем объеме экспорта 1947 г. Англией было вывезено только 21% в США и страны с „конвертабельными“ на доллар валютами, в то время как импорт из этих последних стран составил 45,5% (в 1946 г.—48%, а в 1938 г.—34%). В связи с этим дефицит платежного баланса по внешней торговле в 1947 г. почти полностью относился к этим странам, т. е. для его покрытия необходимы были исключительно доллары или золото. Такая география валютных расчетов, крайне неблагоприятная для платежного баланса Англии, не является, конечно, случайной: она также была связана с условиями Вашингтонского финансового соглашения, которые ограничили возможность импорта из стран стерлинговой зоны и вообще из стран, не требующих долларов или золота, и, наоборот, в связи со статьей о недискриминации американского экспорта форсировали импорт из США.

Не лучше обстояло дело в 1947 г. с прочими статьями платежного баланса (кроме экспорта-импорта и правительственных расходов). В 1938 г. по этим статьям Англия имела положительное сальдо в сумме 248 млн. ф. ст., или по современным ценам более 450 млн. ф. ст. В 1946 г. это сальдо уменьшилось до 123 млн. ф. ст., а в 1947 г. доход по этим статьям и вовсе сошел на-нет, составив всего 23 млн. ф. ст.; следовательно, потеря дохода по этим статьям по сравнению с 1946 г. составила 100 млн. ф. ст. Дефицит платежного баланса по текущим статьям в целом составил 630 млн. ф. ст., т. е. вдвое больше правительственной проектировки этого дефицита. Таковы были результаты лейбористского финансового „планирования“ в сфере международного обмена.

Итог платежного баланса за 1946 и 1947 гг. интересно сопоставить с таким же итогом за 1919 и 1920 гг., т. е. за аналогичный период после первой мировой войны. В сжатом (сальдированном) виде такое сопоставление дано нами в следующей таблице (*в млн. ф. ст.; положительное сальдо отмечено знаком +, отрицательное знаком —*) [2]:

---

[1] „The Times“, 11/II 1948.

[2] Данные за 1946 и 1947 гг. взяты из указанных выше источников, данные за 1919 и 1920 гг.—из сборника „United Nations Economic and Social Council“. Обзор экономического положения и экономических перспектив Европы, 1948, стр. 58.

Статьи баланса	1919 г.	1920 г.	Итого за 1919 и 1920 гг.	1946 г.	1947 г.	Итого за 1946 и 1947 гг.
Импорт	1 242	1 454	2 696	1 097	1 541	2 638
Экспорт	799	1 334	2 133	889	1 100	1 989
Баланс по торговле	—443	—120	—563	—208	—441	—649
Доходы от инвестиций (нетто)	+80	+200	+280	+73	+47	+120
Судоходство (нетто)	+181	+84	+265	+17	+24	+41
Правительственные расходы .	—	—7	—7	—295	—207	—502
Другие текущие сделки . . .	+40	+55	+95	+33	—53	—20
Итого баланс по текущим операциям	—142	+212	+70	—380	—630	—1 010

Эта таблица ясно показывает, что не имеет никаких оснований объяснение особой напряженности платежного баланса Англии после второй мировой войны и жесточайшего, не виданного в истории Англии, валютного кризиса 1947 г. исключительно или главным образом нанесенным ей материальным и финансовым ущербом в результате войны.

Более тяжелые материальные и финансовые потери Англии во второй мировой войне по сравнению с первой мировой войной отразились лишь на двух статьях платежного баланса—на доходах от инвестиций и доходах от судоходства. Чистый доход по этим двум статьям в 1946 г. был меньше, чем в 1919 г., в общей сложности на 171 млн. ф. ст. В то же время таблица показывает, что внешнеторговые позиции Англии в результате второй мировой войны были значительно более благоприятные, чем в результате первой мировой войны. Пассивное сальдо торгового баланса Англии в 1946 г. составляло 208 млн. ф. ст., в то время как в 1919 г.— 443 млн. ф. ст.; следовательно, пассив по торговле был в 1946 г. на 235 млн. ф. ст. меньше, чем в 1919 г. Это *сокращение пассива по торговому балансу, как мы видим, с лихвой перекрывало сокращение доходов от инвестиций и судоходства, составившее лишь 171 млн. ф. ст.*

Следовательно, платежный баланс после второй мировой войны *мог бы быть даже значительно более благоприятным, чем после первой мировой войны*: дефицит платежного баланса мог бы составить весьма скромную сумму, много меньшую, чем в 1919 г. В действительности же дефицит платежного баланса в 1946 г. составил 380 млн. ф. ст., или 268% дефицита 1919 г., т. е. превысил последний более

чем в $2^1/_2$ раза. Причина этого заключается исключительно в том, что в 1946 г. отрицательное сальдо правительственных расходов (т. е. за вычетом аналогичных доходов Англии) составляло большую сумму: 295 млн. ф. ст. Эти громадные расходы за границей, как мы уже указывали выше, лейбористское правительство произвело вследствие своей зависимости от США и руководствуясь своими империалистическими целями. Без этих расходов платежный баланс 1946 г. мог бы быть сведен с совершенно незначительным дефицитом, всего в сумме 85 млн. ф. ст., т. е. на 57 млн. ф. ст. меньше, чем в 1919 г. Этот дефицит легко мог быть покрыт текущими займами или продажей некоторой суммы инвестиций. *Таким образом, была полная возможность урегулирования проблемы платежного баланса.*

Получив американский заем, Англия серьезно ослабила свои позиции во внешней торговле: пассивное сальдо по торговле увеличилось в 1947 г. на 233 млн. ф. ст. по сравнению с 1946 г., т. е. более чем в два раза. Вместе с тем заморские правительственные расходы были сокращены в 1947 г. совершенно незначительно. „Экономия" по этой статье составила в 1947 г. 83 млн. ф. ст. при увеличении дефицита по торговому балансу на 233 млн. ф. ст. В результате такой политики второй послевоенный год принес не улучшение, а резкое ухудшение состояния платежного баланса. Дефицит платежного баланса почти удвоился по сравнению с 1946 г. и достиг рекордной за всю историю Англии суммы—630 млн. ф. ст., что не могло не привести к охарактеризованному выше валютному кризису. Расплачиваться же за последствия этой политики лейбористского правительства должен рабочий класс, который был посажен в результате валютного кризиса на паек более скудный, чем во время войны.

Приведенная таблица показывает, что на втором году после окончания первой мировой войны произошло значительное *улучшение* платежного баланса, который был сведен с положительным сальдо. Противоположную картину показывает платежный баланс 1947 г., второго послевоенного года. В связи с этим в общем итоге платежный баланс Англии за 1946—1947 гг. дал колоссальное пассивное сальдо—свыше 1 млрд. ф. ст., в то время как платежный баланс за 1919—1920 гг. был сведен с положительным сальдо в сумме 70 млн. ф. ст.

Еще более тяжелым оказался для Англии общий результат платежного баланса в целом (включая баланс движения капиталов), который выражается в движении золота и долларов.

Если в 1946 г. утечка золота и долларовых резервов составляла 226 млн. ф. ст., то в 1947 г. она достигла беспрецедентной суммы в 1024 млн. ф. ст., или 4,1 млрд. долл.! Подобного сюрприза лейбористское правительство никак не ожидало.

Для покрытия образовавшегося дефицита Англия использовала в сумме 813 млн. ф. ст. предоставленные ей США и Канадой займы. Но этих средств, а также долларового займа, полученного у Международного валютного фонда (в форме обмена фунтов стерлингов на

доллары), нехватило, чтобы заполнить эту брешь. Несмотря на огромные внешние займы, валютный кризис вызвал серьезную утечку средств из золотого и долларового фонда Англии, а именно в сумме 151 млн. ф. ст.

Из общей суммы дефицита в 1 024 млн. ф. ст. 61% падает на собственный дефицит Англии по расчетам с США, 25% — на дефицит других стран стерлинговой зоны и 14% составляют долларовые платежи всей стерлинговой зоны в целом другим странам, возникшие главным образом вследствие введения конвертабельности стерлинга. По заявлению канцлера казначейства, чистый доход от инвестиций, который до войны в 1938 г. покрывал более 21% стоимости английского импорта, составил в 1947 г. всего 51 млн. ф. ст., что дало возможность оплатить в этом году лишь 3% английского импорта, т. е. вдвое меньшую долю, чем в 1938 г., когда этот доход составил 7% стоимости импорта.

Правительственная „Белая книга о платежном балансе", в которой были опубликованы приведенные выше данные, встретила самые резкие, порой прямо истерические отклики печати.

Так, газета „Йоркшир пост" указывала, что английские резервы „безжалостно истощаются". Газета „Манчестер Гардиан" мрачно отмечала, что цифры платежного баланса производят „угнетающее впечатление".

С особенно резкими обвинениями против правительства выступила газета „Файненшл Таймс", которая в статье под заголовком „Трагическая история" писала: „Белая книга о платежном балансе", опубликованная сегодня утром, несомненно, займет место в истории, как один из наиболее тяжелых обвинительных актов неспособности государственного управления. Здесь в сухих, жестких цифрах раскрылась вся трагическая история подрыва нашей позиции в заморских платежах в 1947 г., который привел страну на край экономической катастрофы". Считая, что в некотором отношении правительство оказалось „жертвой обстоятельств", газета вместе с тем серьезными аргументами и фактами доказывает, что стоявшие перед страной трудности были чрезвычайно усилены полной неспособностью правительства принять необходимые меры в нужный момент.

В другой статье та же газета, связывая платежный баланс 1947 г. с итогами выполнения государственного бюджета за 1947/48 г., пишет, что „редко когда-либо правительственные эксперты так серьезно ошибались в своих оценках поступлений по доходным статьям", „данные за 1947/48 г. представляют руководство правительственными финансами в печальном свете". В частности, газета указывает на то, что сокращение на 400 млн. ф. ст. внутреннего текущего долга вдвое было перекрыто приростом внешней задолженности[1]. Иными словами, усилия правительства, направленные на ликвидацию бюджетного дефицита и сокращение

[1] „The Financial Times", 11/II 1948.

государственного долга, не только сведены на-нет, но привели к дальнейшему серьезному ухудшению финансового положения Англии—росту внешней задолженности, которая представляет собой еще более тяжелое бремя для хозяйства и народа, чем внутренняя задолженность.

Катастрофическая утечка золота и валюты в 1947 г. была связана также с тем, что система валютного контроля под давлением США была резко ослаблена в 1947 г., ввиду чего произошел колоссальный отлив капиталов из Англии, в частности, за счет сокращения стерлинговых авуаров. Однако этот отлив капиталов был связан также с тем, что, стремясь укрепить свои империалистические позиции, английские капиталисты, несмотря на исключительно тяжелое валютно-финансовое положение своей страны, инвестировали и в 1947 г. свои капиталы в колониях. Общая сумма отлива капитала составила более 300 млн. ф. ст. Эта утечка золота и долларов резко увеличила дефицит платежного баланса.

Нельзя назвать в истории Англии ни одного года, более тяжелого с точки зрения ее валютно-финансовых взаимоотношений с внешним миром. Известно, что с указанной точки зрения очень тяжелым для Англии был 1931 год. Однако пассив платежного баланса по текущим статьям составил в этом году 103 млн. ф. ст., т. е. менее $^1/_6$ части пассива 1947 г., а отлив капиталов достиг 200 млн. ф. ст., что также составляет только $^2/_3$ суммы отлива капиталов в 1947 г. Однако 1947 и 1931 гг. отличаются друг от друга в рассматриваемом нами отношении не только количественно, но и, так сказать, качественно, т. е. по существу самой ситуации. Валютно-финансовый кризис 1931 г. в Англии был результатом мирового экономического кризиса. Валютно-финансовый кризис 1947 г., выразившийся в катастрофической потере золото-валютных ресурсов, в отмене конвертабельности стерлинга, в резком сокращении необходимого для Англии импорта, не был формой проявления периодического экономического кризиса. Выражая обострение общего кризиса капитализма и послевоенные противоречия английского империализма, этот кризис непосредственно был связан как с общей политикой, так и с экономической и финансовой политикой лейбористского правительства.

Подобная политика была выгодна лишь английским монополиям (в 1947 г. прибыли английских компаний на 30% превысили максимальный уровень прибылей во время войны). Этим же курсом в значительной степени определяются и валютно-финансовые перспективы Англии.

Дефицит платежного баланса по текущим операциям за 1948 г. составил 120 млн. ф. ст. Правительству не удалось в 1948 г. уравновесить весь в целом годовой баланс внешних платежей Англии, как это намечалось в свое время правительственным „планом".

Между тем правительство уже к концу 1947 г. успело растратить значительную часть собственных и полученных в кредит золото-валютных ресурсов. В результате катастрофической утечки золота и инвалюты к концу 1947 г. все золотые и долларовые

резервы, включая остатки американского, канадского и южноафриканского займов, составили 615 млн. ф. ст. По мнению „Таймс"[1], почти половина этих резервов составляет минимум, необходимый для финансирования текущей торговли стран стерлинговой зоны, т. е. действительные резервы ничтожны. Опасаясь полного финансового банкротства Англии, реакционная „Таймс" выход из создавшегося тупика видит главным образом в проведении мер, которые должны „снизить стандарт жизненного уровня трудящегося населения". Но по этому вопросу нет по существу никаких расхождений между „Таймс", представляющей интересы английских монополий, и нынешним лейбористским руководством, стоящим у руля правления государственными делами в Англии.

В декларации Исполнительного комитета Английской компартии, опубликованной в сентябре 1948 г., справедливо указывалось: „Лейбористское правительство служит интересам крупных монополий и самой Англии. Сейчас начинается конкуренция не на жизнь, а на смерть из-за экспортных рынков". В этом смысл речи Криппса, обращенной к конгрессу тред-юнионов. Призыв к расширению производства на экспорт сейчас начинает звучать так: „Стоимость экспорта должна быть снижена". Наступление на уровень жизни трудящихся сейчас в полном разгаре. Интенсивнее работать, дольше работать, снизить реальную заработную плату — такие перспективы предлагает Криппс рабочим. Причиной жертв, навязываемых сейчас рабочим, является империалистическая политика правительства, стремление „разрешить" английские проблемы путем усиленной эксплоатации колониальных народов, результатом чего является варварская война в Малайе"[2].

4. Валютный кризис 1947 г. Провал англо-американского „плана послевоенной финансовой реконструкции"

Лейбористское правительство вплоть до 20 августа 1947 г. выполняло все свои обязательства по Вашингтонскому соглашению. Англия в течение первого года действия соглашения отменила валютные ограничения по своим текущим операциям в США и провела ряд мер по выполнению наиболее тяжелого для нее обязательства — восстановления конвертабельности стерлинга. Со многими странами — с Канадой, Аргентиной, Швецией, Италией, Чехословакией, со странами Бельгийской, Голландской и Испанской валютных зон и некоторыми другими — Англия заключила соглашения о так называемых „переводных" (трансферабельных) счетах. По этим соглашениям стерлинги, зачисленные на такие счета, могут переводиться для любых расчетов по текущим операциям, следовательно, и для расчетов по платежам США в долларах, при условии, что валютные органы

[1] „The Times", 11/II 1948.
[2] „Правда" от 21/IX 1948 г.

соответствующих стран будут следить за тем, чтобы эти переводы не служили для целей экспорта капиталов. Тем самым фактически для текущих платежей, совершаемых по указанным счетам, стерлинг стал валютой, свободно обратимой в доллары. С 15 июля 1947 г. эта обратимость стерлинга была формально введена для многих стран.

В связи с первой годовщиной Вашингтонского финансового соглашения и вступлением в силу обязательства Англии о свободной обратимости стерлинга финансовый обозреватель „Уолл-Стрит Джорнал" Рид писал: „... американский заем Англии не только не облегчил, но даже ухудшил экономическое положение Англии... Большие ожидания, возникшие по обе стороны Атлантики в прошлом году, когда был подписан пакт о займе, в настоящее время рассеялись. Вместо них появились разочарования и мрачные предчувствия... Англичане предсказывают, что через шесть месяцев Англия не сможет удовлетворять условия относительно свободной обратимости стерлинга для текущих сделок". В правительственном обзоре на 1947 г. также высказывались опасения, что введение конвертабельности может вызвать значительный отлив золота. Тем не менее, несмотря на предупреждения, лейбористское правительство не посмело поставить вопроса об отмене или общей отсрочке этого обязательства.

Единственно, на что отважилось лейбористское правительство,— это обратиться за всемилостивейшим разрешением к правительству США с просьбой об отсрочке выполнения обязательства об обратимости стерлинга для тех 14 стран, с которыми она не успела заключить соглашения о „переводных счетах". Поскольку в числе этих стран были, и, вероятно, не случайно, СССР и страны Восточной Европы—Польша, Болгария, Венгрия, наряду с некоторыми другими странами,—США „великодушно" разрешили Англии отсрочить восстановление обратимости для этих стран до 15 сентября 1947 г.

Англия приступила также к выполнению своего обязательства по размораживанию стерлинговых авуаров, для чего, в частности, было заключено соответствующее соглашение с ее главным „кредитором поневоле"—Индией. Однако этим соглашением размораживание стерлинговых ресурсов Индии было проведено гомеопатическими дозами: из колоссальной суммы стерлинговых активов Индии свыше 1 млрд. ф. ст. было разморожено всего... 35 млн. фунтов плюс 30 млн. в оборотный капитал Банка. Следовательно, Индия получила по этому соглашению в свое распоряжение лишь 6% ее стерлинговых активов![1]

По соглашению с Египтом—вторым по величине стерлинговых авуаров кредитором Англии—освобождалось для заграничных платежей Египта 8 млн. ф. ст. плюс 13 млн. ф. ст. в качестве оборотного фонда для расчетов с другими странами по текущим операциям из общей суммы 325 млн. ф. ст. стерлинговых активов

[1] О новом англо-индийском финансовом соглашении см. ниже.

Египта на 30 июня 1945 г.[1]. Иной характер носит урегулирование стерлинговой задолженности со странами, не входящими в стерлинговый блок и не являющимися участниками „Британского содружества наций". Так, например, по соглашению с Уругваем Англия освободила 1,7 из 17 млн. ф. ст. (10%) и в дальнейшем обязалась выплатить еще 1,5 млн. ф. ст. Остальная сумма была предназначена для выкупа принадлежащих англичанам акций уругвайских железных дорог и других предприятий, а также уругвайских государственных облигаций. Таким образом, с этой страной проблема стерлингового долга была полностью урегулирована.

Наконец, Англия лойяльно выполняла свое обязательство в отношении американского экспорта. США не выражали недовольства Англией в связи с известной статьей IX о недискриминации. Зато не было недостатка в резких протестах англичан по поводу применения этой статьи Вашингтонского соглашения. Так, например, представитель оппозиции, бывший министр колоний Оливер Стэнли, заявил 6 августа 1947 г. в палате общин, что последствия статьи англо-американского соглашения о займе, запрещающей дискриминацию в отношении американской торговли, означают, что Англия не может позволить себе покупать больше ни у кого: „Правительство должно принять решительные меры, чтобы освободить нас от обязательств, не желательных для мира и совершенно нецелесообразных для нас"[2].

Такое заявление было связано с тем, что к этому моменту Англия уже переживала валютный кризис: у США она не могла покупать из-за отсутствия долларовой выручки и быстрого, вопреки предположениям, исчерпания американского займа; покупать же товары на имеющиеся у нее стерлинги в странах стерлинговой зоны, не покупая одновременно у США, ей запрещает статья IX соглашения. Применение этой статьи было более или менее терпимым, когда фунт стерлингов был неконвертабельной валютой. Распространение обратимости стерлинга, согласно статье VII соглашения, создало то невыносимое валютное положение, при котором Англия действительно встала перед угрозой невозможности импортировать самые необходимые ей товары.

С введением обратимости резко возросло требование долларов со стороны всех государств стерлингового блока, и в то же время сама Англия стала испытывать искусственно повышенную потребность в долларах в связи с обязательством покупать товары в США, хотя эти товары можно получить в странах стерлинговой зоны, без затраты долларов.

Хотя общее восстановление свободной обратимости фунта стерлингов не распространялось на замороженные стерлинговые авуары, однако, на основании специальных соглашений Англии с Индией,

---

[1] Данные о росте стерлинговой задолженности Англии за годы войны по странам приведены в журнале „The Banker", January 1946, p. 1.

[2] „Правда" от 8/VIII 1947 г.

Египтом и другими странами, приблизительно 100 млн. ф. ст. этих авуаров было разблокировано[1]. Кроме того, с момента вступления в силу обязательства Англии о свободной обратимости стерлингов возникли практические трудности в контроле за использованием замороженных стерлинговых авуаров. Бо́льшая часть этих средств была блокирована на основе „джентльменских соглашений". Обнаруживать же нарушения этих соглашений стало очень сложным делом после введения свободной обратимости стерлинга. Наконец, быстрое истощение долларовых ресурсов Англии способствовало подрыву веры в способность Англии и впредь поддерживать свободную обратимость стерлингов в доллары. Поэтому возникло стремление использовать удобный момент для превращения в доллары возможно большей массы стерлинговых средств, независимо от действительной потребности в долларах.

В общей сложности за период с 1 июля 1946 г. по 31 августа 1947 г. страны стерлинговой зоны, по заявлению Дальтона, снизили свои стерлинговые авуары на крупную сумму—230 млн. ф. ст.[2].

Положение Англии усугубилось еще тем, что с момента заключения займа цены на закупаемые в США товары значительно возросли и при этом в большем размере, чем на товары, экспортируемые Англией.

По заявлению Дальтона, повышение цен в США снизило реальную ценность американского займа на 28%. Вследствие этого из общей суммы займа 3 750 млн. долл. Англия „подарила" американским монополистам свыше 1 млрд. долл. Несмотря на некоторые меры по расширению производства и увеличению экспорта, рост последнего не мог компенсировать возросшие по указанным причинам требования на доллары. В результате этого в течение первого полугодия 1947 г. резко возросла пассивность платежного баланса, и для покрытия дефицита последнего Англия стала прибегать в больших и все более возраставших размерах к истребованию долларов из американского займа.

Изложив ряд намечаемых правительством мер по увеличению производства, расширению экспорта и сокращению импорта и других инвалютных расходов в долларах для борьбы с валютным кризисом, Эттли заявил в палате общин 15/VIII 1947 г.: „...обстоятельства поставили нас в положение, полное опасностей и беспокойств, мы должны были повести борьбу для того, чтобы *вновь обрести экономическую свободу*, точно так же как мы боролись, чтобы сохранить нашу политическую свободу" (подчеркнуто мною.—*З. А.*)[3].

Нельзя не признать откровенным признание главой лейбористского правительства того факта, что Англия утратила „экономическую свободу". Но как же Англии вновь обрести ее—может быть посредством „плана Маршалла"? Правда, Эттли в этой же

[1] См. „Survey of Current Inflationary and Deflationary Tendencies", New York, 1947, p. 33.

[2] „The Financial Times", 6/XI 1947.

[3] „The Financial Times", 7/VIII 1947.

речи заявил, что, хотя американская помощь в Европе может зависеть от „плана Маршалла", „мы не можем и не хотим основывать наши планы на этом предположении". Однако в действительности, как мы покажем ниже, английское правительство всю свою внешнюю политику строило именно на этом предположении—получении новых кредитов от США.

В ходе двухдневных дебатов в палате общин по поводу валютного кризиса в Англии выступил также и тогдашний министр финансов Дальтон, который привел данные о катастрофически быстром расходовании в 1947 г. американского займа, особенно в июле 1947 г.

Дальтон указал, что в III квартале 1946 г. Англия взяла со счета займа 400 млн. долл., в IV квартале—200 млн. долл. В 1947 г. темпы реализации займа возросли. В январе было взято со счета 200 млн. долл., в феврале—100 млн., в марте—200 млн., в апреле—450 млн., в мае—200 млн., в июне—300 млн. долл. Это составляет в общей сложности 2 050 млн. долл. Но июль перекрыл все рекорды: за один этот месяц было взято со счета займа 700 млн. долл.!

Такая утечка валюты предвещала полную валютно-финансовую катастрофу в самом ближайшем будущем. Между тем правительство, вместо того чтобы объяснить, каким образом можно было предупредить утечку и что действительно надо сделать, чтобы избежать полной катастрофы, устами своего канцлера казначейства заявило, что главное несчастье в том, что... американцы не были достаточно щедрыми: „Независимо от условий займа,—заявил Дальтон,—сумма была недостаточной, чтобы оставить какой-либо запас на случай неблагоприятного поворота событий, который нельзя было предвидеть. Сейчас этот поворот событий произошел" [1].

Вот где собака зарыта: оказывается, скупость американцев всему виной!

И даже близкий к правительству журнал „Нью-стэйтсмэн энд нейшн" выразил недоумение по этому поводу: „Почему Эттли не заявил прямо, что мы не можем больше мириться с жестокими условиями американского долларового займа или дальнейшей безоговорочной обратимостью стерлингов, и почему он ничего не сказал о возможности возобновления торговых переговоров с Советским Союзом. Не довлеет ли над правительством мысль об умиротворении Америки в надежде, что новый долларовый заем сможет облегчить суровость положения?" [2]

Хотя консерваторы отнюдь не расходятся с лейбористами в основных вопросах внешней политики, ибо и те и другие одинаково придерживаются реакционного империалистического курса, однако в связи с вопросом о валютном кризисе консерваторы (Черчилль, Стэнли, Иден) в своих партийных интересах выступали с резкой

---

[1] „Известия" от 9/VIII 1947 г.
[2] „Правда" от 10/ VIII 1947 г.

критикой экономической и финансовой политики лейбористского правительства.

Резкое осуждение политика правительства встретила со стороны левых лейбористов. Оппозиционные лейбористы в своих выступлениях указывали, что установлением тесных связей со странами Восточной Европы и Советским Союзом Англия не нарушит связей с США, а окажется в более выгодном положении. Англия должна пойти в Вашингтон как равноправный партнер, а не как выпрашивающий милостыню банкрот.

Группа лейбористов в количестве 19 членов палаты общин опубликовала в „Дейли геральд" письмо, в котором, между прочим, указывалось, что „надежда на многостороннюю торговлю, к чему обязывает нас финансовое соглашение с США, оказалась иллюзорной. Правительство должно блокировать стерлинговые счета и откровенно заявить американцам, что мы не можем больше считать себя связанными статьей IX соглашения о займе". Вместе с тем эта группа лейбористов требовала широкого развития торговых отношений с СССР.

Бурные двухдневные дебаты в палате общин не только не привели к осуществлению мер, которые в какой-либо степени содействовали укреплению валютно-финансового положения, но, наоборот, утечка валюты стала приобретать после этого катастрофические размеры.

В течение месяца после введения свободной обратимости стерлинга сделки нью-йоркских банков со стерлингами возросли в $2—2^1/_2$ раза, что отражало предложение стерлингов странами, с которыми Англия заключила специальные соглашения.

В первое время использования американского кредита англичанами еженедельный расход Англией долларов достигал приблизительно 25 млн. Во втором квартале 1947 г. еженедельный расход долларов достигал 80 млн. В течение шести недель после 1 июля средний еженедельный расход достиг 115 млн., в то время как в течение последних шести рабочих дней, закончившихся 18 августа, расход долларов достиг 237 млн.[1].

В палате общин в прениях по вопросу „О снабжении и вооруженных силах" в августе 1947 г. лейборист Сидней Сильвермэн заявил, что США „несут прямую ответственность за положение, в котором оказалась Англия". Несмотря на то, что его прерывали репликами с мест, Сильвермэн заявил, что в первые годы войны США не давали Англии возможности покупать материалы иначе, как за наличный расчет, и это поглотило иностранные капиталовложения страны. Сильвермэн заявил, что после войны Америке следовало бы продлить действие ленд-лиза еще на два года для того,

---

[1] Из совместного заявления и. о. государственного секретаря США Ловетта и начальника отдела международных финансов Министерства финансов США Саударда.

чтобы вывести мир из бедственного положения, „но американцы предпочли действовать как подлые ростовщики". Эти слова вызвали ярость консерваторов. Многие из них вскочили со своих мест, и Сильвермэн был вынужден взять обратно свое замечание о ростовщиках. Однако он, продолжая свою речь, заявил: „Что же произошло? Нам пришлось занять у США деньги на их условиях, истратить деньги в их лавке, а после того как у нас оказались деньги, они повысили цены на товары".

Что делало лейбористское правительство в этой обстановке? Поскольку, как мы выше указывали, оно считало, что заем США был недостаточен, постольку правительственный „план" спасения страны сводился прежде всего к тому, чтобы поскорее снарядить за океан делегацию солидных людей, внушающих уважение Белому дому и Уолл-стриту, с целью выклянчить новые доллары от США. Так начался в августе 1947 г. в Вашингтоне очередной тур англо-американских финансовых переговоров. Напутствуемая резкой критикой и категорическими требованиями добиться коренного пересмотра условий соглашения, английская делегация была настроена весьма воинственно. Она требовала и нового крупного займа и свободы действий в делах торговых, т. е. прежде всего полной отмены обязательства о „недискриминации". В случае же невозможности немедленного получения займа англичане требовали немедленного освобождения их от обязательства свободно обменивать стерлинги на доллары.

Незадачливые лейбористские дипломаты-финансисты рассчитывали, что американцы, заинтересованные в поддержании лишь недавно введенного в действие механизма свободного обмена стерлингов, в чрезвычайном порядке добьются через конгресс предоставления нового солидного займа, дабы спасти положение. Редактор финансового отдела агентства Рейтер писал 19 августа 1947 г.: „В английских ответственных кругах сегодня полагают, что реальными альтернативами в Вашингтоне являются: или быстрая поддержка стерлинга со стороны США, или такие изменения в курсе стерлинга, какие будут грозить развалом мировой торговли".

Лондонский „Таймс" убеждал американцев срочно предоставить новый, крупный заем, чтобы сохранить тот механизм международного обмена, который сложился.

Между тем в США заявили, что англичане сгущают краски, что они афишируют свои трудности, чтобы выторговать для себя лучшие условия. Так или иначе, американские монополисты отнюдь не собирались „даром" оказать новую помощь Англии. Они выдвинули далеко идущие требования в области внутренней и международной политики и, в частности, требовали безоговорочной поддержки политики американцев в Германии и т. д. В *тот момент* английская делегация не имела полномочий согласиться на эти условия.

Переговоры зашли в тупик. Поскольку в новом займе было отказано, а доллары у Англии уже были на исходе, американцы должны были дать согласие на временную приостановку действия статьи VII о свободном обмене стерлингов по текущим операциям.

Начиная с 00 часов 21 августа 1947 г., свободный обмен фунтов стерлингов на доллары был прекращен: таким образом, *свободная обратимость стерлинга, на которую англо-американские империалисты смотрели, как на важнейший рычаг расширения мировой торговли, действовала всего 35 дней!*

В правительственном обращении об отмене обратимости стерлинга было сделано важное признание: „Для нас, как и для наших друзей в Соединенных Штатах и в Канаде, тяжелым разочарованием является тот факт, *что это великое усилие в деле послевоенной финансовой реконструкции, которую мы производили совместно, окончилось такой неудачей*" (подчеркнуто мною.—*З. А.*)[1].

Таким образом, *лейбористское правительство публично признало провал англо-американского плана послевоенной финансовой реконструкции.* Через полгода после этого события, оглядываясь на прошлое, бюллетень английского „Мидленд-Банк" писал, что авторы плана восстановления конвертабельности стерлинга игнорировали то, что Англия не в состоянии в столь короткий срок увеличить свой экспорт в такой степени, чтобы ликвидировать большое превышение импорта над экспортом и пассивное сальдо по другим текущим статьям платежного баланса, включая сюда очень большие военные расходы за границей. Кроме того, авторами плана не был даже разработан соответствующий механизм валютных операций в новой форме, т. е. механизм свободной обратимости не разменного на золото стерлинга в доллары[2]. Короче говоря, англо-американский план оздоровления всей системы валютных отношений был построен... на песке!

В письме правительства Англии правительству США по поводу отмены конвертабельности Эттли заверял США, что принципы, заключенные в Вашингтонском финансовом соглашении, остаются незыблемыми, а вновь вводимые лейбористским правительством ограничения обмена стерлингов на доллары отнюдь не означают, что оно отказывается вообще от принятого на себя обязательства. Более того, Эттли заявил, что проводимое Англией нарушение соглашения необходимо для... его выполнения! Прекращение обмена фунта стерлингов позволяет, мол, пресечь чрезмерную утечку долларовых ресурсов, а „если эта утечка не будет немедленно прекращена, правительство Его Величества не будет в состоянии следовать целям международной валютной и экономической политики, ярким выражением которой является англо-американское финансовое соглашение".

В своем ответном письме Трумэн санкционировал это решение правительства Англии как мероприятие „чрезвычайного и временного характера": эту меру правительство США рассматривает не как отказ Англии от свободной обратимости стерлинга, но, наоборот, как меру „... *для защиты системы обратимости от злоупо-*

---

[1] „Известия" от 23/VIII 1947 г.
[2] „Midland Bank Review", February 1948.

треблений, которые угрожают ее существованию" (подчеркнуто мною.—*З. А.*). Следовательно, *США обязывают Англию при первой возможности восстановить обратимость стерлинга*. В качестве же санкции за нарушение Англией одного из важнейших обязательств соглашения США лишили англичан права получать доллары из остающейся части займа. США выдали Англии 21, 27 и 29 августа по 150 млн. долл., оставшиеся же после 29 августа 400 млн. долл. американцами были „заморожены".

В этой связи интересно отметить любопытный инцидент. Министр финансов США Снайдер по окончании переговоров, 27 августа 1947 г., заявил на пресс-конференции в Вашингтоне, что в отношении смягчения условий предоставленного американцами английскому правительству займа во время вашингтонских переговоров не было достигнуто каких-либо соглашений, выходящих за рамки „буквы и духа англо-американского соглашения о займе".

При этом Снайдер подчеркнул, что английская делегация не только не сумела добиться согласия американцев на изменения пункта о недискриминации (статья IX), но даже не требовала этого[1].

Иными словами, по заявлению Снайдера, англичане ничего не добились. В то же самое время глава английской делегации по возвращении в Лондон заявил, что его цель достигнута! В печати пытались примирить эти два совершенно противоположных заявления следующим образом. США формально не отменили действия статьи IX о недискриминации. Однако они согласились допустить применение Англией статьи XIV соглашения о Международном валютном фонде, которая разрешает в послевоенный переходный период „...сохранять и приспосабливать к изменяющимся условиям ограничения платежей и переводов по текущим международным сделкам"[2].

Полагая, что применение этой статьи практически даст возможность англичанам добиться тех же результатов, как и путем количественного ограничения импорта, американцы будто бы согласились, лишь формально сохраняя статью IX, фактически отменить ее. Такое объяснение этого инцидента дала, например, газета „Файненшл Таймс". Финансовый обозреватель „Дейли Экспресс", опираясь на мнение „одного известного эксперта", недвусмысленно заявил:

„Хочет того Снайдер или нет, но статья IX сейчас мертва. У нас не осталось долларов для новых закупок в Америке. Однако Южная Африка, Австралия, Новая Зеландия и другие страны нашей империи согласны предоставить нам дополнительное количество продовольствия и других предметов первой необходимости на условиях ленд-лиза или оплаты фунтами стерлингов. Если статья IX сохраняет свою силу, то мы должны отказаться от этих предложений и сидеть на голодном пайке".

В действительности же ст. XIV соглашения о Международном валют-

---

[1] См. „Известия" от 30/VIII 1947 г.

[2] „United Nations Monetary and Financial Conference", 1944, p. 50.

ном фонде отнюдь не дает права применять количественные ограничения импорта. Пункт о недискриминации сохраняет силу, так же как и пункт об обратимости стерлинга; *американцы согласились лишь временно допустить послабления для англичан в этом вопросе путем более „гибкого" применения ст. IX Вашингтонского соглашения о недискриминации, но они полностью сохраняют за собой право требовать от Англии соблюдения всех обязательств Вашингтонского соглашения.*

Что это так, подтверждается содержанием официальных писем, которыми обменялись оба правительства в связи с тем, что в декабре 1947 г. правительство США согласилось предоставить Англии возможность использовать оставшуюся сумму займа—400 млн. долл. Криппс в своем угодническом письме на имя правительства США подтвердил намерение правительства Великобритании выполнить полностью и возможно скорее все цели Вашингтонского финансового соглашения. Министр же финансов США Снайдер, приняв с удовлетворением заверение правительства Великобритании, сообщил о согласии правительства США отсрочить на некоторое время восстановление обратимости стерлинга [1].

Естественно, что такое решение вопроса оставляет почву для споров и разногласий между Англией и США, что означает обострение противоречий между этими странами. Американские империалисты не собираются отступиться от тех прав, которое им дало Вашингтонское соглашение. В частности, основываясь на этом соглашении США принудили Англию принять на себя в Женеве в октябре 1947 г. конкретное обязательство снизить или полностью отменить преференции по ряду товаров, по которым США являются главным экспортером.

* * *

Катастрофическая потеря Англией золото-валютных ресурсов, крах обратимости стерлинга и последующие за этим события представляли собой валютный кризис, который имеет глубокие экономические причины, связанные с противоречиями послевоенной экономики Англии и с политикой лейбористского правительства. Этот кризис—разновидность так называемого „специального денежного кризиса", который не является формой выражения циклического экономического кризиса, но „...может возникнуть самостоятельно, затрагивая промышленность и торговлю лишь путем обратного отражения. Это такие кризисы, центром движения которых является денежный капитал, а непосредственной сферой—банки, биржи, финансы" [2].

Валютный кризис тяжело отразился на экономике Англии и на положении трудящихся масс. Всю тяжесть кризиса лейбористское правительство взвалило на плечи трудящихся: ввиду серьезного ограничения ввоза продовольствия были сильно сокращены действующие нормы выдачи мяса, молока, жиров, сахара и было

---

[1] „The Times", 6/XII 1947.
[2] К. Маркс, Капитал, изд. 1937 г., т. I, стр. 132—133.

введено нормирование даже такого продукта питания, как картофель, который во время войны не нормировался. Валютный кризис также повлек за собой сокращение жилищного строительства. Серьезные пертурбации вызвал кризис и в сфере внешнеторговых и валютных отношений Англии.

В течение первого полугодия 1947 г. Англия заключила соглашения со многими странами о такой системе расчетов по текущим операциям, при которой фунты стерлингов могут рассматриваться как международное платежное средство, свободно обмениваемое на валюту любой страны, в частности, и на наиболее дефицитную — на американские доллары. На этой основе заключались контракты на поставку товаров, делались соответствующие заказы промышленности и т. п.—и все это внезапно рухнуло.

Англии пришлось теперь уже по-иному налаживать свои торговые связи—в первую очередь с такими странами, которые могут удовлетвориться необратимыми фунтами стерлингов. Однако отказ от обратимости не означает, что Англия может полностью снять с себя заботу об обмене фунтов стерлингов на доллары. Ее доминионы требуют, чтобы их экспорт в Англию в значительной части оплачивался долларами. Так, в прессе сообщалось, что Канада желает, чтобы половина продовольственных товаров, отправляемых ею в Англию, оплачивалась долларами, Австралия хочет частичной оплаты долларами поставляемой ею шерсти, а Индия и Пакистан хотят получать доллары в счет огромных сумм английской задолженности им, чтобы они могли покупать такие американские товары, которых нет в Англии.

11 марта 1947 г. королем был утвержден закон о валютном контроле (Exchange Control Act 1947). В этом законе детально изложена система строгих правил валютного контроля. Однако закон этот не применялся, так как восстановление конвертабельности стерлинга означало, наоборот, в значительной степени отмену или ослабление этого контроля в отношении так называемых „текущих операций". В результате же валютного кризиса Англия снова встала на путь усиления валютного контроля: указанный закон был введен в действие с 1 октября 1947 г.

Согласно первой статье этого закона никто, кроме уполномоченных правительством посредников, не имеет права без разрешения казначейства совершать операции по покупке и продаже золота и иностранной валюты, а также совершать кредитные сделки с золотом и иностранной валютой. Это правило распространяется также и на операции резидентов Соединенного Королевства, совершаемые вне территории последнего[1]. Все лица, не облеченные правом хранения и продажи золота и иностранной валюты, должны письменно сообщать Английскому банку о наличии у них золота или иностранной валюты[2].

---

[1] Exchange Control Act, 1947, London, Part I, § 1, p. 1.
[2] Ibid., Part I, § 3, p. 3.

Не только сделки с золотом и инвалютой, но и всякого рода платежи за пределами „стран, занесенных в список", т. е. стран стерлинговой зоны, не могут производиться без разрешения казначейства. Равным образом без такого разрешения воспрещается „кредитовать какую бы то ни было сумму на счет лица, проживающего вне стран, занесенных в список" [1]. Следовательно, если, например, английскому капиталисту причитается получить за экспортированный товар или оказанные услуги энную сумму соответствующей валюты, то он не вправе отсрочить получение ее, ибо это означало бы предоставление кредита за пределами стерлинговой зоны, что, естественно, уменьшает приток иностранной валюты. Закон поэтому прямо предписывает требовать своевременной уплаты заграничных долгов [2]. Опять-таки, чтобы предотвратить утечку валюты, в законе указывается, что если по зарегистрированным в Соединенном Королевстве ценным бумагам резидентам этого королевства причитаются платежи, то они не имеют права добиваться, чтобы эти платежи производились вне Соединенного Королевства [3].

Закон, далее, запрещает без разрешения казначейства ввоз всякого рода законных платежных средств Соединенного Королевства, казначейских векселей и различных сертификатов на право собственности на любую ценную бумагу [4]. В то же время воспрещается также и вывоз без согласия казначейства банкнот, векселей казначейства, почтовых переводов, золота в любом виде, страховых полисов, различных сертификатов на право собственности и пр., а также в соответствии с особыми указаниями „любых предметов, находящихся на самом путешественнике или в его багаже" [5]. Следовательно, органы валютного контроля могут подвергать личному обыску любого так называемого „резидента Соединенного Королевства".

Этот кодекс валютного контроля предусматривает даже контроль и за операциями *внутри* стерлинговой зоны, поскольку эти операции могут хотя бы *косвенным путем* создать лазейку в валютной стене, которую закон воздвигает между стерлинговой зоной и остальным миром: § 30 пятой части этого закона запрещает без разрешения казначейства давать взаймы деньги, казначейские векселя или ценные бумаги любой корпорации в *странах стерлинговой зоны*, если она контролируется какими-либо путями (прямо или косвенно), лицами, которые не принадлежат к резидентам „стран, внесенных в список", т. е. стран стерлинговой зоны [6].

Наконец, в законе подробно предусмотрены наказания за его нарушение, как, например, тюремное заключение до двух лет, штраф в троекратной стоимости валюты, бумаг, золота, товаров или иму-

---

[1] Exchange Control Act, 1947, London, Part I, § 3, p. 3.
[2] Ibid., § 24, p. 16—17.
[3] Ibid., § 12, p. 7.
[4] Ibid., § 21, p. 15.
[5] Ibid., § 22, p. 15.
[6] Ibid., § 30, p. 22.

щества, с которыми были произведены запрещенные операции без разрешения казначейства[1].

Таков финал Бреттон-Вудса и Вашингтонского финансового соглашения: вместо прокламированной англо-американским блоком отмены или хотя бы смягчения валютных ограничений, *узаконение в условиях мирного времени строжайших мер валютного контроля.*

Конечно, все эти правила не страшны для заправил капиталистических монополий, которые имеют своих людей также и в органах, ведающих валютным контролем. Монополии без особого труда, когда это надо, могут получить то „разрешение казначейства", которое упоминается почти в каждой статье закона. Но для мелких и средних капиталистов действительно воздвигнута валютная стена между странами стерлинговой зоны и внешним миром.

После провала конвертабельности стерлинга в Англии действует весьма сложная система валютных счетов, по которым осуществляются все международные расчеты Великобритании. Эта система вкратце заключается в следующем.

Страны мира разделены на следующие пять классов или групп, для каждой из которых установлены специальные правила пользования числящимися на их счетах фунтами стерлингов для международных сделок:

1) *Страны, внесенные в список стерлинговой зоны.* Сюда входят Соединенное Королевство и доминионы, за исключением Канады и Нью-Фаундленда, британские колонии, мандатные территории и протектораты, а также Бирма, Ирак и Исландия. По этим счетам могут производиться платежи без ограничений из одних стран стерлинговой зоны в другие страны той же зоны, также можно производить платежи с американских, „переводных" (см. ниже) и прочих счетов на резидентские счета стерлинговой зоны. Что же касается платежей с последних счетов на всякого рода счета стран, не входящих в стерлинговую зону, то для этого требуется разрешение Английского банка или его уполномоченного агента.

Для стран, входящих в списочную территорию, сохраняется действовавший во время войны режим *долларового пула*, т. е. эти страны обязаны сдавать свою долларовую выручку в „общий котел", а взамен долларов они получают фунты стерлингов по официальному курсу.

В настоящее время фунт стерлингов нельзя считать неограниченным платежным средством даже в пределах стерлинговой зоны, поскольку и внутри ее существуют ограничения в отношении ввоза и вывоза валюты, перевода капиталов. Свободная обратимость действует лишь по так называемым текущим операциям, т. е. по расчетам, связанным с торговыми сделками.

2) *Страны, которым открыты так называемые „американские счета".* Сюда входят, кроме США, Филиппинские острова и все терри-

[1] Exchange Control Act, 1947, London, Part I, Fifth Shedule, p. 39.

тории, находящиеся под суверенитетом США, а также Боливия, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Куба и ряд других стран Южной Америки. Эти счета являются самыми привилегированными, так как фунты стерлингов, находящиеся на этих счетах, свободно конвертируются в доллары по текущему биржевому курсу. По этим счетам могут производиться платежи из одних стран этой группы в другие страны той же группы, а также на любые счета стран первой группы. *В режиме этих счетов отразились империалистические позиции США и положение доллара США в международном платежном обороте.*

3) *Страны, которым открыты так называемые „переводные счета"*. Сюда относятся: Италия, Голландская валютная зона, Египет, Эфиопия, Финляндия, Иран, Норвегия, Швеция, Испанская валютная зона, Судан. Платежи между странами, входящими в эту группу, или на резидентские счета стерлинговой зоны разрешаются без ограничений. В то же время без разрешения Английского банка нельзя производить никаких платежей с этих счетов на американские счета или на так называемые „двусторонние счета" (см. ниже). Таким образом, *платежный оборот по этим счетам*, так же *как по счетам первой группы, строго ограничен.*

4) *Страны, которым открыты так называемые „двусторонние счета"*. Сюда входят: Аргентина, Австрия, Бельгийская валютная зона, Французская валютная зона, Греция, Япония, Палестина, Португальская валютная зона, Швейцария, Турция, Сирия, Уругвай и ряд других стран. С этих счетов можно производить платежи только на резидентские счета стерлинговой зоны или с одного счета в какой-либо стране этой группы на другой счет в той же стране. Все прочие платежи требуют разрешения Английского банка. Однако счета в швейцарских франках фактически не подвергаются ограничениям, так как Английский банк покупает и продает их по официальному курсу.

5) *Прочие страны, или так называемая группа „остальных счетов"*. Сюда входят Афганистан, Киренаика, Саудовская Аравия, Танжер и др. Платежи между странами этой группы производятся без всяких ограничений. Кроме того, могут производиться переводы со счета одной из этих стран на резидентские счета. Платежи с американских счетов или переводных счетов на счета этой группы могут производиться без ограничений. Все другие платежи требуют разрешения Английского банка.

Естественно, что средства, находящиеся на различных счетах, имеют различную ценность для их владельцев.

Так, например, стерлинги, находящиеся на американских счетах, были эквивалентны долларам по курсу 1 ф. ст. = 4 долл. (с округлением). Если же капиталисту надо производить платежи в какую-либо страну долларовой зоны, а у него все стерлинги на „резидентском" или „переводном" счете, то естественно, что он согла-

сится продать их по пониженному курсу, лишь бы получить стерлинги, конвертируемые в доллары. Покупателями же таких специальных стерлинговых средств являются те капиталисты, которые как раз должны уплатить стерлинги в странах, где действуют „переводные счета" или „резидентские счета" и т. п. Так, „переводные фунты" (т. е. стерлинги на „переводных счетах") в начале 1949 г. котировались в среднем по 3,31 долл.

Если в силу заключенного с Англией соглашения какая-либо страна переходит из одной группы в другую, то соответственно изменяется котировка принадлежащих ей фунтов. Так, когда Италия была переведена из группы „двусторонних счетов" (третья группа) в группу „переводных счетов" (четвертая группа), то курс ее фунтов соответственно изменился.

Таким образом, хотя формально в Англии существует единый официальный курс валюты, однако в действительности там действует на полном ходу система множественности валютных паритетов, которая Бреттон-вудской конференцией была осуждена как вредная для мировой торговли.

Сохранение и в мирных условиях этих валютных барьеров — выражение глубокого кризиса не только английской, но и всей международной валютной системы капитализма в целом.

Сразу же после отмены конвертабельности положение английского фунта стерлингов пошатнулось. Большое число фунтов стерлингов, переводы которых ограничены, сбывалось по пониженному курсу — от 2 до 3 американских долларов, т. е. на 25—50% ниже официального паритета.

В дальнейшем курс фунта стерлингов несколько укрепился, но и в 1949 г. стерлинги, находящиеся на всех счетах, кроме группы американских счетов, фактически котировались значительно ниже официального паритета фунта стерлингов по отношению к доллару США.

Валютный кризис в Англии, несомненно, вызвал нарушение всей мировой торговли и отрицательно отразился также на американском экспорте, поскольку ряд стран, лишенных права обменивать фунты стерлингов на доллары, не мог выполнить свои текущие обязательства по платежам США и отказался от новых контрактов.

Вместо того чтобы развивать многостороннюю торговлю на базе свободно обратимого фунта стерлингов, Англия вновь стала на путь двусторонних валютно-торговых соглашений. В сентябре 1947 г. она заключила с Бельгией первое такое соглашение, согласно которому обе страны обязались предоставлять друг другу валюту для текущих платежей, причем Бельгийский банк согласился в случае необходимости повысить свои стерлинговые авуары до 27 млн. ф. ст., а фунты стерлингов сверх этой суммы подлежат обмену на золото. Аналогичного характера обязательство взяла на себя и Англия. Следовательно, это двустороннее платежное соглашение построено на принципе взаимности поставок и платежей с лимитированием взаимной задолженности. Урегулирование платежей за пределами стерлингового блока

должно контролироваться валютными органами обеих стран. Бельгия отказалась от свободного приема фунтов стерлингов у других стран, а перевод фунтов стерлингов с бельгийских счетов на счета других стран разрешается только соответствующими английскими властями.

В течение 1948 г. Англия заключила торговые и валютные соглашения с целым рядом стран (Швейцарией, Голландией, Швецией, Норвегией и др.). Заключая такие соглашения, Англия стремится расширить сферу применения фунта стерлингов в международных платежах, пытаясь создать систему многостороннего клиринга с центром в Лондоне. Элементы этой системы уже ранее заключались в торговых и валютных соглашениях Англии, заключенных еще до вступления в силу Вашингтонского финансового соглашения. Так, на основании валютного соглашения Англии с Бразилией, заключенного в 1946 г., бразильский экспорт не только в Англию и не только в страны Британской империи, но и в ряд других стран, как, например, в Бельгию, Голландию, Турцию, Грецию, Скандинавские страны, оплачивается фунтами стерлингов путем зачисления соответствующих сумм на стерлинговый счет Бразилии в Лондоне. Эти стерлинги или же стерлинговые авуары Бразилия со своей стороны имеет право использовать для оплаты своего импорта из указанных стран.

Таким образом, на основе охарактеризованной выше системы специальных счетов большая группа стран без посредства золота или долларов ведет свои финансовые расчеты друг с другом, используя стерлинг в качестве международного платежного средства, а Лондон—в качестве центра международных клиринговых (т. е. совершаемых без участия наличных денег) расчетов. Многосторонний клиринг должен, по мнению английского финансового капитала, восстановить роль фунта стерлингов как международного платежного средства и роль Лондона как международного расчетного и кредитного центра. Почти $^3/_4$ внешнеторгового оборота Англии, не считая торговли со странами Британской империи, осуществлялось в 1948 г. на основе такого рода соглашений.

В этом проявляется внешнеторговая и внешневалютная политика английского империализма, опорой которой является также система внутриимперских преференциальных тарифов. Этот курс внешнеторговой и внешневалютной политики Англии находится в противоречии с интересами США и требованиями Бреттон-вудского и Вашингтонского соглашений. Между Англией и США по этому вопросу всегда существуют то в скрытой, то в открытой форме весьма острые и глубокие противоречия. Валютный кризис 1947 г. выражал обострение этих противоречий.

Вопрос в конечном счете сводится к тому, будет ли существовать и впредь и даже расширяться стерлинговый блок или он будет все более ослабляться и в конечном счете вовсе ликвидируется, как того домогаются США, хотя английские империалисты заявляют, что они этого никогда не допустят. Стерлинговый блок мерещится американским империалистам всюду и везде, они считают его серьезным препятствием на пути своей внешнеэкономической экспансии.

В печати Уолл-стрита были даже заявления, что, в связи с заключенными Англией еще в ходе войны и по окончании ее валютными соглашениями с Францией, Бельгией, Швецией и Турцией, эти страны примкнули, по крайней мере временно, к стерлинговому блоку.

Однако нельзя считать, что любое валютное соглашение Англии означает включение данной страны в стерлинговый блок. Возьмем к примеру соглашение о регулировании платежей между Англией и Швейцарией, заключенное на год, по 28 февраля 1949 г., или соглашение с Аргентиной, подписанное в Буэнос-Айресе 13 февраля 1948 г. Согласно договору Швейцария в 1948/49 г. должна стремиться сбалансировать свой торговый оборот не только с Англией, но и со всей стерлинговой зоной, для чего принимаются меры в целях расширения ввоза товаров в Швейцарию из стран стерлингового блока. В результате этих мер, как писала „Таймс", не исключено, что не Швейцария будет обладателем стерлинговых авуаров, а, наоборот, Англия накопит швейцарские франки, которые могут быть использованы ею для своих платежей вне стерлинговой зоны[1]. По соглашению с Аргентиной последняя имеет право использовать накапливаемые ею стерлинговые обязательства Англии для любых платежей в странах стерлинговой зоны.

Означают ли указанные договоры, что Швейцария или Аргентина вступила в стерлинговый блок? Конечно, нет. К стерлинговому блоку можно отнести лишь страны, прочно прикрепившие свои валюты к стерлингу, базирующиеся на последний в отношении обеспечения своей валюты и фиксации ее курса. Весьма важно также, что в рамках этого блока по текущим торговым операциям валюты одних стран блока обратимы в валюты других стран. Заключение валютного соглашения клирингового типа с лимитированием взаимной задолженности[2] нельзя рассматривать как включение данной страны в стерлинговый блок, хотя тесная связь с этим блоком действительно устанавливается. Существенно и то, что во взаимоотношениях с той или иной страной, как это видно из приведенных договоров с Аргентиной и Швейцарией, стерлинговый блок выступает как единая валютная сфера, что, конечно, не исключает наличия экономических противоречий и борьбы между участниками этого блока. Таким образом, подобные соглашения укрепляют стерлинговый блок. К этому, вопреки политике США, Англия действительно стремится после войны.

* * *

Взяв в начале 1948 г. последние доллары из американского займа, Англия тем самым исчерпала все свои права по Вашингтон-

---

[1] „The Times", 3/II 1948.

[2] В своих торгово-платежных соглашениях, заключенных в самом конце 1948 г. со Швецией и Норвегией, Англия добилась того, что обе стороны согласились временно отказаться (до 1950 г.) от права требовать уплаты золотом в случае накопления валютных обязательств и сверх установленного лимита.

скому соглашению, но *обязательства ее сохранились полностью*, до момента погашения ею этого займа с процентами, т. е. если Англия регулярно будет вносить платежи до... *начала 21-го столетия!*

В связи с исчерпанием американского займа и заключением в июле 1948 г. нового англо-американского соглашения о „помощи" по „плану Маршалла", нелишне поставить вопрос о том, каков же для Англии результат Вашингтонского финансового соглашения? Она истратила этот заем—в основном непроизводительно—на содержание огромных вооруженных сил, на поддержание обратимости фунта стерлингов, на покрытие дефицита, связанного с ввозом средств потребления из США, в небольшой части для накопления золотого запаса. Вместе с тем это соглашение нанесло серьезный ущерб британским интересам. Вопреки предположениям защитников Вашингтонского соглашения, оно не только не ослабило, а, наоборот, *обострило послевоенные экономические и финансовые затруднения Англии и ухудшило материальное положение английского народа:* продовольственное снабжение трудящегося населения, в особенности рабочего класса, стало значительно хуже после получения займа. Известный консервативный деятель Эмери заявил: „Суровые и ныне, несомненно, невыполнимые условия, которыми сопровождался американский заем Англии, являются лишь одним из ярких примеров политики усиленного давления, применяемого в отношении отдельных стран". Как выразилась одна английская газета, это соглашение являлось „экономическим Дюнкерком для Англии".

Что же касается США, то монополистический капитал этой страны, несомненно, выиграл от соглашения: предоставление Англии займа содействовало поддержанию на высоком уровне американского экспорта не только в Англию, но и в другие страны, которые воспользовались восстановлением обратимости стерлинга. Несомненно, что заем наряду с другими факторами—и прежде всего инфляцией внутри страны—содействовал росту цен в США, а следовательно, и прибылей монополий. В 1946 г. доход монополий после уплаты налогов составил 12,5 млрд. долл., а в 1947 г. он достиг 17 млрд. долл., т. е. прибыли выросли на одну треть. Мы видим, что одна лишь разница в прибылях за год составила 4,5 млрд. долл. Как известно, заем был предоставлен из средств казначейства, т. е. *за счет налогоплательщиков*, прибыли же попали *в карманы монополистов*. Поэтому для американских монополистов этот заем был отличным *бизнесом*: солидный доход и никакого расхода!

В то же время этот заем отнюдь не ослабил противоречий американского капитализма, противоречий мировой торговли и мирового капитализма в целом. Дело в том, что в результате долларового кризиса или „долларового голода" многие страны, стремясь к сохранению истощающегося запаса валюты, стали вводить различные торговые ограничения и запрещать импорт многих предметов роскоши и дорогостоящих товаров, которые они до этого импортировали из США. Так, в результате валютного кризиса в Англии Мексика, Бразилия, Уругвай, Аргентина, Эквадор, Перу и другие страны начали сокра-

щать свой импорт, что соответственно сократило и американский экспорт в эти страны.

Итак, англо-американские проекты послевоенного оздоровления денежных систем и расширения мировой торговли потерпели крушение. Вместо развития многосторонней торговли—возврат к двусторонним торговым соглашениям; вместо отмены валютных ограничений и установления свободной конвертабельности валют—новые валютные ограничения и двусторонние платежные и клиринговые соглашения.

5. Стерлинговый блок и проблема девальвации английского фунта стерлингов. Англо-американские противоречия по этому вопросу

Лейбористское правительство в вопросе о стерлинговом блоке и валютных соглашениях целиком и полностью следует сложившемуся после войны империалистическому курсу внешней политики Англии.

В своем выступлении в палате общин в сентябре 1948 г. министр торговли Англии Вильсон обратил внимание на заключение правительством 35 двусторонних соглашений и укрепление экономических связей между странами стерлингового блока.

Однако это не меняет того факта, что Англия, утратив ряд важнейших своих позиций в сфере международных экономических отношений и попав после войны в финансовую зависимость от США, уже не в состоянии играть былую роль в валютной сфере и диктовать свои торгово-политические и валютные требования другим странам. Об этом свидетельствует, например, девальвация французского франка в январе 1948 г., осуществленная по согласованию с США и вопреки протестам Англии. Эта девальвация нанесла ущерб Англии, так как улучшила позиции Франции как экспортера, ухудшив в то же время возможности экспорта Англии во Францию, а также легализовала неофициальную рыночную котировку стерлинга на парижской бирже. В результате того и другого создалась угроза девальвации фунта.

Французское правительство приняло кое-какие меры для успокоения капиталистических кругов Англии: фунт стерлингов не был допущен к вольной котировке в Париже, а в октябре 1948 г. официальный курс фунта в Париже был приведен в соответствие с его фиксированным паритетом к доллару. Однако эти меры могли лишь позолотить горькую пилюлю. На деле реформа была проведена вопреки интересам Англии и несмотря на возражения Криппса[1].

---

[1] Франция, со своей стороны, решительно парировала обвинения англичан. Так, агентство „Франс Пресс" передало статью Пертинакса, озаглавленную „Девальвация франка и недовольство англичан". Пертинакс писал, что английский министр финансов Стаффорд Криппс „в своих публичных и частных выступлениях не перестает сожалеть о французской валютной реформе". По утверждению Пертинакса, „... англичане отнюдь не имеют оснований становиться в позу критиков. Разве они давали возможность Франции защищать свои интересы, когда события вынуждали их принимать серьезные

Нет сомнения в том, что вследствие инфляции за период второй мировой войны и в послевоенные годы произошло серьезное понижение покупательной способности фунта стерлингов. Это обесценение английского фунта стерлингов вынужден был признать и Криппс. На сделанный по этому поводу запрос в палате общин Криппс ответил, что по сравнению с 1914 г. покупательная способность фунта стерлингов составляла[1]:

в 1939 г. 63%
в 1945 г. 42%
в июне 1948 г. 36%

Следовательно, даже по этой официозной оценке фунт в результате инфляции в период и после второй мировой войны потерял 43% своей довоенной ценности, т. е. обесценился почти вдвое. Снижение покупательной силы фунта особенно преуменьшено за послевоенный период: получается, что покупательная сила фунта с 1945 г. по июнь 1948 г. снизилась всего на 14,3%, хотя в действительности это снижение было много больше.

В 1948 г. на основании довольно широких операций по покупке-продаже золота на фунты и доллары на свободных рынках Дальнего и Среднего Востока косвенный курс (так называемый „кроссрейт") английского фунта стерлингов составлял не 4 долл., а 3 и даже 2,6 долл. за 1 ф. ст. А на денежном рынке в Париже курс фунта упал в апреле 1948 г. даже до 2,37 долл. за 1 ф. ст.[2].

Несмотря на то, что Криппс категорически опровергает слухи о девальвации фунта, имеют серьезные основания утверждения некоторых органов печати американских монополий о том, что английское правительство пойдет на эту меру. Это вытекает из того, что от лейбористского правительства нельзя ожидать ни проведения каких-либо серьезных мер для ликвидации последствий военной и послевоенной инфляции за счет буржуазии, ни изменения существующего курса внешней политики, при которой оно не в состоянии

валютные меры? Мы подходим здесь к довольно неприятной истории. 20 июля прошлого года, когда было объявлено о свободном конвертировании в доллары, британское казначейство просило Францию не использовать этой возможности и не обменивать находящиеся на ее счету 60 млн. ф. ст на 240 млн. долл. Эти 240 млн. долл. составляют почти всю сумму временной помощи Франции. Последняя дала свое согласие. Она не прибегла к обмену. Позднее она просила Лондон разрешить ей обменять 20 млн. ф. ст., т. е. треть своих авуаров в стерлингах. Разрешение было дано на конференции экспертов, происходившей в Париже, но эксперты попросили лишь отсрочить эту операцию на несколько дней. Они были вызваны в Лондон и быстро вернулись обратно. Однако тотчас по их возвращении конвертирование фунта в доллары было отменено. Французы остались в дураках.

Еще в сентябре 1931 г., когда фунт потерял треть своего золотого содержания, Франция не была ограждена от издержек, связанных с этим мероприятием. Сэр Стаффорд Криппс явно забыл прошлое. Если бы он имел хотя некоторую память, то он проявил бы себя менее строгим по отношению к Франции".

[1] „Nachrichten für Aussenhandel", 16/II 1949.

[2] „The Financial Times", 13/IV 1948.

противостоять давлению американских монополий, заинтересованных в девальвации фунта и других валют по следующим причинам.

Девальвация, как это можно видеть на примере Франции, позволит найти так называемую „реальную стоимость", т. е. свободную рыночную цену каждой валюты. В этих условиях США рассчитывают добиться ослабления, а в дальнейшем и полной отмены валютных ограничений якобы в „интересах развития мировой торговли", а на деле в целях возможно большего расширения американского экспорта.

В результате девальвации фунта американские капиталисты будут получать в обмен за доллары гораздо больше английской валюты, чем сейчас, что даст им возможность по дешевке скупать акции английских предприятий, недвижимость и пр. как в самой Англии, так и в ее колониях и доминионах. Следовательно, девальвация будет способствовать американскому экспорту капитала, чему финансовая олигархия США придает сейчас, в условиях развивающегося экономического кризиса, первостепенное значение.

Известное значение для США имеет и то обстоятельство, что в результате девальвации валют вообще и английского фунта стерлингов в частности и последующего за этим роста внутренних товарных цен повысится стоимость в национальных валютах поставок США по „плану Маршалла". А это будет означать соответственное увеличение того особого фонда в национальной валюте, который образуется от реализации среди населения поставок по „плану Маршалла" и использование которого допускается только с согласия правительства США. Следовательно, девальвация повысит возможности финансово-политического давления на „маршаллизированные страны" вообще и на Англию в частности.

С другой стороны, девальвация валют, несомненно, представляет серьезную опасность для США с точки зрения конкурентной борьбы американских монополий с монополиями других стран на мировом рынке. Однако эта опасность в большей или меньшей степени нейтрализуется наличием обеспеченного для США экспорта в виде товарных поставок по „плану Маршалла". Наконец, американские империалисты рассчитывают на то, что девальвация английского фунта стерлингов снизит в золотом выражении ценность иностранных инвестиций Англии и нанесет ущерб престижу английского фунта стерлингов, как международного платежного средства.

Полагая, что выгоды от девальвации значительно превысят возможные потери, правительство США, в лице министра финансов Снайдера, заявило еще в начале 1948 г. о необходимости девальвации английского фунта стерлингов и других валют.

В Англии, в противовес требованию монополистического капитала США девальвировать фунт стерлингов, было выдвинуто противоположное предложение – *повысить* курс фунта стерлингов по отношению к доллару. Предложение о так называемой „ревальвации" (в противоположность „девальвации") фунта стерлингов было выдвинуто финансистом Эйнцигом и видным английским буржуазным

теоретиком Хоутри[1]. Последний считает, что падение покупательной силы доллара при сохранении прежнего курсового отношения доллара и фунта в весьма значительной степени обусловливает современные трудности Англии в ее внешних платежах. Естественно, что стоимость импортируемых из США товаров в случае снижения курса доллара соответственно понизилась бы для Англии, что сократило бы расход валюты для оплаты импорта. Хоутри рекомендует отказаться вообще от поддержания фиксированного отношения между стерлингом и долларом. Аргументом в пользу этого предложения является не только и даже не столько желание улучшить условия внешней торговли для Англии, сколько стремление оградить английскую экономику от неизбежного экономического кризиса с его падением цен, ростом безработицы, обострением классовой борьбы. Понимая роль США как очага сильнейшего экономического кризиса, Хоутри опасается, что твердое курсовое соотношение доллара и фунта будет содействовать через валютный и ценовой механизм распространению кризиса на английскую экономику. Поэтому Хоутри предпочел бы взамен прочного валютного моста между Англией и США воздвигнуть своего рода валютную стену между ними, наивно рассчитывая таким путем спасти английскую экономику от кризиса.

Следует отметить, что Хоутри отражает настроения тех капиталистических кругов, которые опасаются превращения Англии в придаток американской экономики, имея в виду не только экономические, но и социально-политические последствия этого факта. Однако предложение Хоутри не имеет под собой почвы не только потому, что лейбористскому правительству не будет разрешено его старшим партнером осуществить эту акцию, оно нереально еще и потому, что противоречит фактическому положению фунта на валютном рынке. Как мы указывали выше, повсюду, где существуют свободные валютные рынки, фунт котируется в тех или иных размерах ниже его официального паритета с долларом.

Предложение Хоутри широко обсуждалось на страницах „Таймс". Некоторые поддерживали его, но авторы большинства опубликованных писем высказывались против, указывая на то, что установление свободного курса стерлингов подорвало бы к нему доверие и вызвало бы бегство от стерлинга к доллару в международных платежах. В то же время повышение курса фунта по отношению к доллару означало бы снижение цены золота (поскольку цена золота в долларах остается прежняя, т. е. 35 долл. за унцию золота), что „не отвечает интересам Южной Африки, Западной Африки, Австралии, Канады и — вне всякого сомнения — всего стерлингового блока в целом" [2]. Хоутри не учитывает, указывалось в другом письме, что английский экспорт уже начинает наталкиваться на растущие затруднения за океаном, что уже виден конец „рынка

[1] „The Times", 11/VI 1948.
[2] Письмо А. Н. Abbati в „The Times" от 16/VI 1948 г.

продавцов". Повышение же курса фунта ухудшит позицию Англии на мировом рынке [1].

Защищая предложение Хоутри, Фредерик Холзингер писал, что удешевление стоимости английского экспорта, как аргумент в пользу существующей политики, не выдерживает критики перед фактом непрерывно растущих цен за импортируемую Англией продукцию. Он считает, что курс фунта должен быть повышен и при этом значительно более того лимита, который допускается уставом Международного валютного фонда (т. е. 10%). Одновременно с повышением курса фунта надо поднять и ценность фунта в золоте, т. е. его золотое содержание. „Но чтобы этого добиться, надо восстановить золотой стандарт в модифицированном виде. Я согласен с тем, что золотой стандарт может быть восстановлен путем превращения фунта стерлингов, выраженного в золотых единицах, в валюту, обратимую в товары" [2]. Автор, таким образом, предлагает золотой стандарт *не только без золотого обращения, но даже и без обмена на слитки или иностранную валюту*. И это называется „модификацией" золотого стандарта. Он, конечно, хотел бы, чтобы стерлинг был золотой валютой. Однако Англия—это не США, где сконцентрировано более $^3/_4$ мировых запасов золота и где делались и делаются предложения восстановить золотой стандарт и реальное золотое обращение. В Англии же подобное предложение, по крайней мере в данный момент, звучало бы насмешкой. Зная, сколь неустойчиво состояние платежного баланса Англии и сколь мало золота и долларов в казначействе, английские капиталисты, вроде Холзингера, мечтают о такой устойчивой валюте для Англии, которая только *выражалась бы* в золотых единицах, но не обменивалась бы на золото и чтобы в то же время являлась устойчивым и монопольным средством международных расчетов. Ясно, что такая валюта очень мало общего имеет с действительным золотым стандартом, о восстановлении которого в Англии сейчас не может быть и речи [3].

Эта борьба различных точек зрения по основному вопросу валютной политики выражает различие интересов отдельных капиталистических группировок в Англии, с одной стороны, и англо-американские противоречия—с другой. Капиталисты, владеющие предприятиями, которые обслуживают внутренний рынок, заинтересованы в дешевом сырье и дешевом продовольствии и, следовательно, в высо-

---

[1] Письмо S. J. Langley в „The Times" от 16/VI 1948 г.

[2] „The Times", 15/VI 1948.

[3] Тем не менее с подобного рода бессмыслицей выступил некий Клиффорд Джонстон, который на страницах „Файненшл Таймс" предложил восстановить в Англии золотое обращение. Он рекомендует использовать существующий золотой запас Англии для чеканки золотых монет. „Все, что требуется,—это чеканить золотые соверены, чтобы стабилизировать мировые деньги как мерило стоимости товаров и услуг и как базу для торговых отношений". Это якобы позволит Англии восстановить ее прежнюю роль мировой расчетной палаты, через которую производились бы международные расчеты без использования золота, долларов и стерлингов („The Financial Times", 1/V 1948).

ком курсе фунта. В сохранении нынешнего курса фунта и в дальнейшем его повышении заинтересованы также владельцы денежных капиталов — все получающие твердый рентный доход и т. д. Эти группы хотели бы видеть стерлинг подлинно твердой золотой валютой, возможно более высокой ценности. Наоборот, капиталисты, инвестировавшие свои капиталы в отрасли, рассчитанные преимущественно на внешний рынок, в интересах увеличения своих прибылей и усиления своих конкурентных позиций на мировом рынке заинтересованы в низком курсе английского фунта стерлингов и не возражали бы против формальной его девальвации и т. д. Вот почему нет и не может быть у английских капиталистов единой позиции в этом вопросе.

Все же в Англии до последнего времени перевес имели противники девальвации фунта. Это до сих пор определяло позицию в этом вопросе лейбористского правительства и министра финансов Криппса. Лейбористское правительство исходит из того, что в современных условиях девальвация фунта вызовет рост стерлинговых цен на импортируемую продукцию (сырье, продовольствие), что приведет к удорожанию себестоимости производимых внутри страны товаров. В то же время рост цен на сырье и продовольствие неизбежно вызовет и рост стерлинговых цен на экспортируемую продукцию, который по некоторым товарам может даже перекрыть выгоду от снижения курса валюты. Наконец, важное значение для позиции лейбористского правительства в этом вопросе имеет также и соображение о престиже английского фунта стерлингов как валюты, являющейся международным платежным средством для значительного числа стран, входящих в стерлинговый блок.

В своем выступлении в Торговой палате Глазго в мае 1948 г. Криппс заявил что, хотя стерлинг не является валютой, обратимой в доллары, „...все же поддерживается достаточная степень обратимости стерлинга в другие валюты для того, чтобы стерлинг мог в настоящее время играть роль наиболее значительного фактора мировой торговли“ [1]. Понятно, что девальвация фунта будет означать частичное банкротство Англии, ибо пропорционально этой девальвации сократится в золотом или долларовом выражении стерлинговый долг Англии. Это может вызвать со стороны заинтересованных стран реакцию, которая окажет неблагоприятное влияние на позицию английского фунта и Лондона, как международного расчетного и торгового центра. С другой стороны, Англия и после второй мировой войны остается крупным кредитором-инвестором, а реальная стоимость стерлинговых платежей других стран Англии, естественно, снизится пропорционально понижению официального курса фунта.

Противоречия Англии и США в валютной сфере выражают более глубокие противоречия двух империалистических соперников, связан-

---

[1] „N. China Daily News“, 23/V 1948.

ные с борьбой за рынки сбыта, за сферы приложения капиталов и за источники важнейших видов сырья.

В результате разгрома стран фашистской оси главным конкурентом Англии на мировом рынке являются сейчас США. Последние, в частности, широко воспользовались ослаблением торговых связей между Англией и странами Ближнего Востока в период второй мировой войны для своей торговой экспансии в этих странах. Используя помощь по ленд-лизу Турции, Ирану, Саудовской Аравии и военно-монополистическую организацию снабжения этих стран, США крепко внедрились на их рынках. Установившиеся во время войны торговые и финансовые связи как в этих, так и в других странах США стремятся всячески укрепить и расширить после войны. Они создали специальную организацию для торговли с Ближним Востоком— „Миддл Ист Компани", которая помогает продвигать американские товары на эти рынки. Наличие у США больших возможностей предоставления кредитов значительно укрепляет их конкурентные позиции в борьбе с Англией за рынки сбыта вообще и, в частности, таких стран, как Египет, Ливан, Сирия, Ирак, Палестина.

Однако английские монополисты не сидят сложа руки. Они стараются использовать стерлинговый блок, двусторонние торговые соглашения, преференциальные тарифы и даже стерлинговую задолженность, чтобы затормозить и ослабить внешнеторговую экспансию США на тех рынках, где Англия издавна играла первенствующую роль. Применяемая Англией система „размораживания" стерлинговых авуаров путем погашения задолженности не валютой, но английскими товарными поставками является одним из важных козырей Англии в послевоенной борьбе с США за рынки сбыта. В связи с этим США, например, не удалось вытеснить Англию в Египте. Здесь Англии как раз помогло то обстоятельство, что она задолжала во время войны крупную сумму Египту по стерлинговым авуарам—свыше 300 млн. ф. ст. По договору с Англией о „размораживании" ее стерлинговых авуаров Египет вынужден был предоставить Англии серьезные торговые привилегии. Египет отменил все ограничения на ввоз товаров из Англии и из стран стерлингового блока, в то время как импорт товаров из США ограничен жесткими контингентами в связи с долларовым дефицитом.

Такого рода англо-американское торговое соперничество идет повсюду, хотя в различной степени и различных формах.

В последнее время, по заявлениям английской печати, в конкурентную борьбу на мировом рынке начинают вступать Германия и Япония. Германская конкуренция затрагивает интересы машиностроительной, автомобильной, химической и других отраслей английской промышленности. Текстильные предприятия Ланкашира вновь стали ощущать японскую конкуренцию. Германские экспортные цены на двигатели внутреннего сгорания на 50—60% ниже английских. Германский автомобиль типа „Фольксваген" продается на 100 ф. ст. дешевле английской малолитражной машины. Промышленные фирмы Западной Германии стали перехватывать у англичан

иностранные заказы. Так, например, одна из них взялась выполнить за 20 тыс. ф. ст. заказ индийского правительства на 400 микроскопов, за которые в Англии запросили 30 тыс. фунтов. В отраслях германской промышленности, конкурирующих с английской, господствуют американские монополии, которые тесно переплелись с германскими фирмами. Вот почему американские оккупационные власти в Германии отнюдь не склонны принимать каких-либо мер к ограждению интересов английских монополий. Об этом без излишних церемоний дал понять один из официальных представителей американских оккупационных властей—экономический советник Уилкинсон, который в своем интервью заявил: „Не следует принимать всерьез протесты английской прессы против якобы имеющего место немецкого демпинга. При дальнейшем росте немецкого экспорта такого рода протесты будут умножаться... Военная администрация не будет обращать никакого внимания на эти нападки... Американское правительство удовлетворено увеличением немецкого экспорта. Вместе с экспортно-импортным агентством военная администрация будет стремиться к дальнейшему повышению немецкого экспорта".

Таким образом, внешнеторговые интересы американо-германских фирм сталкиваются с интересами английских монополий.

В английской печати были опубликованы сообщения о том, что британские промышленники потребовали от лейбористского правительства действий в защиту английского экспорта от германского демпинга. Делегация промышленников-экспортеров, посетившая министра торговли Вильсона, указывала, что такие отрасли английской промышленности, как сельскохозяйственное и текстильное машиностроение, производство автомобилей, двигателей внутреннего сгорания, различных инструментов и научных приборов, остро страдают от конкуренции соответствующих отраслей промышленности Западной Германии. Вильсон подтвердил на пресс-конференции, что германская конкуренция действительно для Англии „становится серьезной проблемой" [1]. Однако английское правительство практически ничего не смогло добиться и вскоре же пошло на попятную. Американское правительство отвергло английские протесты, причем генерал Клей заявил, что германский демпинг выдуман Англией, так как германские товары экспортируются по ценам, которые определяются издержками производства. По заявлению Клея, Англия должна считаться с тем, что эта, по его мнению, нормальная конкуренция будет неизбежна и впредь, поскольку экспорт из Бизонии должен быть значительно увеличен и доведен до 2 млрд. долл. в год.

Не менее важное значение имеет англо-американское соперничество из-за источников сырья—таких, как нефть, каучук, олово, марганец и т. д.,—и за сферы приложения капитала. Эти два объекта борьбы тесно связаны между собой: для прочного овладения сырьевыми источниками недостаточны чисто торговые связи, необходимо вложение капиталов в предприятия по добыче тех или иных видов сырья.

[1] „Новое время" № 14, 1948 г., стр. 7.

В то же время расширение экспорта в ту или иную страну как в форме промышленного капитала, так и в форме денежного капитала (в том числе и в форме государственных займов), создает широкие возможности для получения монопольных или полумонопольных концессий в добывающей промышленности. В частности, в последнее время наиболее яркое переплетение этих двух сторон империалистической экспансии находит свое выражение в „плане Маршалла", о чем будет речь ниже.

Одним из наиболее важных объектов англо-американской борьбы за источники сырья является борьба за монопольное обладание нефтяными источниками Ближнего и Среднего Востока, где сконцентрировано около половины разведанных ресурсов нефти всего капиталистического мира (в 1947 г. добыча нефти в этих районах достигла 42 млн. тонн). Ослабление Англии в период второй мировой войны американский капитал широко использовал для подрыва ее нефтяной монополии на Ближнем Востоке. Американцы могли это делать открыто на законных основаниях в связи с тем, что в подписанной Англией в 1941 г. Атлантической хартии был декларирован принцип „свободного доступа" к мировым ресурсам сырья. За годы войны США значительно расширили площадь американских нефтяных концессий на Бахрейне и в Саудовской Аравии. Разработанное еще во время войны и подписанное в 1946 г. англо-американское нефтяное соглашение, как заявил бывший министр внутренних дел США Иккес, „... будет защищать интересы США в этих сказочно богатых районах и устранит те ограничения, которые в прошлом затрудняли здесь деятельность американцев". И, действительно, монополистический капитал США в послевоенные годы развернул активную борьбу за овладение нефтяными ресурсами Ближнего Востока. В первой половине 1948 г. доля США в добыче ближневосточной нефти (с учетом иранской нефти, передаваемой американцам) достигла 53%, а доля Англии упала до 45%, в то время как в 1938 г. доля английских компаний в этой добыче составляла 80%, а доля США—только 15%. Тем самым американский капитал уже добился *подрыва английской нефтяной монополии и ведет борьбу за дальнейшее вытеснение Англии и установление монополии американского капитала в добыче ближневосточной нефти.*

Борьба за нефть—это одновременно борьба и за важнейший источник сырья и за приложение капитала в определенных районах. В то же время расширение сферы приложения американского капитала и на Ближнем Востоке, и в Индии, и в Латинской Америке и т. д. ослабляет в этих странах империалистические позиции Англии вообще и ее торговые и валютно-финансовые позиции в частности.

Экспорт капитала американские монополии используют как важнейший инструмент своей империалистической экспансии во всех странах мира. Эта экспансия ныне распространяется и на такую страну, как Индия, которая издавна являлась монопольным объектом эксплоатации английского капитала. По линии чисто торговой возможности аме-

риканской экспансии в Индии в ближайшие годы являются весьма ограниченными ввиду того, что Англия привязала к себе Индию путем системы товарных поставок в порядке „размораживания" стерлинговых авуаров. Учитывая это обстоятельство, США особенно заботятся об экспорте капитала в Индию. Как сообщалось в печати, американский посол США в Индии Гендерсон, усиленно путешествуя по Индии, наряду с осмотром „достопримечательностей Индии" произносил речи, подготавливающие широкое проникновение американского капитала в Индию. „Американские фирмы,—заявил Гендерсон,—проявляют все возрастающий интерес к Индии как к сфере приложения капитала. Американское посольство уже сейчас имеет сведения о готовности ряда американских компаний вложить капитал в различные отрасли индийской экономики".

Американцы ведут также усиленные переговоры с Афганистаном о предоставлении концессий на разработку в Афганистане нефти, драгоценных металлов, а также хромовой руды. Эти переговоры вызвали сильное беспокойство в Лондоне. Предоставление концессий американским фирмам в Афганистане расценивается как прямое ущемление английских интересов, о чем английское правительство через своего посла в Кабуле довело до сведения афганских властей.

Американский монополистический капитал разработал и начал осуществлять обширную программу империалистической экспансии в колониальных и зависимых странах. Во многие страны, как, например, в Турцию, Индию, Иран, Перу, Колумбию, Либерию и др., были посланы американские миссии для „изучения" возможностей приложения американского капитала „во всех областях". Предоставление правительством США займов так называемым „экономически отсталым областям" будет использовано для постройки дорог, электростанций и создания других условий, при наличии которых „должна наступить главная стадия — экспорт частных капиталов". Этот колониальный бизнес, который в английской и французской печати именуется „новым планом Трумэна", естественно, представляет серьезную угрозу империалистическим интересам Англии и других колониальных держав—например Франции и Голландии.

Часть займов предназначена для того, чтобы гарантировать частным американским предпринимателям их вложения. Американские фирмы—„Дженераль Моторс", „Стандарт Ойл", „Юнион Карбид" и др.—предпринимают шаги для развития своих предприятий или непосредственно, или через существующие английские филиалы и объединенные компании.

В свою очередь и английский монополистический капитал стремится в противовес американским монополиям осуществлять свои собственные „планы развития колоний", разработанные лейбористским правительством. Заместитель председателя Исполкома Английской компартии Палм Датт на расширенном пленуме Исполкома партии в феврале 1949 г., охарактеризовав эти планы, указал, что таким способом Англия собирается получать большие дивиденды от эксплоатации каучуковых плантаций, медных и оловянных копей и нефтяных залежей в коло-

ниях. „Провал этих планов, — сказал Палм Датт, — неизбежен. Коммунисты должны разоблачать эти планы эксплоатации колоний. Они должны возродить антиимпериалистическую традицию рабочего движения. Империалистическая политика лежит в основе английского кризиса“ [1].

Расширение сферы приложения американского капитала, естественно, содействует укреплению и расширению позиций американского доллара в международном обороте в ущерб позициям английского фунта стерлингов. Страна, которая импортировала американские капиталы, безразлично, в какой форме—денежного или производительного капитала,—обязана ежегодно выплачивать *долларами* дивиденды, проценты и погашать долг по займам. Уже из одного этого факта вытекает, что доллар—даже независимо от торговых отношений данной страны—импортера капитала—становится для нее средством международных расчетов. В связи с этим страна, импортировавшая в больших размерах американский капитал, вынуждена целиком или в значительной степени ориентироваться в своей внешней торговле на доллар. Она должна иметь такой активный баланс, который дал бы положительное сальдо именно в долларах. А это означает неизбежно тенденцию ограничения международных позиций английского фунта стерлингов, ослабления стерлингового блока и сужения его сферы.

Валютная политика, с одной стороны, является *средством* империалистической борьбы за рынки сбыта, за источники сырья, за сферу приложения капитала. С другой стороны, последствия этой борьбы сказываются в валютной сфере, отражаются на положении валют в международном обороте. Эта взаимосвязь империалистической борьбы в сфере производства и торговли и такой же борьбы в валютной сфере очень ярко проявляется в изложенных выше фактах англо-американского экономического соперничества после второй мировой войны.

Связанное по рукам и ногам и политическими и экономическими обязательствами по отношению к США и отступая под напором США в решающих сферах экономического соперничества, лейбористское правительство в то же время пускает в ход рассчитанные на чисто внешний эффект трюки, направленные против золотой монополии США. Так, Бевин в одной своей речи на конгрессе тред-юнионов потребовал, чтобы США отдали большую часть своего золотого запаса другим странам мира. „Мы должны,—заявил Бевин,—установить баланс платежей по деловым операциям в мире или мир будет обречен на постоянный хаос“. Вспомнив, что открытие золотых рудников в свое время содействовало большому прогрессу, Бевин решил „открыть“ для мира американское золото и тем самым указать человечеству путь к прогрессу. Это „требование“ Бевина никто не принял всерьез . . .

---

[1] „Правда“ от 28/II 1949 г.

Американские газеты высмеяли его. Одна из газет заявила, что никто и никогда не позволит Бевину или кому-либо другому посягнуть на „священное право" Америки распоряжаться золотом, которое является ее собственностью [1].

Впрочем, Бевину надо было лишь произвести эффект, продемонстрировав перед профсоюзными массами свой мнимый радикализм. А американские дипломаты отлично поняли, что эти фантазии Бевина ровным счетом никакого отношения не имеют к его практической дипломатической деятельности, которая, как небо от земли, далека от радикализма, ибо она глубоко реакционна, будучи полностью подчинена целям англо-американского империалистического блока.

Американские империалисты рассматривают свой 24-миллиардный золотой запас, как одну из важных основ своей финансовой монополии и господства доллара над другими капиталистическими валютами, основу власти доллара. Стерлинг же, не обладающий такой базой, не должен претендовать, с их точки зрения, на роль „мировой валюты".

6. Англо-американское соглашение по „плану Маршалла" и его последствия для Англии

Уроки Вашингтонского финансового соглашения ничему не научили лейбористское правительство. „Уже попав в петлю финансовой зависимости от США, — сказал тов. Жданов, — лейбористское правительство Англии усмотрело для себя единственный выход в получении новых займов. Поэтому оно встретило „план Маршалла" как выход из создавшегося экономического тупика, как шанс на получение новых кредитов" [2].

3 апреля 1948 г. конгресс США принял закон об „Экономическом сотрудничестве" со странами — участницами „плана Маршалла". В качестве условия предоставления долларовой „помощи" были выдвинуты кабальные требования, служащие непосредственно экономической и политической экспансии США. Соглашение между лейбористским правительством и США было заключено 28 июня того же года, а 6 июля палата общин вслед за палатой лордов одобрила это соглашение. Фактически же ассигнования по оказанию „помощи" начались уже с начала апреля. Выбор сделан. Трудящимся Англии придется испить горькую чашу унижений, разочарований и, в конечном счете, новых материальных лишений и дальнейшего обнищания в связи с выполнением обязательств по „плану Маршалла".

„План Маршалла", осуществляемый под ширмой буржуазного космополитизма, рассчитан на подрыв национальной независимости

---

[1] „Chicago Daily Tribune", 5/IX 1947.

[2] Из доклада товарища А. Жданова „О международном положении". Информационное совещание представителей некоторых компартий, ОГИЗ, 1948, стр. 37.

маршаллизируемых стран. США стремятся использовать „план Маршалла", прикрытый фиговым листком космополитической проповеди, не только для порабощения и угнетения отсталых народов, но и против своего собственного партнера по империалистическому блоку—Англии.

На основании „плана Маршалла" США предоставили Англии на 1948/49 г.—частично в виде так называемого „дара" и частично в виде займа—1 263 млн. долл., вместо первоначально намечавшихся 2 630 млн. долл. Из ассигнованных с 1 апреля по 30 сентября 1948 г. 735 млн. долл. (184 млн. ф. ст.) 25%, т. е. 180 млн. долл., были предоставлены в виде займа из $2^1/_2$ проц. годовых (предыдущий американский заем Англии был предоставлен из 2%). Этот заем носит для Англии принудительный характер, так как поставки по „плану Маршалла" финансируются одновременно в определенной пропорции как в виде „дара", так и в виде займа.

Займы, предусмотренные „планом Маршалла", предоставляются через аппарат Экспортно-импортного банка США. В отношении Англии администрацией по осуществлению „плана Маршалла" и Экспортно-импортным банком было объявлено о предоставлении займа на период первых девяти месяцев действия „плана Маршалла". Эти кредиты были предназначены для финансирования закупок промышленного оборудования и сырых материалов. Не случайно, что как раз наиболее ценная часть поставок по „плану Маршалла" (например, промышленное оборудование) предоставляется не в порядке „помощи", а в порядке коммерческого займа через указанный выше банк, и, следовательно, с соответствующей банковской процедурой и контролем и с оплатой процентами.

Значительную часть всех поставок составили такие товары, в сбыте которых особенно заинтересованы американские монополии, как, например, табак, яичный порошок, сухое молоко, сухофрукты и пр. С другой стороны, США, заинтересованные в ослаблении конкурентоспособности Англии на мировом рынке, не удовлетворили заявку Англии на поставку стали, резко сократили поставки цветных металлов, а поставки крайне необходимого Англии оборудования сократили до 13% просимого. В общем и целом поставки оборудования рассчитаны на снабжение преимущественно тех отраслей промышленности, которые не конкурируют с США на мировом рынке, или отраслей, которые являются сферой приложения американского капитала. Потребности же фактических или хотя бы потенциальных конкурентов всемерно ущемляются. Таким образом, соглашение с точки зрения объема и ассортимента поставок в первую очередь учитывает торгово-политические интересы американских монополий. При этом в самом тексте англо-американского соглашения по „плану Маршалла" об обязательствах США в отношении Англии сказано (ст. I, § 1) лишь в самых общих выражениях, а именно, что в соответствии с предписаниями закона об экономическом сотрудничестве США будут оказывать помощь Соединенному Королевству. Но какую именно помощь, какими именно товарами, в какие сроки и на каких условиях,—все эти вопросы

решает *исключительно правительство США*, а английскому правительству предоставляется возможность довольствоваться тем, что оно получает.

По условиям Вашингтонского финансового соглашения англичане все же точно знали, за какую именно сумму они несут ущерб в своих делах. А ныне, не предъявляя никаких требований со своей стороны, они соглашаются на любую подачку, какую правительство США смилостивится им оказать. До такой степени унижения дошло лейбористское правительство!

По новому соглашению Англия берет на себя весьма серьезные и тяжелые обязательства. Они значительно более тяжелы, чем условия Вашингтонского финансового соглашения.

В отличие от этого последнего, на основе соглашения по „плану Маршалла" *США получают легальные возможности вмешиваться не только в сферу внешних экономических отношений, но и во внутренние экономические и политические дела Англии.*

Согласно ст. I соглашения английское правительство, используя помощь от США, обязуется само и в контакте с „Организацией европейского экономического сотрудничества" достигнуть такого положения в течение срока действия этой „помощи", чтобы страны, участвующие в „плане Маршалла", стали в результате его осуществления „независимыми от чрезвычайной экономической помощи извне".

Зачем правительству США понадобилось *обязывать* Англию и другие страны стремиться к тому, чтобы стать независимой от внешней помощи, т. е. освободиться от зависимости самих же США? Неужели каждое суверенное государство само не стремится к этой цели? Эта первая статья соглашения—сплошное лицемерие, ибо она нужна лишь *для маскировки действительных целей соглашения*, для того *чтобы оправдать этой мнимой целью то право вмешательства во внутренние экономические дела Англии, которое предоставляют США другие статьи соглашения.* Так, статья II обязывает английское правительство целесообразно использовать с максимальным эффектом для хозяйственного восстановления не только предоставляемые США товары и услуги, но и всякие вообще ресурсы, находящиеся в распоряжении английского правительства. Из соглашения вполне ясно, что если английское правительство обязано использовать ресурсы, то естественно, что другая сторона, т. е. США, должна судить о том, *какое использование ресурсов является целесообразным и какое нецелесообразным, какие внутренние экономические и политические условия способствуют эффективному использованию ресурсов и какие препятствуют.* Поскольку действует соглашение, правительство США *становится, следовательно, на законных основаниях в той или иной степени судьей в оценке действий английского правительства в экономических вопросах.*

Статья II в то же время расшифровывает те условия, которые должны, по мнению США, способствовать достижению указанной в статье I цели: „...правительство Англии должно сделать все от него зависящее, чтобы стабилизировать валюту, установить или поддержи-

вать твердый курс обмена валюты, сбалансировать свой государственный бюджет, создать или поддерживать внутреннюю финансовую стабильность и вообще восстановить или поддерживать доверие к своей денежной системе . . .“ [1].

Следует заметить, что в ходе переговоров, предшествовавших заключению соглашения, США требовали включения в соглашение пункта, дающего США право требовать пересмотра валютных курсов. Это, в сущности, означало бы право непосредственного контроля США за валютной политикой английского правительства и всей стерлинговой зоны. Далее известно, что США требовали также принятия английским правительством конкретных обязательств по линии снижения таможенных тарифов и т. п. Однако в дальнейшем правительство США согласилось с тем, что нецелесообразно формулировать указанные обязательства в области валютной и внешнеторговой политики в такой откровенной форме. Это могло бы вызвать сильную оппозицию „плану Маршалла“ и поставить под угрозу ратификацию соглашения. Поэтому решено было *те же обязательства сформулировать более расплывчато, в более общей форме.* Практически же США, на основе общего характера обязательств Англии, предусмотренных статьей II, и под угрозой использования *права расторжения соглашения*, имеют полную возможность достигнуть *тех целей, которые выше были указаны.* Еще до подписания соглашения, указывая на возможность такого дипломатического хода, а именно исключения указанных выше конкретных условий из текста соглашения, „Файненшл Таймс“ писала:

„Это, впрочем, вовсе не означает, что на практике помощь по „плану Маршалла“ не будет связана с условиями. Даже при полном отсутствии упоминания об условиях в законе об оказании помощи иностранным государствам, в заявочном письме или в двустороннем соглашении Вашингтон может оказать давление на Лондон, так как фактическое осуществление программы европейского восстановления остается в руках администратора“.

Соглашение накладывает на Англию определенные, принципиального характера обязательства. Статья II соглашения обязывает Англию сотрудничать со странами—участницами „плана Маршалла“ в целях развития торговли и снижения таможенных барьеров. Англия обязуется отказаться от такой коммерческой практики или таких международных соглашений, которые ограничивали бы конкуренцию и доступ к рынкам, а также производство товаров и т. п. И этот 2-й параграф статьи II, не накладывая на Англию конкретных обязательств по линии таможенной и вообще внешнеторговой политики, в то же время открывает широкие возможности для правительства и монополистического капитала США, под угрозой прекращения „помощи“, вмешиваться в экономическую политику английского правительства по перечисленным вопросам.

---

[1] „The Times“, 30/VI 1948.

Важное значение имеет также статья V соглашения, согласно которой Англия обязана устранить препятствия для передачи США необходимых ей материалов, а также принять необходимые меры для увеличения производства этих материалов. Американские монополии получают равные с английскими капиталистами права и возможности эксплоатации природных ресурсов как в самой Англии, так и в ее колониях. „Равные права" на деле, пока действует соглашение, будут фактически означать *приоритет* американских монополий в закупке сырьевых ресурсов и в их разработке.

Тем самым соглашение открывает широкие возможности для внедрения американского капитала в экономику Англии и ее колоний. Этот, а также и другие пункты соглашения существенно затрагивают интересы английских колоний, у которых, однако, не спросили мнения об этом соглашении. В связи с этим правительство США в ноте, приложенной к соглашению, предупреждает правительство Англии, что если оно не сумеет побудить наиболее важные из ее колоний присоединиться к соглашению и выполнить все его обязательства, то правительство США может изменить форму или непрерывность оказываемой Соединенному Королевству помощи на основе соглашения.

Статья V соглашения уже дала свои плоды: Англия по требованию США приступила к поставкам в США важнейших стратегических материалов, как, например, каучука и марганца, из своих колоний. В области овладения сырьевыми ресурсами Великобритании ожидаются далеко идущие действия правительства и монополий США. Так, во время переговоров в прошлом году было решено, что американские эксперты совершенно самостоятельно проведут переоценку ресурсов английских колоний. Эти „исследования" будут иметь двойную цель: во-первых, дать точную оценку сырьевых запасов Англии в Африке и Юго-восточной Азии, которые могут быть вывезены оттуда в период выполнения „плана Маршалла", и, во-вторых, послужить руководством для американских фирм, намеревающихся вложить свои капиталы в английские колонии. Американские эксперты настаивают на ускорении вывоза каучука из Малайи и увеличении добычи меди, цинка и свинца в Северной Родезии.

Наконец, возможности для вмешательства правительства США в английские дела связаны с созданием в Англии крупного стерлингового фонда, образуемого за счет выручки от продажи товаров, поступающих в порядке американской „помощи" (статья 4). 5% этих средств США будут использовать для покрытия своих затрат, связанных с административными расходами по оказанию „помощи", с оплатой необходимого США сырья и пр. Остальные средства этого фонда могут расходоваться английским правительством на такие, например, цели, как погашение текущего долга. Однако ни один фунт из этого фонда не может быть израсходован без согласия правительства США.

В сущности все это означает, что Англия обязана за эту „помощь" расплачиваться *суверенитетом своей страны* — выполнением требо-

ваний США в области общей и экономической политики. Ведь США имеют право по истечении трех месяцев со дня извещения *односторонне расторгнуть соглашение* по мотивам изменения „предпосылок", которые были положены в основу соглашения. Следовательно, над правительством Англии, как и любой другой „маршаллизированной" страны, всегда будет висеть угроза прекращения поставок по „плану Маршалла" в случае, если оно чем-либо не угодит правительству США. А указанный выше специальный счет в стерлингах в Английском банке, образуемый, согласно статье IV, в дополнение к прочим статьям, может служить для повседневного и, так сказать, „оперативного" финансово-политического воздействия правительства США на английское правительство.

Другие статьи соглашения предусматривают предоставление правительству США ежеквартальных сведений об использовании средств, товаров и услуг, полученных от США на основе соглашения, информации о состоянии английской экономики и любой иной информации, какая может потребоваться правительству США. Англия обязуется принять специальную миссию по проведению „плана Маршалла" на правах посольства США.

Наконец, в приложенных к соглашению нотах Англия обязуется распространить режим наибольшего благоприятствования на торговлю с Западной Германией. Это обязательство наносит явный ущерб английским интересам: американский монополистический капитал, который сейчас командует в Западной Германии, создавая тем самым экономическую и военную базу для своей экспансии в Европе, благодаря такому режиму приобретает благоприятные условия для возрождения экспорта многих германских изделий, конкурирующих с английскими изделиями, о чем уже была речь выше. Вообще „план Маршалла", обеспечивая американским монополиям сбыт своей продукции на европейские рынки, соответственно сокращает возможности экспорта английской продукции на европейские рынки, которые очень важны для Англии. Таким образом, можно сказать, что *„план Маршалла" штопает дыру в платежном балансе Англии таким способом, который порождает еще большие дыры в нем.* Интересно, что даже по исчислению администрации, осуществляющей все операции по „плану Маршалла", Англия будет иметь, несмотря на американскую „помощь", весьма крупный дефицит платежного баланса со странами Западного полушария. Предполагаемые поставки по „плану Маршалла" не ликвидируют этого дефицита. А это, естественно, повлечет за собой сокращение и без того скромного золото-валютного запаса Англии. Таким образом, и сам Гофман — администратор по осуществлению „плана Маршалла" — не сулит Англии никаких радужных перспектив.

Получая от США на столь тяжелых условиях „помощь", Англия, в свою очередь, под нажимом США должна сама предоставить кредиты в форме некомпенсированного экспорта Франции, Австрии, Бизонии и другим странам, участвующим в „плане Маршалла", на сумму 70,5 млн. ф. ст., или 282 млн. долл., что составляет около

1/4 всех ассигнований Англии по „плану Маршалла". Эту часть „помощи" сама Англия фактически не получает, а поэтому она именуется „условной помощью".

Таким образом, из 1 263 млн. долл. „помощи" и займов, ассигнованных Англии по „плану Маршалла", в первом году его проведения весьма значительная ее часть уплывает от Англии к другим странам. Если исключить те суммы американской „помощи", по которым Англия выступает лишь передаточным звеном, то чисто финансовая эффективность „плана Маршалла" окажется для Англии весьма и весьма скромной. Обязательства же весьма опасны для будущего этой страны.

В конце сентября 1947 г. на совещании некоторых компартий в Польше товарищ Жданов указал: „Существо туманных, нарочито завуалированных формулировок „плана Маршалла" состоит в том, чтобы сколотить блок государств, связанных обязательствами в отношении США, и предоставить американские кредиты как плату за отказ европейских государств от экономической, а затем и от политической самостоятельности. При этом основой „плана Маршалла" является восстановление контролируемых американскими монополиями промышленных районов Западной Германии" [1]. Цели, которые были скрыты за туманными формулировками, теперь выражены в несколько завуалированной форме в заключенных соглашениях по „плану Маршалла". Практика же осуществления этих соглашений и различные, сопутствующие ей политические и военные мероприятия полностью разоблачают истинные цели „плана Маршалла".

Признание широкой возможности контроля США над Англией через механизм „плана Маршалла" мы находим в документе, который группа членов английского парламента внесла в качестве поправки к правительственной резолюции, одобряющей соглашение. Члены парламента предлагают английскому правительству „договориться об устранении условий, которые могут привести к иностранному контролю над внутренними финансовыми делами Англии и к проникновению иностранных интересов в ее колонии, а также могут нанести ущерб Британскому содружеству наций".

Следует иметь в виду, что обязательства по „плану Маршалла" Англия принимает на себя *не вместо, а наряду и в дополнение к тем обязательствам, которые она приняла на себя на основании условий Вашингтонского финансового соглашения.*

Но, несмотря на всю серьезность и тяжесть для Англии обязательств, связанных с указанными соглашениями, самое главное обязательство, которое Англия приняла на себя, не записано в них. *Это — обязательство превращения Англии и всей Британской империи в плацдарм не только для экономической, но и для военной агрессии американского империализма в Европе и во всем мире.* По сути дела, как американский заем Англии, предоставленный на основе

---

[1] Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 г., стр. 36.

Вашингтонского финансового соглашения, так и „помощь", которую США ныне предоставляют европейским странам по „плану Маршалла", „... свидетельствуют о стремлении американского империализма использовать послевоенные трудности некоторых государств, навязать им свою волю под флагом непрошенного американского руководства и проложить дорогу к мировому господству Соединенных Штатов Америки" [1].

„План Маршалла", несомненно, приносит ущерб империалистическим позициям Англии. Вот почему и в капиталистических кругах Англии существует оппозиция к внешней политике, проводимой лейбористским правительством и поддерживаемой консерваторами. Так, газета „Санди Экспресс" в связи с обсуждением соглашения по „плану Маршалла" в палате общин писала: „Целью „плана Маршалла" является приспособление к американской торговой политике, а не к политике Британской империи". Автор статьи задает вопрос: будет ли, например, разрешено Англии получить табак из Южной Родезии, если это больше соответствует ее интересам, а не получать его из Америки, сможет ли Англия получить кофе из Кении, когда оно имеется в наличии в Бразилии, и мясо из Австралии и Новой Зеландии, когда у Аргентины имеются излишки мяса? „Соглашение,— писала газета,—широко открывает двери империи перед американскими торговыми интересами".

Консервативная газета „Дейли Экспресс" в редакционной статье указывала, что одобрение англо-американского соглашения основывается на ошибочном представлении, будто английская торговля страдает временной болезнью, которая может быть излечена с помощью „плана Маршалла". „Эта помощь плоха для Англии потому,—пишет газета,—что она не ликвидирует ни одной из причин затруднений Англии; она оттягивает срок проведения неизбежных реформ, она рисует неправильную картину существующего положения; она привела к росту американских цен, что еще больше затрудняет для Англии восстановление своего торгового баланса" [2].

Американские империалисты тем сильнее усиливают свою экспансию, чем более суживается внешний рынок, пытаясь, как выразился бывший республиканский кандидат в президенты Дьюи, „загнать" Великобританию в „западноевропейское единство", чтобы таким образом захватить ее позиции на мировом и имперском рынке и лишить опоры в конкурентной борьбе на европейском континенте. Вот почему и среди отдельных консерваторов можно слышать возражения против этой политики. При обсуждении проекта соглашения в палате общин пять консерваторов внесли поправку к резолюции о том, что „палата общин все же не может согласиться на условия, которые ведут к ослаблению имперских связей и к лишению Бри-

---

[1] В. М. Молотов, Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции.

[2] „Правда" от 4/VII 1948 г.

танского содружества наций инициативы и ответственности за свое собственное развитие“ [1].

Противником нынешнего внешнеполитического курса является лорд Бивербрук, газетный магнат, всегда выступавший против зависимости от США, которая является неизбежным следствием американской „помощи“, поддерживаемой консерваторами. В знак протеста против этой политики лорд Бивербрук вышел из консервативной партии.

Английские империалисты пытаются чем-либо компенсировать ущерб, наносимый им „планом Маршалла“. С этой точки зрения представляет интерес соглашение о стерлинговых авуарах Индии, подписанное 8 июля 1948 г. Этим соглашением Индии предоставляется возможность приобретать за счет своих стерлинговых авуаров английские товары на сумму 140 млн. ф. ст. в течение трех лет. Политика Англии заключается в том, чтобы использовать погашение части своей задолженности Индии для усиления и расширения своих позиций во внешней торговле Индии в ущерб интересам США. С этим, очевидно, связано то, что, согласно указанному соглашению, Англия согласилась выдать Индии за счет стерлинговых авуаров совершенно ничтожную сумму из имперского долларового фонда, а именно 15 млн. ф. ст., что составляет лишь $9^1/_2$ проц. всей суммы размороженных по этому соглашению индийских активов в Англии.

Заключение нового англо-американского соглашения по „плану Маршалла“ говорит *о все большем подчинении Англии экономическим и политическим требованиям США*. Заключаемые Англией с США договоры не укрепляют, а ослабляют международные позиции Англии. „Американский экспансионистский курс исходит из того, что следует не только не выпускать Англию из экономических тисков зависимости от США, которая установилась во время войны, а, наоборот, усиливать нажим на Англию с тем, чтобы постепенно отобрать у нее контроль над колониями, вытеснить Англию из ее сфер влияния и низвести на положение вассальной державы“ [2].

Эту цель преследует и англо-американское соглашение по „плану Маршалла“, которое представляет собой крупный шаг на пути превращения Англии в вассальную державу. Оно наносит огромный ущерб английскому народу, ухудшает положение рабочего класса.

Передовые слои английской интеллигенции еще до обсуждения в парламенте проекта соглашения по „плану Маршалла“ подняли голос протеста против него, а следовательно, против внутренней и внешней политики правительства. Так, на состоявшейся в начале мая 1948 г. ежегодной конференции Ассоциации научных работников, представляющей 18 500 научных работников, председатель конфе-

---

[1] „Правда“ от 7/VII 1948 г.

[2] Из доклада товарища А. Жданова „О международном положении“. Информационное совещание представителей некоторых компартий, ОГИЗ, 1948, стр. 19—20.

ренции профессор Бернал резко критиковал экономическую политику правительства. „Вся эта экономическая политика,—сказал Бернал,—тесно связана с внешней политикой, основанной на „плане Маршалла", доктрине Трумэна и холодной войне против Советского Союза".

Участники конференции приняли резолюцию, в которой говорится, что „условия плана Маршалла помешают научному и промышленному прогрессу в Англии и подорвут национальную независимость Англии"[1].

Против „плана Маршалла" резко выступает группа левых лейбористов. Так, независимый лейборист Плэттс-Миллс при обсуждении в палате общин соглашения по „плану Маршалла" заявил: „Это не соглашение об экономическом сотрудничестве, а соглашение об экономическом удушении Англии. Если мы примем эти условия, мы тем самым откажемся от своей коммерческой независимости, откажемся от последних остатков политической свободы и в конечном счете сведем Англию на положение колонии, на уровень самой бедной из 16 европейских стран. Помощь „по плану Маршалла" не излечит ни одной из наших экономических язв, она только воспалит и обострит их. Соглашение абсолютно односторонне... Тот факт, что лейбористская партия надеется построить социализм на базе капитуляции перед самыми безжалостными и мощными, жестокими и хищными капиталистическими силами, которые когда-либо существовали в истории,—самый печальный пример нарушения ею своих обещаний"[2].

При обсуждении в палате общин условий соглашения по „плану Маршалла" лейборист Норман Смит назвал эти условия „суровыми и бессовестными", а касаясь требования балансирования английского бюджета, он заявил: „Это грубое вмешательство в наши внутренние дела и в наше право контролировать свои собственные финансы".

Притт и Плэттс-Миллс внесли в палату общин резолюцию, требующую отклонения помощи по „плану Маршалла". Вместе с тем резолюция предлагала „начать торговые переговоры на широкой основе с Советским Союзом и со странами Восточной Европы, чтобы избежать угрозы изоляции Англии и уменьшить ее зависимость от США, ослабить влияние на Англию экономического кризиса в Америке и укрепить положение Англии в ее отношениях с США"[3].

Английская компартия настойчиво и убедительно доказывает трудящимся, что „план Маршалла"—империалистический по своему содержанию. Он направлен против СССР и стран народной демократии, и одной из его целей является принудить западноевропейские страны прекратить торговые связи Англии с СССР и странами Восточной Европы, втиснуть Англию в рамки системы европейских денежных расчетов, при которой Англии придется бесплатно экспор-

---

[1] Сообщение ТАСС, „Правда" от 2/V 1948 г.
[2] „Правда" от 7/VII 1948 г.
[3] „Правда" от 3/VII 1948 г.

тировать в Европу товары стоимостью почти в половину долларовой помощи и обеспечить американцам доступ на колониальные рынки. Как заявляет Исполком английской компартии, „план Маршалла" „означает еще бо́льшие, ослабляющие нас военные расходы в интересах американского наступления против социалистического Советского Союза и европейских стран, идущих к социализму" [1].

Каковы же результаты „плана Маршалла" на практике в первом году его осуществления? Облегчили ли доллары, уже полученные по „плану Маршалла", экономическое положение Англии и улучшили ли они ее финансовое положение? В 1948 г. стоимость английского импорта (главным образом сырья и продовольствия) составила 2 079 млн. ф. ст., что более чем вдвое превышает стоимость импорта 1938 г., в то время как по своему физическому объему импорт 1948 г. составил лишь 78% импорта 1938 г.[2]. При этом значительное сокращение физического объема импорта произошло как раз после того, как начались поставки по „плану Маршалла". Это связано с тем, что фактически „план Маршалла" накладывает вето на развитие торговых связей Англии со странами Восточной Европы, которые являются для Англии жизненно важными, в особенности в современных условиях глубокого кризиса ее платежного баланса. В „Обзоре текущих инфляционных и дефляционных тенденций", изданном Экономическим отделом ООН в 1947 г., указывалось, что единственным выходом для Англии является серьезное расширение ее торговых связей с „недолларовой зоной" [3]. А самой важной для Англии „недолларовой зоной" являются страны Восточной Европы. Между тем под давлением США создан англо-американский комитет для контроля над английским экспортом в СССР и страны Восточной Европы. „Этот комитет,—заявил Солли в палате общин,—заносит в черный список те товары, которые, по его мнению, не должны отправляться на Восток. Это делается в соответствии с разделом 17 американского закона об оказании помощи иностранным государствам, якобы по соображениям безопасности. Позор, что другая страна имеет возможность диктовать Англии, какой характер должна иметь ее торговля с Восточной Европой или Советским Союзом".

Солли привел выдержку из заявления польского правительства, в которой говорится, что, согласно закону об оказании помощи иностранным государствам, Америка не дала Польше возможности закупить хлопок, искусственный шелк, конденсаторы, радиоаппаратуру, шариковые подшипники и другие товары. Солли отметил, что из доклада Экономической комиссии ООН для Европы явствует, что если торговля между Востоком и Западом не увеличится в 5 раз

---

[1] „Правда" от 2/X 1948 г.

[2] Board of Trade Journal от 5/II 1949.

[3] „Соединенное Королевство может, таким образом, разрешить свою проблему дефицита платежного баланса путем сокращения своего импорта из долларовой зоны и путем установления более тесных торговых связей с недолларовой зоной, чтобы получить дополнительные массы продовольствия и сырых материалов в обмен на ее промышленные товары" (Survey of Current Inflationary and Deflationary Tendencies, New York, Sept. 1947, p. 34).

к тому времени, когда прекратится помощь по „плану Маршалла", то Европа столкнется с фактом существенного снижения уровня жизни.

Импорт зерновых из Восточной Европы в страны Западной Европы, составлявший до войны 20% общего импорта зерновых в эти страны, после войны упал до 2%, а импорт леса соответственно сократился с 77 до 44% к концу 1948 г.[1].

Таким образом, „план Маршалла" лишает Англию возможности покрывать бо́льшую долю своей потребности в продовольствии и сырье без затраты валюты путем товарного обмена с СССР и странами народной демократии. Доля указанных стран во внешнеторговом обороте Англии в 1948 г. была вдвое ниже, чем в 1938 г., между тем как послевоенные условия диктовали для Англии необходимость резкого повышения этой доли. Испытывая долларовый дефицит, Англия может получать продовольствие из Западного полушария лишь в весьма ограниченных размерах. Отсюда—неизбежное сокращение импорта, что не могло не отразиться как на продовольственном положении трудящихся Англии, так и на работе промышленности. В частности, с конца ноября 1948 г. была вдвое сокращена и без того крайне низкая норма выдачи бэкона.

Однако даже при сократившемся объеме импорта долларовый дефицит за весь 1948 г. все еще составлял колоссальную сумму—423 млн. ф. ст. Несмотря на нагромождение внешних долгов в результате вновь полученных Англией в 1948 г. кредитов от Канады, США, Южной Африки и Международного валютного фонда и несмотря на так называемую „помощь" по „плану Маршалла", Англии не удалось в 1948 г. приостановить утечку своих долларовых и золотых резервов.

„План Маршалла" оказал отрицательное влияние на английскую промышленность; в частности, он привел, в интересах американских пароходных и судостроительных монополий, к свертыванию английской судостроительной промышленности и увольнению рабочих судостроительных верфей. С июля 1948 г. до середины 1949 г. общее водоизмещение судов, строящихся на английских верфях, сократилось на 200 тыс. тонн.

С момента введения „плана Маршалла" английская промышленность топчется на месте. Сошлемся на обзор „Основные экономические изменения в 1948 г.", составленный отделом по экономическим вопросам ООН. В нем Англия отнесена к разряду стран (наряду с Бельгией, Голландией, Данией, Норвегией и Швецией), которые в 1948 г. „поддерживали производство лишь на уровне последнего квартала 1947 г. или на немного более высоком уровне"[2].

При таком состоянии производства сокращение дефицита платежного баланса в 1948 г. могло быть достигнуто лишь путем дальнейшего ограничения потребностей страны, в результате еще большего форсирования экспорта и ограничения импорта. В 1948 г. физи-

---

[1] „Правда" от 18/XII 1948 г.
[2] Сообщение ТАСС, „Правда" от 22/II 1949 г.

ческий объем британского экспорта достиг 132% к уровню 1938 г., в то время как физический объем импорта составлял только 78% того же уровня, и тем не менее дефицит платежного баланса в 1948 г. был значительно больше дефицита 1938 г. Такие изменения в состоянии экспорта и импорта по сравнению с довоенным временем очень дорого обходятся английскому народу. В марте 1949 г. вновь на $^1/_5$ была сокращена и без того крайне низкая норма выдачи мяса. В бурных прениях по продовольственному вопросу, происходивших в английской палате общин 6 апреля этого года, обнаружилось, сколь серьезно страдают народные массы Англии от проводимой лейбористским правительством политики маршаллизации страны, и, в частности, указывалось, что нормы отпуска мяса сейчас в Англии ниже, чем во время войны, и что нет перспектив на улучшение. Между тем путем расширения торговли со странами Восточной Европы без всякой затраты долларов или золота и без заключения дорогостоящих займов Англия могла бы серьезно улучшить снабжение населения. Как указывала газета „Пипл", в результате закрытия для Англии восточноевропейских рынков англичане вынуждены „ехать в Америку и платить за те же товары долларами. В связи с этим создается уродливое положение...".

В целях экономии валюты Англия побуждает также и страны Британской империи ограничивать свое потребление. Уменьшение дефицита платежного баланса Англии следует приписать не только росту экспорта, но, как деликатно выразилась швейцарская газета, также „строгим самоограничениям и дисциплине Британской империи, особенно со стороны Австралии, Новой Зеландии и Индии" [1]. Еще бы не „самоограничиваться"(!) этим странам, получающим от Англии весьма и весьма жесткий „валютный паек" из долларового фонда.

Итак, действительной экономической помощи от „плана Маршалла" английский народ не получил: экономическое положение трудящихся этой страны в результате американской „помощи" еще более ухудшилось.

Не менее печальны для английского народа политические последствия „плана Маршалла".

В ряде случаев американское правительство прямо диктует свою волю английскому правительству. Так было, например, с созданием смешанного Англо-американского индустриального совета. Этот Совет под предлогом обмена опытом и оказания технической помощи предоставляет правительству США легальную возможность получать необходимую информацию о состоянии английской промышленности, позволяет вмешиваться в ее дела и оказывать давление на промышленную политику английского правительства. Криппс в переговорах с Гофманом пытался вначале отклонить это предложение американского правительства. Однако Гофман пригрозил, что отказ Криппса вызовет немедленное прекращение американской помощи Англии, и дал ему понять, что без этой помощи лейбористское правительство не смогло

[1] „Neue Zürcher Zeitung", 13/X 1948.

бы долго продержаться у власти. После консультаций с различными английскими министерствами Криппс согласился с требованием Гофмана, попросив его лишь представить англичанам большинство мест в смешанном Англо-американском совете. Однако Гофман отклонил эту просьбу, заявив при этом, что возможные разногласия внутри этого Совета должны разрешаться Администрацией по осуществлению „плана Маршалла“ [1], т. е. США. Криппс был вынужден согласиться с этим требованием.

Лейбористское правительство уже фактически находится в политической зависимости от США. Все наиболее важные решения предварительно согласовываются с правительством США: „Бевин публично подчиняется приказам американцев на международных конференциях . . . Речи Бевина передаются на рассмотрение Маршалла, прежде чем он их произносит в палате общин. Такое положение создалось впервые в истории Англии. Наш кабинет не принимает ни одного важного решения в области внутренней и внешней политики без предварительного одобрения его Соединенными Штатами“ [2].

В своем докладе о 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции товарищ Молотов сказал: „Если послушать некоторых английских или французских государственных деятелей, то без американских кредитов по „плану Маршалла“ будто бы невозможно обеспечить экономическое восстановление стран Европы. Однако американские доллары, которые в этом году потекли в карманы европейских капиталистов по кредитному плану США, не дали настоящего подъема промышленности в странах капиталистической Европы. Они и не могут дать этого подъема, так как американские кредиты предназначены не для того, чтобы восстанавливать и поднимать конкурирующую с Соединенными Штатами Америки промышленность европейских государств, а для того, чтобы обеспечить более широкий сбыт американских товаров в Европе и чтобы поставить эти государства в экономическую и политическую зависимость от господствующих в Соединенных Штатах капиталистических монополий и их агрессивных планов, не считаясь с интересами самих народов Европы“ [3].

Так называемый „четырехлетний план“, представленный лейбористским правительством в „Организацию европейского экономического сотрудничества“ и опубликованный в Англии в виде Белой книги в конце декабря прошлого года, рассчитан на такое увеличение промышленной продукции, которое даст возможность расширить экспорт до 150% к довоенному уровню. На этой основе правительство рассчитывает в результате выполнения этого „плана“ ликвидировать полностью дефицит платежного баланса и даже получить некоторую сумму чистых излишков в размере 100 млн. ф. ст.

Для трудящихся масс этот „план“ не сулит ничего хорошего,

---

[1] „Правда“ от 26/VIII 1948 г.

[2] Из выступления Плэтте-Миллса в лейбористском клубе Оксфордского университета 12 ноября 1948 г.

[3] „Правда“ от 7/XI 1948 г.

ибо прямо подчеркивается, что его „первой целью" не является увеличение потребления в стране, что такая цель может быть поставлена лишь после уничтожения дефицита в платежном балансе.

Общий объем импорта будет и в 1952/53 г. таким же, как и в 1948/49 г., и все же на 15% меньше, чем в 1938 г. Характерно, что, как указывается в этом документе, предусматриваемое „планом" увеличение доходов по платежному балансу от судоходства, страховых компаний и капиталовложений за границей „... будет в значительной степени сведено на-нет платежами по долговым обязательствам американского и канадского займов". Следовательно, *правительство вынуждено признать, что „невидимый экспорт", который всегда являлся главной опорой английского платежного баланса, не может в перспективе ничего дать Англии по причине той долговой кабалы, в которой оказалась Англия в результате Вашингтонского финансового соглашения, плоды которого еще многие годы будет пожинать английский народ.*

Четырехлетняя программа предусматривает лишь незначительное увеличение потребления в Англии по сравнению с 1947 г. Но и эта перспектива оказывается весьма проблематичной, поскольку вообще „достижения (?), предусматриваемые программой, будут зависеть от полного сотрудничества с другими странами в Западной Европе и от финансовой устойчивости".

И буржуазная печать Англии признает, что „четырехлетний план" не сулит значительного улучшения экономического положения Англии, особенно в области продовольствия: „Если объем продукции,—пишет „Файненшл Таймс",—не будет повышен настолько, что она сможет заменить товары, поступающие по „плану Маршалла", к тому времени, когда действие его закончится, то не может быть и речи о повышении жизненного уровня. Вопрос будет заключаться в том, каким образом избежать дальнейшего упадка". Газета „Дейли Мейл" считает новый план „суровой и мрачной программой". А газета „Манчестер Гардиан" утверждает, что „избежать нужды в помощи после 1952 г. можно только путем введения различного рода ограничений внутри страны". Что и говорить, радостная перспектива для всех тех, кто и сейчас испытывает тяжелые лишения от этих ограничений!

Коммунистическая „Дейли Уоркер" характеризует эту программу как „четырехлетний план сохранения власти правящего класса и укрепления капитализма за счет трудящихся".

Эта программа, заявляет газета, не имеет ничего общего с действительным планированием, и рабочему классу почти ничего не дается взамен усилий, которых ждут от него. Народу предстоят лишения еще в течение многих лет. Ближайшие перспективы английского народа весьма непривлекательны, и народ не особенно верит заверениям Криппса, что положение улучшится к 1953 г.

В связи с составлением европейскими странами „четырехлетних планов", предназначенных для американского хозяина, обнаружились серьезные противоречия между маршаллизированными странами. Так, например, указывают, что, по мнению французского правительства,

английская программа противоречит принципам, лежащим в основе будущего европейского экономического сотрудничества. Английская программа предусматривает экспорт английских машин в Европу на 100 млн. ф. ст., в то время как импорт машин из Западной Европы в Англию намечен всего в сумме 7 млн. ф. ст. Между тем Франция ищет рынков для станков и оборудования, а также для текстильных изделий и других товаров и отнюдь не намерена ограничить свой экспорт в Англию только предметами роскоши.

Простые люди в Англии в большинстве своем настроены против „плана Маршалла", против внутренней и внешней политики лейбористского правительства, о чем говорят многочисленные письма читателей, опубликованные в „Дейли Уоркер".

Однако правые лейбористские лидеры, заправляющие правительственным аппаратом и тред-юнионами, стараются возможно плотнее заткнуть свои уши, чтобы не слышать голоса простых людей, требований трудящихся масс.

С „планом Маршалла" тесно связан созданный в марте 1948 г. так называемый Западный союз, куда вошли Великобритания, Франция, Бельгия, Голландия и Люксембург. Этот союз „... является военно-политическим дополнением к тому экономическому объединению европейских стран, которое создано для проведения „плана Маршалла" в Европе. Обе эти группировки европейских стран получают свое направление от правящих кругов англо-американского блока, который отнюдь не заинтересован в осуществлении действительных национально-государственных или, по крайней мере, экономических целей всех этих стран, входящих в указанные группировки, а преследует цели укрепления и дальнейшего расширения своих собственных военно-стратегических и экономических позиций"[1]. Рамки Западного союза значительно расширяются созданием так называемого Европейского совета, в который входят, кроме пяти стран Западного союза, также Италия, Норвегия, Дания, Швеция и Эйре. Основой этого Совета является военный Западный союз. Создание Европейского совета представляет собой попытку воплотить в жизнь реакционный космополитический проект Черчилля о „Соединенных Штатах Европы", при помощи которого Англия надеется укрепить свои позиции на европейском континенте. Верные слуги империалистов — правые социалисты — усиленно пропагандируют этот проект: его пропаганде большое внимание было уделено на состоявшейся в Гааге в мае 1949 г. конференции правых социалистических партий.

Англия занимает главное место в Западном союзе. Но это не значит, что она через этот союз может проводить независимую политику в Европе, ибо она находится в финансово-экономической, а следовательно, и в политической зависимости от США: „Предоставляя Великобритании главное место в Западном союзе, правящие

---

[1] Из „Заявления Министерства иностранных дел СССР о Северо-Атлантическом пакте", „Правда" от 29/I 1949 г.

круги США имеют полную возможность оказывать нужное им воздействие на политику всей западноевропейской группировки"[1].

Пресловутая „политика доллара" заключается в использовании финансово-кредитных и валютных связей США с другими странами для осуществления экономических и политических целей американского империализма. В частности, чтобы втянуть в Северо-Атлантический союз прямо или косвенными путями возможно больше государств и прибрать их к своим рукам, правящие круги США и Великобритании „...прибегают ко всяким дозволенным и недозволенным средствам. Используют финансовые и другие экономические подачки. Обещают улучшение экономического положения странам, которые между тем под нажимом „политики доллара" впадают во все новые и новые экономические затруднения. Запугивают несуществующей опасностью со стороны „потенциального агрессора" и одновременно прибегают к грубым средствам давления на правительства малых государств"[2].

Финансовая „помощь", оказываемая США Англии и другим странам, пахнет кровью. Внешняя политика лейбористского правительства вдохновляется и направляется поджигателями войны, сидящими в Нью-Йорке и Лондоне, на Уолл-стрите и в Сити, а „план Маршалла"—важнейший инструмент осуществления этой политики реакционного англо-американского империалистического блока: „Заправилы британского империализма считают, что очень удобно прокладывать путь к войне и держать в узде английских рабочих при помощи лейбористского правительства, когда оно проводит желательный им курс политики. Они удовлетворены его внешнеполитическим курсом, враждебным Советскому Союзу, силам мира и прогресса. Они довольны и внутренней политикой лейбористской верхушки, поскольку она выражается в снижении жизненного уровня трудящихся и травле коммунистов. Как никак, а лейбористы скорее могут найти подход к массам, чем консерваторы"[3].

Вот почему компартия Англии решительно выступает против политики современного лейбористского правительства вообще и его финансовой и экономической политики, призывая рабочих Англии бороться против правительственной политики замораживания заработной платы, за снижение налогов, которые приходится выплачивать народу, и за обложение налогом богатых, за снижение военных расходов. Компартия борется против политики вражды к Советскому Союзу, против агрессивной, антисоветской политики блока англо-американских империалистов, против удушения английской промышленности и торговли посредством „плана Маршалла"[4].

---

[1] Из „Заявления Министерства иностранных дел СССР о Северо-Атлантическом пакте", „Правда" от 29/I 1949 г.

[2] Там же.

[3] Из статьи „Черчилль раскрывает карты", „Правда" от 21/X 1948 г.

[4] См. декларацию Исполнительного комитета компартии Англии, „Правда" от 21/IX 1948 г.

В настоящее время опубликованы данные о платежном балансе Англии за весь 1948 г. и расчеты за первое полугодие 1949 г. Во второй половине 1948 г. совершенно неожиданно для правительства платежный баланс Англии был сведен без дефицита с превышением доходов над расходами в сумме 30 млн. ф. ст. Лейбористы поспешили, конечно, приписать этот результат успехам своей „деятельности". Заместитель министра иностранных дел и делегат Англии в Экономическом и социальном совете ООН Мэйхью на заседании Совета в конце февраля этого года возвестил миру о „достижениях" лейбористского правительства, заявив, что, мол, „пора прекратить разговоры о восстановлении Англии. Мы давно миновали эту стадию". Когда же некоторые американские конгрессмены приняли или сделали вид, что приняли всерьез это заявление, и рекомендовали в связи с этим сократить ассигнования Англии по „плану Маршалла", лейбористское правительство забило отбой! Оно поспешило дезавуировать заявление Мэйхью. Криппс разъяснил, что „в действительности восстановление Англии не закончено и оно зависит от продолжения американской помощи". А чтобы от нее освободиться, надо проводить так называемый „экономический план Криппса", который сводится к тому, что необходимо еще напряженнее работать, ограничивать свое потребление, не требовать повышения заработной платы, делать больше сбережений и не ждать облегчения в области налогов.

Консервативные газеты не упустили случая напомнить, что Мэйхью заявил в Нью-Йорке то же самое, что пытаются утверждать лейбористские деятели в Англии, которые также далеки от истины, как и Мэйхью. В самом деле, если посмотреть, за счет чего был достигнут положительный результат платежного баланса во втором полугодии 1948 г., то всякие утверждения об экономических „достижениях" рассеются, как дым. Этот результат объясняется прежде всего тем, что вследствие большого сокращения поставок мяса из Аргентины и шерсти из Австралии импорт значительно отстал от программы. Таким образом, первым „достижением" является сокращение ввоза важных продуктов и, следовательно, соответствующее сокращение потребления трудящихся. Кроме этого фактора, ряд других обстоятельств совершенно случайного характера благоприятствовал англий-

скому платежному балансу во второй половине 1948 г. Сюда относятся: непредвиденные доходы правительства от продажи военного имущества и от прекращения выплаты по причиненным во время войны убыткам, а также значительные дополнительные поступления по статье доходов от туризма в связи с проведением в этом полугодии в Англии международных олимпийских игр и т. д.[1]. Таким образом, этот платежный баланс покоится на факторах весьма преходящего порядка и не может свидетельствовать об экономических успехах правительства.

Как указывалось на стр. 94, дефицит платежного баланса Англии по текущим операциям в 1948 г. составил 120 млн. ф. ст., а долларовый дефицит, составивший 423 млн. ф. ст., втрое превысил сумму дефицита платежного баланса. Активное сальдо платежного баланса со странами стерлингового блока и с маршаллизированными странами в сумме свыше 300 млн. ф. ст. не дает Англии долларов и поэтому ни в какой степени не перекрывает указанного выше дефицита и, следовательно, не ослабляет долларового голода Великобритании. По этому поводу „Нейе Цюрхер Цейтунг" справедливо заметила, что „международная валютная система пришла в такое хаотическое состояние, что даже полное выравнивание платежного баланса и даже излишек баланса не означали бы состоятельности Англии в вопросе международного платежного баланса"[2].

Это объясняется тем, что валюта, причитающаяся Англии по ее расчетам со странами стерлингового блока и маршаллизированными странами, не может быть превращена в доллары, необходимые для расчетов по дефициту платежного баланса со странами Западного полушария. Такое состояние валютной системы—прямое отражение в сфере обращения общего кризиса капитализма.

В первом полугодии 1949 г. правительство предполагало сократить дефицит платежного баланса со странами Западного полушария до 115 млн. ф. ст. (против 200 млн. ф. ст. в первом полугодии 1948 г.). В связи с этим лейбористское правительство предпринимало отчаянные попытки сократить долларовый дефицит путем расширения экспорта в Канаду и США. Министр торговли Вильсон сообщил в палате общин, что всем ведомствам дано указание в первую очередь поставлять материалы фирмам, производящим товары для северо-американского рынка, и проводить дискриминацию в пользу фирм, обслуживающих американский рынок. Тем не менее и в 1949/50 г. Великобритании попрежнему приходится уповать на „помощь" по „плану Маршалла". Из средств, ассигнуемых на второй год осуществления так называемой „программы реконструкции Европы", т. е. по „плану Маршалла", Гофман выделил Великобритании 962 млн. долл.[3].

---

[1] „Neue Zürcher Zeitung" от 22/III 1949.
[2] Ibid.
[3] „Records and Statistics", 10/IX 1949.

Продовольственное положение Англии и сейчас, через четыре года по окончании войны, остается весьма тяжелым. Важнейшие продукты питания нормируются, причем на человека приходится по карточкам в неделю: мяса, в зависимости от качества (норма устанавливается в денежном выражении), 4—8 унций (приблизительно от $^1/_4$ до $^1/_2$ фунта), бэкона 2 унции ($^1/_8$ фунта), сахара 8 унций ($^1/_2$ фунта), сыра—2 унции. Если, например, взять официальные данные о потреблении мяса и масла в стране на апрель 1949 г. и учесть изменения в народонаселении, то окажется, что среднее душевое потребление мяса в 1949 г. составляет 51,3%, а масла—54,4% от довоенного уровня 1934—1938 г.[1]. Следовательно, „среднее" потребление сократилось почти вдвое по сравнению с довоенным уровнем. Если к тому же учесть, что потребление буржуазии и высокооплачиваемых служащих не изменилось или мало изменилось, то сокращение потребления трудящихся окажется еще более значительным. Особенно дефицитным продуктом является мясо. В Англии стало обычным явлением употребление в пищу конины и китового мяса. Кониной торгуют лучшие магазины Лондона. Вследствие массового убоя лошадей возникла угроза полного истребления конского поголовья в Англии. Консервативная газета „Дейли Мейл" поместила высказывание одного из членов парламента, заявившего: „Мы переживаем период, представляющий собой нечто среднее между недостатком продовольствия и просто голодом".

И в этих условиях представитель правительства в своем заявлении по продовольственному вопросу в палате общин в декабре 1948 г. ограничился лишь тем, что призвал рабочих к терпению, указав, что Англия не может рассчитывать на значительное улучшение своего продовольственного положения до 1952 г. и что нормирование потребления сохранится в течение ряда лет.

Несмотря на лишения трудящихся масс, связанные с выполнением программы форсирования экспорта и ограничения импорта, и несмотря или, скорее, благодаря „помощи", оказываемой по „плану Маршалла", препятствующему развитию обмена с восточноевропейскими странами, и в 1948 г. Англия продолжала терять свои золото-валютные резервы. Последние с момента действия „плана Маршалла" сократились с 546 млн. ф. ст. на 31 марта 1948 г. до 406 млн. ф. ст. на 30 июня 1949 г., т. е. на 140 млн. ф. ст., или на 26%, а по сравнению с декабрем 1946 г., т. е. с первым послевоенным годом, они сократились на 37%.

Таким образом, золото-валютная база английского фунта стерлингов при лейбористском правительстве сузилась. В то же время колоссально увеличилось давление на стерлинг и его золото-валютную базу в связи с грузом внешней задолженности, резко возросшей при лейбористском правительстве.

Вопреки намерениям правительства значительно сократить долларовый дефицит в первом полугодии 1949 г., этот дефицит сильно

[1] Исчислено нами по данным „Monthly Digest of Statistics", April 1949.

возрос, и поэтому вновь сильно ухудшилось валютно-финансовое и экономическое положение Англии. Это было связано с общим ухудшением конъюнктуры мировой капиталистической экономики, в особенности с наступающим экономическим кризисом в США и с отчаянными попытками американских монополий предотвратить или ослабить этот кризис за счет других стран. США резко сокращают ввоз английских товаров. Так, если поступления от английского экспорта в США составили в марте 5,7 млн. ф. ст. в американских долларах, то в апреле эти поступления упали до 3,5 млн. ф. ст., т. е. сразу на 38%. Падение цен в США еще более затрудняет английский экспорт в США, который сокращался в течение первых месяцев 1949 года. Естественно, что падение английского экспорта в США усиливает долларовый голод Англии и крайне обостряет валютную проблему. В связи с этим и английские буржуазные газеты вынуждены признать, что „план Маршалла" не помог преодолеть экономические затруднения, с которыми сталкиваются участвующие в нем страны.

В июне этого года лейбористское правительство заключило торговое соглашение с Аргентиной на 5 лет. Заключение этого соглашения выражает серьезное обострение англо-американских противоречий. По этому соглашению Аргентина будет поставлять в Англию мясо, пшеницу и другие продукты сельского хозяйства, а Англия будет поставлять Аргентине нефть и различного рода промышленные товары. Правительство США решительно возражало против этого соглашения, так как оно наносит ущерб американскому экспорту одновременно и в Аргентину (нефть, машины и другие промышленные товары) и в Англию (сельскохозяйственные продукты). Однако США не смогли порвать это соглашение: государственный департамент США должен был удовлетвориться заявлением о том, что в результате его вмешательства в англо-аргентинские экономические отношения условия этого соглашения „стали значительно более гибкими, чем об этом раньше сообщалось".

Если Англия, заключая соглашение с Аргентиной, стремится вырвать из рук американских монополий аргентинский рынок, то США в порядке ответного удара в последнее время усилили нажим на Индию. Правительство США, подготавливая договор с Индией, требует, чтобы американским монополиям были предоставлены все привилегии на основе принципа „наибольшего благоприятствования", которыми сейчас пользуются лишь Англия и некоторые страны Британской империи. Намереваясь предоставить Индии заем, США рассчитывают использовать его для серьезного расширения своего экспорта в Индию и вытеснения из Индии всех своих конкурентов и в первую очередь Англии.

Англо-американские экономические противоречия переплетаются с противоречиями между Англией и другими европейскими странами. Так, например, Бельгия поддерживает требование США об обратимости валют, ибо она имеет большое активное сальдо по торговле с Англией—примерно в сумме 30 млн. ф. ст. в год—и заинтересо-

вана в том, чтобы принадлежащие ей стерлинги были обратимы в доллары. В этом ее интересы совпадают с США, ибо обмен стерлингов на доллары соответственно расширит долларовый покупательный фонд Бельгии и увеличит американский экспорт в эту страну.

В общем, *чем более ухудшается экономическая конъюнктура и развивается экономический кризис, тем более принцип так называемого „экономического сотрудничества" уступает место принципу „спасайся кто может"; каждая капиталистическая страна стремится любыми средствами и в ущерб другим странам облегчить свое собственное экономическое положение.* Это отчетливо обнаружилось на происходившем в июне с. г. в Брюсселе совещании маршаллизированных стран по вопросу о межевропейских платежах и на заседаниях руководящего комитета, так называемого „Совета организации европейского экономического сотрудничества". В то время как делегат США (Гарриман) при поддержке бельгийского делегата (Спаака) настаивал на том, чтобы английские кредиты были свободно обратимы в другие валюты, и в том числе в доллары, английский делегат (Криппс) занимал противоположную позицию. Делегаты временно договорились о том, что обратимость будет применяться в отношении валют маршаллизированных стран лишь в пределах 25% американской „помощи", причем без обратимости в доллары.

США вновь усилили нажим, цель которого—заставить Англию провести девальвацию фунта. В связи с этим, касаясь визита в Лондон министра финансов США Снайдера, политический обозреватель „Дейли Уоркер" писал: „...Американский нажим усиливается. Главная цель Соединенных Штатов теперь заключается в девальвации фунта стерлингов, что будет невыгодно Англии в данный момент и повлечет за собой банкротство стерлинговой зоны и установление господства доллара над всем капиталистическим миром". Финансовый обозреватель газеты „Манчестер Гардиан" подчеркивает, что уже в течение нескольких месяцев лица, направляющие экономическую политику США, оказывали сильный нажим, цель которого—уничтожить барьеры английской двусторонней торговли и добиться девальвации фунта стерлингов.

Обострение англо-американских экономических и финансовых противоречий сейчас открыто признается. Орган английской финансовой олигархии „Файненшл Таймс" писал о столкновении интересов Англии, связанном с неизбежной нехваткой долларов и США, над которыми довлеет страх перед накоплением товарных запасов, не находящих сбыта: „Столкновение может быть серьезным. Оно может отразиться на всей области наших экономических отношений" [1].

В связи с нависшей угрозой нового валютного краха Криппс выступил с заявлением в палате общин 6 июля с. г. Он указал на систематическое за последние месяцы снижение экспорта в США не только Англии, но и других стран стерлинговой зоны, что

[1] Сообщение ТАСС, „Правда" от 23/VI 1949 г.

значительно сократило приток долларов. Долларовый дефицит, как указал Криппс, во втором квартале текущего года составил 157 млн. ф. ст. против 82 млн. ф. ст. в первом квартале 1949 г. Следовательно, долларовый дефицит составил за первое полугодие 1949 г. 240 млн. ф. ст. (с округлением), или вдвое больше того, что намечалось правительством. Этот дефицит, как показывают данные, оглашенные Криппсом, привел к дальнейшему резкому сокращению золото-долларовых запасов стерлинговой зоны, которые лишь за второй квартал 1949 г. сократились на 14%. Уровень, которого они сейчас достигли,—400 млн. ф. ст.—на 100 млн. ниже того уровня, который английские финансисты считают „предельным минимумом" для того, чтобы Англия могла выполнять свою роль в качестве центра стерлингового блока, а ее валюта—являться базой всех валют этого блока и служить орудием международных расчетов.

В этой обстановке основной целью финансовой политики лейбористского правительства, как заявил Криппс, должно быть сохранение валютных резервов стерлинговой зоны, для чего были даны инструкции всем закупочным организациям максимально отсрочить уже законтрактованные закупки, требующие долларов. Для новых сделок такого рода вводятся особые разрешения, которые будут выдаваться правительством лишь в тех случаях, когда будет бесспорно установлено, что этого требуют „неотложные интересы страны" [1]. Однако „неотложные интересы" можно понимать по-разному. Несомненно, что, по мнению лейбористского правительства, ввоз материалов, необходимых для производства вооружений, диктуется „неотложными интересами" Англии, ибо без этого она не может усиленно готовиться к большой войне и вести малую войну в Малайе. Ввоз же некоторых важных для трудового населения продуктов питания это правительство, конечно, относит полностью либо частично к закупкам, которые не диктуются „неотложными интересами" страны.

Вместе с тем Криппс признал, что политика урезки потребностей страны за счет трудящихся в целях экономии валюты „не может разрешить наши трудности". Поэтому она, по заявлению Криппса, должна быть дополнена политикой снижения английских экспортных цен на долларовых рынках с тем, чтобы английские товары могли успешно конкурировать. Для осуществления этой цели лейбористское правительство вновь требует жертв от английских рабочих, добиваясь повышения производительности труда и снижения издержек производства и объявляя „вредными" требования рабочих об увеличении заработной платы, а также замедление темпов и остановку работы, применяемые в качестве средства коллективной защиты против капиталистов. Следовательно, лейбористское правительство вновь и вновь видит единственный выход из того тупика, в котором оказалась Англия, в дальнейшем наступлении

---

[1] „Правда" от 8/VII 1949 г.

на рабочий класс, в усилении эксплоатации труда и снижении реальной заработной платы. Это совсем недавно подтвердил лейбористский премьер Эттли, заявив в палате общин, что „Необходимость ограничений, которая заставила прибегнуть к замораживанию уровня заработной платы, сегодня так же велика, как и год тому назад". Он заявил также, что принципы, положенные в основу Белой книги, остаются попрежнему существенным элементом в экономической политике правительства [1].

Чтобы обеспечить проведение этой ненавистной английскому рабочему классу политики, правое лейбористское руководство приняло все меры к тому, чтобы на ежегодной конференции партии, происходившей в Блэкпуле в июне этого года, не допустить критики правительственной политики, и провалило все резолюции, в которых были отражены требования рабочих. Тем не менее прения на конференции обнаружили недовольство и разочарование рабочих тем, как проводится национализация промышленности, недовольство ростом цен и прибылей капиталистов, ростом расходов на вооружение и провалом программы жилищного строительства. Эти прения показали, что в самой лейбористской партии далеко не все верят демагогическим обещаниям лидеров.

Резкое ухудшение валютно-финансового положения Англии во втором квартале 1949 г. отразилось на состоянии фондовой биржи. В течение всего июня курсы ценных бумаг неуклонно падали. Это, как отмечал „Таймс", связано с тем, что английские инвесторы „серьезно встревожены общими экономическими и финансовыми перспективами". Особенно резкое падение курса произошло 27 июня, который был самым тяжелым днем для фондовой биржи. Курс правительственных акций упал так низко, как никогда. Вместе с тем и курс простых акций ведущих промышленных компаний снизился на 20% за несколько недель, а „курс акций второстепенных компаний упал еще больше, что говорит о плачевных перспективах английской промышленности". Некоторые газеты считают, что стоимость правительственных акций упала на огромную сумму — свыше 500 млн. ф. ст. — по сравнению с самым высоким уровнем этого года.

Созыв в июне с. г. конференции министров финансов Британской империи в целях проведения совместных мероприятий для защиты стерлинговой зоны от наступления доллара, приезд в Лондон министра финансов США Снайдера с целью понудить Англию девальвировать стерлинг, лондонское совещание министров финансов Англии, США и Канады в июле с. г., тщетно пытавшееся разрешить валютную проблему, обнаруживают острейшие противоречия между Англией и США и другими капиталистическими странами, а это раскаляет международную атмосферу и способствует развитию экономического кризиса.

---

[1] „Правда" от 4/V 1949 г.

Исполнительный комитет Английской коммунистической партии опубликовал в связи с этим заявление, в котором говорится: „Вспышка противоречий между Англией и Америкой из-за системы европейских платежей и беспощадный нажим американцев, старающихся навязать соглашение, которое приведет к резкому сокращению золотых и долларовых запасов Англии, являются результатом кризиса, быстро развивающегося в Соединенных Штатах и во всем капиталистическом мире... Война показала, что английский империализм лишился своих прежних монопольных позиций, и все послевоенное развитие еще больше ослабило позиции империализма и показало бесплодность попыток преодоления кризиса Англии с помощью прежней империалистической политики".

Осуждая правительство за политику прислужничества перед США и английскими капиталистами, Исполком компартии указывает, что нынешняя политика лейбористского правительства „...может лишь усилить факторы, вызывающие кризис, поскольку оно продолжает сокращать покупательную способность внутри страны и обострять капиталистическую конкуренцию и противоречия на международной арене"[1].

Коммунистическая партия требует пересмотра этой политики. Она призывает к сокращению расходов на вооруженные силы, прекращению замораживания заработной платы и улучшению условий труда рабочих. В заявлении подчеркивается также настоятельная необходимость немедленного заключения широких торговых соглашений с Советским Союзом, восточноевропейскими странами и демократическим Китаем.

Английская компартия организует и сплачивает рабочие массы на борьбу за осуществление этих требований против гибельной политики лейбористского правительства, которая грозит привести Англию к экономической катастрофе и к войне.

* * *

Опубликованные данные о бюджете Великобритании на 1949/50 г. не вносят ничего принципиально нового в ту характеристику финансовой политики, денежного обращения и валютного положения страны, которая была дана нами в тексте. Прежде всего следует отметить, что в текущем году не было признаков хотя бы малейшего предбюджетного волнения в деловых кругах Англии. Монополистический капитал ждал нового бюджета с полным спокойствием.

Как обычно, 6 апреля 1949 г. Криппс предложил палате общин бюджет на 1949/50 г. и произнес свою бюджетную речь.

Одновременно с бюджетом 1949/50 г. был опубликован отчет по исполнению бюджета за 1948/49 г., который показывает, что расходы составили в этом году 3 176 млн. ф. ст. вместо предусмотренных сметой 2 975,7, т. е. превышены на 200 млн. ф. ст. Даже по официальным данным этого отчета особенно большое превышение расходов (одна треть всей суммы) *допущено по статье военных*

[1] Сообщение ТАСС, „Правда" от 2/VII 1949 г.

расходов: вместо предусмотренных сметой 692 млн. ф. ст. израсходовано 753 млн. ф. ст., т. е. на 61 млн. ф. ст. больше[1]. В действительности же, если учесть скрытые военные ассигнования, проводимые под видом „гражданских расходов", сверхсметные расходы в еще большей степени окажутся связанными с военными расходами, с милитаристской политикой лейбористского правительства.

В то же время, как признал Криппс, правительственные капиталовложения в области социального обслуживания были менее значительны, чем в предыдущем году, а также имело место сокращение общей стоимости жилищного строительства.

Дополнительные бюджетные расходы 1948/49 г. были покрыты дополнительными налоговыми поступлениями как по прямым, так и по косвенным налогам. Криппс, между прочим, с умилением говорил о том, как „сознательно" относятся капиталисты к выполнению своих налоговых обязательств. Вот, например, по налогу на капитал они внесли 80 млн. ф. ст. вместо предусмотренных бюджетом 50 млн. ф. ст. и к тому же досрочно. Какие замечательные в Англии капиталисты! На самом же деле они внесли дополнительные суммы как по этому, так и по другим налогам только потому, что их действительные доходы оказались в 1948/49 г. много больше предусмотренных бюджетом. А это, в свою очередь, было следствием проводившейся в 1948/49 г. правительством политики замораживания заработной платы при росте цен и прибылей капиталистов. Таким образом, *капиталисты перевыполнили свои обязательства перед бюджетом за счет рабочих, поскольку дополнительный чистый барыш они получили в результате усиления эксплоатации рабочего класса.* Следовательно, в конечном счете не капиталисты, а рабочие оплатили дополнительные ассигнования на военные расходы по бюджету 1948/49 г. И сам Криппс должен был признать исключительную тяжесть налогового бремени в Англии, где сейчас, по его словам, 40% национального дохода изымается государством посредством общенациональных и местных налогов.

Основные статьи бюджета 1949/50 г. и исполнения бюджета 1948/49 г. (включая доходы и расходы под чертой) показаны в таблице на стр. 150.

Как мы видим, в 1948/49 г. окончательный итог бюджета дал превышение доходов над расходами в сумме 352 млн. ф. ст. Этот бюджетный излишек был использован для сокращения государственного долга. В этом, собственно, только и выразились незначительные результаты политики так называемой „дезинфляции" (ликвидации инфляции), которую проводило правительство путем прежде всего нажима по линии заработной платы. Эта политика „дезинфляции" не привела ни к сокращению наличной денежной массы, ни к сокращению денежных средств капиталистов на депозитах в банках. Фактически и 1948/49 бюджетный год прошел под знаком военно-инфляционной конъюнктуры, о чем можно судить по тому, что общая

[1] „The Financial Times" от 8/IV 1948 и 7/IV 1949.

Доходы	Исполн. 1948/49 г.	Смета 1949/50 г.	Расходы	Исполн. 1948/49 г.	Смета 1949/50 г.
Прямые налоги (включая налог на владельцев автомобилей)	2 111	2 140	Военные	753	760
Косвенные налоги (пошлины и акцизы) . .	1 557	1 493	По государств. долгу	542	527
Прочие доходы (включая доходы по дополнит. бюджету)	405	207	Гражданские расходы по основному бюджету	1 881	2 021
			Расходы по дополнительному бюджету (под чертой):		
			возмещение военного ущерба	130	102
			ссуды местным органам власти	234	220
			Прочие	181	196
Итого . .	4 073	3 840	Итого . .	3 721	3 826

сумма прибылей в Англии в 1948 г. по официальным данным, опубликованным в „Экономисте“ от 9/IV 1949 г., достигла баснословной суммы—1945 млн. ф. ст., или в $2^1/_2$ раза больше, чем в 1938 г., в отличие от бюджета 1948/49 г., совсем не проектируется превышение доходов над расходами, намеченный излишек доходов в 14 млн. ф. ст. не представляет какой-либо весомой величины.

В новом бюджете обращают внимание следующие три существенных момента:

1. Дальнейший рост расходов бюджета, связанный с ростом военных расходов, общий объем которых лишь по прямым бюджетным ассигнованиям на эти цели составляет почти 760 млн. ф. ст. против 693 млн. ф. ст. по смете 1948/49 г. Однако по данным Белой книги о военных расходах, опубликованным в феврале этого года, *непосредственные* ассигнования на содержание трех родов войск составят в 1949/50 г. 654,5 млн. ф. ст. по сравнению с 547 млн. ф. ст. в 1948/49 г.; следовательно, эти расходы возрастут на 107,5 млн. ф. ст., или на 20%[1].

Кроме того, несомненно, что затраты военного характера финансируются и по другим статьям бюджета. В частности, ассигнования на закупку стратегических запасов проходят по смете Министерства торговли (Board of Trade)[2]. Крупные суммы по расходам на снабжение и авиационное производство предназначаются фактически

[1] „Financial Times“, 16/II 1949.
[2] La vie financière, 12/II 1949.

на военные цели (в I квартале 1949 г. кабинет затребовал такого характера ассигнований на 30 млн. ф. ст.). Ясно также, что и расходы на исследования в области атомной энергии имеют военный характер, поскольку англо-американский блок отказался от советского предложения о запрещении атомного оружия и свои исследования в этой области подчиняет исключительно военно-стратегическим целям. Некоторые виды военных расходов в связи со все усиливающейся политикой милитаризации страны увеличиваются в несколько раз. В частности, ассигнования на так называемую „гражданскую оборону" в Англии и Уэльсе возрастают в 1949/50 г. в десять раз по сравнению с 1948/49 г.[1].

Рост военных затрат означает также, что в 1949/50 г. будет отвлечено значительно больше людей от производительного труда в армию и на обслуживание ее, чем в истекшем 1948/49 г. К концу этого бюджетного года, т. е. к 31 марта 1950 г., 750 тыс. человек будут находиться в трех родах вооруженных сил, 252,3 тыс. будут непосредственно работать на нужды вооруженных сил и 450 тыс. будут заняты косвенным образом—на производстве и научно-исследовательской работе, а всего будет отвлечено от производительного труда 1 500 тыс. мужчин и женщин.

Даже „Стэтист" в связи с бюджетом 1949/50 г. заговорил о *вмешательстве США в суверенитет английского государства*. „Мы уже знаем,—пишет этот журнал,—что внутренняя экономика Англии не остается незатронутой. Требования, предъявляемые нам в области усиления оборонительных мероприятий (*эти требования доходят почти до вмешательства в наш суверенитет*), уже сказались на бюджетных расчетах министра финансов Криппса. В скором времени они могут сказаться еще сильнее" (подчеркнуто мною.—*З. А.*).

2. Уменьшение государственных дотаций на поддержание розничных цен: при сохранении нынешних цен на предметы потребления государственные дотации должны были бы составлять в 1949/50 г. 568 млн. ф. ст. Ассигнуется же по бюджету только 465 млн. ф. ст.; следовательно, потребители теряют 103 млн. ф. ст. В результате сокращения дотаций мясо и сыр повышаются в цене на 4 пенса за фунт, масло—на 2 пенса и маргарин—на 1 пенс и даже цена коробки спичек—на полпенса. Уже объявлено о повышении цен на мясо с 24 апреля и на сыр, масло и маргарин—с 22 мая. Таким образом, Криппс и лейбористское правительство не довольствуются уже происшедшим в 1948 г. сокращением реальной заработной платы в результате проведения политики замораживания заработной платы. Они открыто через бюджетный механизм проводят сокращение реальной заработной платы, поскольку уменьшение дотаций не компенсируется каким-либо сокращением прямых или косвенных налогов, падающих на трудящихся. Сумма потери трудящихся от этой операции лейбористского правительства—сто с лишним миллионов фунтов

[1] Сообщение ТАСС, „Правда" от 11/III 1949 г.

стерлингов—равна сумме прямых дополнительных ассигнований по военным расходам. Ясно, что если бы не было этих ассигнований, то правительство могло бы сохранить все позиции нынешнего бюджета, не прибегая к урезке дотаций на поддержание цен. Таким образом, за военные обязательства Англии, принятые по Атлантическому пакту, призван расплачиваться рабочий класс. Это становится совершенно очевидным из сопоставления основных цифр бюджета.

Кстати, требование сокращения, а в дальнейшем отмены государственных субсидий на поддержание цен было выдвинуто монополистическим капиталом, в частности председателем правления Ллойдс-банка лордом Бальфуром на годичном собрании акционеров этого банка[1].

Лейбористское правительство послушно выполняет эти требования монополий. Повышение цен на указанные выше продукты имеет также целью снизить их потребление примерно на 100 млн. ф. ст. в год, что даст правительству годовую „экономию" в расходе валюты в сумме 400 млн. долларов.

3. В предбюджетный период представители финансовой олигархии, как, например, глава Барклэй Банка—Гуденаф, глава Нейшнл Провиншел Банка—Смит и др., в своих традиционных речах на годичных собраниях акционеров обращали внимание правительства на проблему обновления и переоборудования предприятий и просили, чтобы правительство содействовало разрешению этой проблемы.

Лейбористское правительство очень чутко отнеслось к советам бизнесменов и преподнесло весьма солидный дар капиталистам, предоставив за счет бюджета новые большие льготы капиталистам, осуществляющим затраты по восстановлению износа старых машин. По закону 1945 г. о подоходном налоге финансовые льготы предприятиям, осуществляющим затраты на восстановление изношенных машин, составляли 20% стоимости новых машин. Криппс решил: начиная с бюджета 1949/50 г., увеличить эту помощь вдвое, доведя ее до 40% стоимости новых машин. Эта фактическая субсидия капиталистам в текущем бюджете не получает пока полностью отражения, а в дальнейшем составит в год 75 млн. ф. ст. Между тем в действительности капиталисты ни в какой „помощи", конечно, не нуждаются, ибо они имеют огромные денежные накопления в банках в результате роста из года в год прибылей, чему не в малой степени способствовала также проводимая правительством политика стабилизации заработной платы.

Таковы три главных позиции нового бюджета. В то же время выдвигавшиеся рабочим классом требования отмены налога на покупки, особенно обременительного для трудящихся, увеличения обложения богатых, сокращения военных расходов и увеличения расходов на жилищное и социально-культурное строительство были полностью отклонены лейбористским правительством.

Ясно, что такой бюджет был принят с полным удовлетворением

[1] „Neue Zürcher Zeitung", 13/III 1949.

финансовой олигархией. И в печати, и в парламентских выступлениях реакционеры не скрывали своего ликования по этому поводу. Так, правый консерватор Томас Мур в прениях в палате общин 7 апреля сего года назвал речь Криппса „убедительной и мужественной", причем эту мужественность Мур усматривал в том, что Криппс наплевал на все резолюции, внесенные на конференцию лейбористской партии, в которых, как выразился Мур, „красной нитью проходила мысль выжимать средства из богатых". Весьма положительно отозвался о бюджете заместитель лидера консервативной оппозиции Иден; консервативные же газеты придерживались тона, заданного Иденом. Характерно заявление финансового обозревателя „Дейли Телеграф энд Морнинг Пост": одобряя бюджет, он утверждает, что „финансовый реализм бюджета произведет благоприятное впечатление в Сити". Этот обозреватель, конечно, прав: лейбористское правительство, бесспорно, заслужило одобрение Сити—этого генерального штаба финансовой олигархии.

С восторгом отозвался о бюджете реакционный орган промышленных монополий „Экономист": „... если лейбористское движение в целом,—писал „Экономист",—примет на себя связанное с бюджетом бремя (в особенности в связи с повышением цен в результате уменьшения дотаций на удешевление продовольствия), не пытаясь при этом добиться увеличения заработной платы, то лейбористская партия даст убедительное доказательство своей способности нести ответственность за управление страной". „Экономист", видимо, считает, что сейчас лейбористская партия держит экзамен на аттестат государственной зрелости в качестве агентуры монополистического капитала. „Экономист" надеется, что этот экзамен лейбористская партия в лице своего правительства успешно выдержит, справившись с нелегкой задачей подавить сопротивление рабочего класса при проведении своей политики. За это оно и получит от капиталистических монополий через журнал „Экономист" свидетельство в „способности нести ответственность за управление страной".

По вопросу о бюджете, уже после его опубликования, Криппс имел совещание с правыми лидерами Британского конгресса тред-юнионов, на котором последние заявили, что они боятся утратить влияние на рядовых членов профсоюза и не смогут поэтому сдержать неизбежной волны требований повышения заработной платы в связи с принятием нового бюджета. „Но Криппс был непреклонен",— указывает обозреватель „Дейли Мейл". Лидеры ВКТ предвидят опасные общенациональные забастовки в том случае, если требования о повышении заработной платы не будут удовлетворяться. В связи с этим промышленный обозреватель указанной газеты пришел к следующему выводу: „Ясно, что, по мнению профсоюзных лидеров, они начинают терять даже то незначительное влияние на членов профсоюзов, которым пользуются в настоящее время, из-за весьма важного вопроса заработной платы и повышения стоимости жизни".

В палате общин ряд лейбористов выступил с резкой критикой бюджета. Так, Хадсон назвал речь Криппса о бюджете самой ужасной из всех, какие ему когда-либо приходилось слышать на эту тему: „Когда людям нужно объяснить,—заявил Хадсон,—почему после напряженных усилий последних 12 месяцев были получены огромные прибыли, нам представили бюджет, согласно которому повышение цен ляжет бременем на английский народ". С резкой критикой бюджета выступил и лейборист Бенсон, заявивший, что Криппс составил „консервативный бюджет", а также бывший парламентский секретарь министерства торговли Эллис Смит и др.

Против криппсовского бюджета резко выступил Хьюитсон—член национального исполнительного комитета лейбористской партии, представитель второго по величине профсоюза чернорабочих и коммунальников, насчитывающего 1 млн. членов. Хьюитсон заявил, что недельная ставка заработной платы в его профсоюзе, составляющая 95 шиллингов, совершенно недостаточна. Принятие бюджета „... сделает жизнь людей, зарабатывающих 95 шиллингов, невыносимой. Если правительство намерено возложить на наши плечи непосильное бремя, мы будем бороться против этого так же, как мы боролись против консерваторов и консервативных предпринимателей. Мы не желаем нести непосильное бремя". Хьюитсон предостерег палату, что бюджет вызовет массовые требования повышения заработной платы и „если правительство осмелится сказать „нет", то начнутся такие конфликты в промышленности, каких не было в нашей стране с момента окончания первой мировой войны"[1].

Эмри Хьюз сопоставил нынешнюю политику правительства с политикой германского фашистского правительства: подобно тому как Геринг в свое время провозгласил лозунг „пушки вместо масла", так теперь Криппс провозглашает лозунг „пушки вместо сыра".

Английская компартия разоблачила действительную суть нового бюджета, как бюджета подготовки войны, подавления национально-освободительного движения колониальных народов и наступления на рабочий класс в интересах монополистического капитала.

„... Мы знаем, что́ происходит под вывеской обороны,—заявил коммунист Пирэтин в своем выступлении в палате общин.—Ежегодно мы тратим миллионы в Греции и Малайе и содержим крупные вооруженные силы в различных странах Среднего Востока. Никто не думает, что на нас могут совершить нападение в какой-либо из этих стран.

Таким образом, якобы в интересах обороны, рабочим предлагают потуже затянуть пояс для того, чтобы удержать на троне короля Павла, вопреки желаниям греческих демократов, и чтобы подавить борьбу малайского народа за независимость".

В передовой статье, посвященной новому бюджету, „Дейли Уоркер" назвала его „холодным, бессердечным и оскорбительным бюджетом,

---

[1] Прения по бюджету 1949/50 г. опубликованы в „The Financial Times" и „Times" от 7/IV 1949 г.

игнорирующим все принципы прогрессивного налогообложения". Вместе с тем газета с полным основанием опровергла мнение, будто бы сильнее всего в английском бюджете возросли расходы на социальные мероприятия. Ложность этого взгляда видна из следующих данных. В 1935/36 г. при общем объеме расходов в 842 млн. ф. ст. военные расходы составляли 137 млн. ф. ст., или 16,3% всех расходов, а расходы на социальные мероприятия составляли 218 млн. ф. ст., или 25,9% всех расходов. А по криппсовскому бюджету 1949/50 г. прямые военные расходы равны 760 млн. ф. ст., или 22,9% общей суммы расходов; ассигнования же на социальные мероприятия — 869 млн. ф. ст., или 26,2%. Следовательно, за 15 лет удельный вес военных ассигнований в бюджете возрос более чем на $^1/_3$ (с 16,3 до 22,9%), в то время как удельный вес расходов на социальные мероприятия остался стабильным (прирост удельного веса — 0,3%).

Новый лейбористский бюджет, как и следовало ожидать, вызвал негодование рабочего класса. Рабочие ряда заводов, верфей и профсоюзных организаций вынесли резолюции, требующие, чтобы Криппс взял обратно свой бюджет.

„Дейли Уоркер" привела заявление секретаря национального союза горняков, свидетельствующее о том, что новый бюджет вызвал сильное возмущение горняков. Вместе с тем в связи с новым бюджетом Национальный союз горняков решил предъявить Национальному управлению по вопросам угля требование о надбавке на дороговизну. Таким образом, новый бюджет обостряет классовую борьбу рабочих против монополистического капитала, осуществляющего через посредство лейбористского правительства политику наступления на жизненные интересы трудящихся масс. Показателем этой классовой борьбы может служить, например, тот прием, который рабочие Глазго оказали премьер-министру лейбористского правительства Эттли через несколько дней после оглашения бюджета. Когда Эттли направлялся на собрание местной организации лейбористской партии, его встретили демонстранты, которые несли плакаты и выкрикивали лозунги: „Долой голодный бюджет", „Долой бюджет консерваторов", „Дайте домашним хозяйкам больше продовольствия", „Атлантический пакт — угроза миру". „Дейли Уоркер" сообщает, что у здания, в котором выступал Эттли, состоялся митинг протеста, на котором выступили цеховые старосты. Участники митинга единодушно приняли резолюцию, осуждающую бюджет. Для поддержания порядка был вызван усиленный наряд полиции. Цеховые старосты передали для вручения Эттли резолюцию, требующую немедленного отклонения бюджета, сокращения расходов на вооружение и развития торговли с Советским Союзом.

Английская коммунистическая партия, твердо и последовательно защищающая интересы рабочего класса, опубликовала специальное заявление по поводу нового лейбористского бюджета 1949/50 г., в котором указывается, что „этот бюджет — цена военной политики правительства ... в бюджете отклоняется все то, что требовало

и ожидало профсоюзное и кооперативное движение. Это—бюджет, которого требовала федерация британских промышленников. Это—результат всей политики правительства, его империалистических обязательств за границей, его распродажи наших богатств Америке и его союза с капиталистическими странами в Атлантическом пакте против Советского Союза.

Бюджет внесен по истечении года, в течение которого прибыли в общей сложности возросли на 488 млн. ф. ст., а низкая покупательная способность масс привела к затовариванию в магазинах. В этом году начала распространяться безработица. Бюджет может лишь ускорить наступление депрессии, от которой пострадают все рабочие. Он свидетельствует о том, что лейбористское правительство, на пятом году своего существования, открыто стоит на стороне богатых против бедных. Все элементы рабочего движения должны теперь начать борьбу с тем, чтобы положить конец этой политике. Для организованных рабочих бюджет должен стать сигналом к немедленным действиям, направленным к тому, чтобы добиться удовлетворения их требования о повышении заработной платы.

Рабочие! Объединяйтесь для борьбы против этого консервативного бюджета, для борьбы за политику, которая будет отвечать интересам рабочего класса! Не допускать повышения цен на продовольствие! Отменить налог на покупки! Повысить налоги на богатых! Сократить военные расходы! Строить жилые дома, больницы и школы!" [1]

На 48-й ежегодной конференции лейбористской партии в Блэкпуле в июне этого года делегат от Шефилда прямо заявил, что лейбористская партия потерпела такое сильное поражение в этом году на муниципальных выборах потому, что рабочий класс недоволен криппсовским бюджетом. Но лейбористское правительство, видимо, вполне довольно своим бюджетом и непрочь еще дополнительно увеличить его расходную часть, а именно—ассигнования на военные нужды. 5 июля с. г., т. е. всего через три месяца после утверждения бюджета на 1949/50 г., правительство сочло возможным просить палату о дополнительных ассигнованиях в сумме 21 млн. ф. ст., в том числе 6 млн. ф. ст.—на расходы, связанные с войной против малайского народа, 11 250 тыс. ф. ст.—для выплаты компенсаций английским владельцам собственности, пострадавшим во время войны в Бирме, и остальную сумму—для покрытия ряда других затрат, как, например, по безвозмездной передаче самолетов фашистскому правительству Греции.

43 видных профсоюзных лидера Англии, в том числе генеральные секретари союза литейщиков и союза горняков, член генсовета Британского конгресса тред-юнионов и др., выступили с декларацией протеста против войны в Малайе, которая, как указывается в декларации, обходится в 31,5 тыс. ф. ст. ежедневно и которая „выгодна только крупным каучуковым и оловянным компаниям". Требование лейбористским правительством новых

[1] „Правда" от 13/IV 1949 г.

ассигнований на военные нужды говорит о том, что, несмотря на тяжелое экономическое и финансовое положение страны, лейбористское правительство упорно продолжает осуществлять губительную для страны империалистическую внешнюю политику.

В своем приветствии товарищу Сталину в связи с 31-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции Гарри Поллит писал: „Экономические победы и повышение жизненного уровня в Советском Союзе представляют собой яркий контраст в сравнении с осложняющимися экономическими проблемами Великобритании и понижением жизненного уровня, что усугубляется условиями плана Маршалла и перевооружением". В ряду экономических проблем Великобритании весьма важную роль играют проанализированные в нашей работе проблемы денежного обращения и платежного баланса. И в этой сфере СССР представляет яркий контраст по сравнению с капиталистическими странами вообще и с Англией — в частности.

Всем известно, что Советский Союз понес в войне неизмеримо более тяжелые материальные потери, чем Англия. Всем известно также, что Англия получила миллиарды долларов американских займов и „помощи" после войны, в то время как СССР не получал таких займов и „помощи". Между тем СССР сумел — и при этом несмотря на тяжелую засуху и неурожай 1946 г. — уже в последнем квартале 1947 г. восстановить довоенный объем промышленной продукции и, проведя в конце 1947 г. денежную реформу, полностью ликвидировать последствия войны в денежном обращении.

Государственный бюджет, дающий ежегодно большое превышение доходов над расходами, и непрерывно растущие товарные массы, пускаемые в оборот по устойчивым ценам, являются твердой опорой советской валюты. В то время как покупательная сила английского фунта стерлингов даже по официальному индексу „стоимости жизни" значительно снизилась в 1948 г., а реальная заработная плата рабочих упала, в СССР в 1948 г. покупательная сила денег повысилась вдвое по сравнению с предыдущим годом, а реальная заработная плата возросла даже более чем в два раза.

Новый бюджет 1949/50 г. в Англии связан с новым ростом цен, а следовательно, и со снижением ценности английской валюты — фунта стерлинга. Противоположную картину мы видим в СССР, где в том же, 1949 г., а именно с 1 марта, вновь снижены цены от 10 до 30% на важнейшие предметы потребления, в том числе на хлеб, крупу, мясо, сыр, ткани, обувь, а также на строительные материалы (цемент) и т. п. А это означает, что и в 1949 г. вновь „... поднялась покупательная способность рубля, улучшился курс рубля по сравнению с курсом иностранных валют, серьезно повысилась заработная плата рабочих и интеллигенции, значительно снизились расходы крестьян по закупке промышленных товаров" [1].

[1] Постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) „О новом снижении с 1 марта 1949 г. государственных розничных цен на товары массового потребления", „Правда" от 1/III 1949 г.

В Англии по сей день острый и затяжной кризис платежного баланса и серьезные валютные затруднения тяжело отражаются на экономике страны, на снабжении трудящихся масс. А СССР не испытывает ни малейших затруднений по линии своего внешнего обмена, по линии своего платежного баланса, так как имеет более чем достаточное количество валюты для оплаты того импорта, который необходим или желателен.

Внешнее валютно-финансовое положение СССР таково, что оно позволяет нашей стране оказывать финансовую помощь другим странам путем предоставления займов товарами и, если это необходимо, также „в золоте и в свободной валюте“ [1], причем эта помощь оказывается на условиях, ничего общего не имеющих ни с Вашингтонским финансовым соглашением, ни с „планом Маршалла“, так как она основывается на принципе неприкосновенности государственного суверенитета страны-заемщика, на принципах дружбы и равноправия сторон.

Эти контрасты ярко демонстрируют огромные преимущества социалистической системы хозяйства перед капиталистической системой хозяйства, сохранившейся в неприкосновенности в современной Англии при лейбористском государственном руководстве.

Как и вся политика лейбористского правительства в целом, так и его бюджетная и валютная политика велась и ведется в интересах английского монополистического капитала. Систематическое наступление на заработную плату и жизненный уровень рабочего класса имеет целью повысить прибыли монополий. Но если правые лейбористы и помогли английской финансовой олигархии усилить эксплоатацию английского пролетариата, то ни в какой мере им не удалось ослабить и тем более разрешить противоречия, которые раздирают английский империализм.

Эти противоречия являются выражением общего кризиса капитализма. Политика лейбористского правительства лишь способствовала обострению противоречий английской экономики, дальнейшему усилению кризиса английского империализма. Это находит свое яркое выражение в состоянии денежного обращения и платежного баланса Англии и в тех социально-экономических последствиях, которые имеют инфляция и валютный кризис.

* * *

18 сентября 1949 г., когда книга уже окончательно была подготовлена к выпуску в свет, английское правительство объявило о девальвации фунта стерлинга. Эта девальвация является, как было показано в книге, результатом послевоенного развития экономики Англии и ее денежной и финансовой системы, зависимости Англии от американского империализма, результатом обострения послевоенного валютного кризиса, теснейшим образом связанного с общей и финансово-экономической политикой лейбористского правительства.

[1] Из коммюнике о советско-чехословацких переговорах, происходивших с 7 по 15 декабря 1948 г. в Москве. „Правда“ от 16/XII 1948 г.

Во-первых, фактическое обесценение стерлинга, предшествовавшее формальной девальвации его, целиком и полностью обусловлено послевоенной финансовой политикой правительства. Вместо ликвидации последствий инфляции военного времени путем принудительного изъятия денежных накоплений буржуазии, награбленных ею за годы войны, финансовая и экономическая политика правительства способствовала дальнейшему усилению инфляции в послевоенные годы — росту товарных цен и фактическому обесценению стерлинга. В то же время сохранялся прежний официальный валютный курс стерлинга, установленный еще в самом начале войны (1 ф. ст. = 4,03 доллара США), который в результате инфляции оказался значительно завышенным.

Во-вторых, всей своей внешней политикой правительство Эттли — Бевина поставило Англию в зависимость от США в такой степени, что оно не могло не уступить требованиям финансовой олигархии США, заинтересованной в девальвации фунта стерлингов.

Лейбористское правительство, проводя жесточайшие меры валютной „экономии" — прежде всего за счет трудящихся — оправдывало эти меры необходимостью защиты фунта стерлингов, укрепления его позиций. Оно неоднократно заявляло, что не допустит девальвации фунта стерлингов. Однако и это обязательство, как и многие другие, лейбористское правительство не выполнило.

В середине 1949 г. Уолл-стрит резко усилил давление на Англию, требуя девальвации фунта. На сентябрь 1949 г. были назначены новые англо-американские переговоры. Как отмечала „Дейли Уоркер", США перед началом этих переговоров развернули в широких масштабах „холодную экономическую войну" против Англии с тем, чтобы „заставить английское правительство капитулировать".

Господствующая клика финансовой олигархии Англии вместе с лейбористским правительством совершила сделку с Уолл-стритом, конечно, за счет рабочего класса Англии. Эта сделка была окончательно совершена в начале сентября 1949 г. в Вашингтоне на совещании министров финансов США, Англии и Канады.

Газета „Нью-Йорк Пост" указывала, что требование девальвации фунта входило в те решения, которые были подготовлены правительством США для вашингтонского совещания: „Криппс и Бевин, — писала газета, — обнаружили это, когда приехали в США и согласились с этим. Криппс проиграл битву за фунт". Официальное коммюнике о совещании министров финансов скрыло тогда от общественного мнения самое главное: капитуляцию Англии в вопросе о девальвации фунта стерлингов, чтобы представить последнюю как якобы самостоятельный акт английского правительства. Но, кроме девальвации фунта, США в результате этих переговоров добились признания того, что должны быть приняты меры, которые предотвратили бы „вредное ограничение долларового импорта в стерлинговую зону", т. е. помогли бы США расширить свои рынки сбыта. Что же касается Англии и других стран стерлинговой зоны, то им в целях борьбы с долларовым кризисом рекомендуется осущест-

влять меры „экономии", которые и по признанию коммюнике „не являются приятными", ибо „принесут каждому трудности и лишения". Таким образом, англо-американские империалисты официально провозгласили политику дальнейшего нажима на трудящихся, в связи с чем лейбористское правительство, помимо „замораживания" заработной платы, намерено осуществить сокращение расходов на социальные нужды и другие меры, ухудшающие положение трудящихся. Вместе с тем Англия в результате этих переговоров капитулировала перед требованием США—открыть широкий доступ для экспорта американского капитала в страны Британской империи, что находится в тесной связи с капитуляцией Англии в вопросе о девальвации стерлинга. Совещание решило поставить перед комитетом при президенте США „... проблему создания побудительных мотивов и соответствующей обстановки для обеспечения высокого уровня частных капиталовложений".

Совершенно ясно, что означает эта „обстановка": США попросту требуют свободы капиталовложений для американских монополий в Англии и в странах Британской империи. Экспорт частных капиталов—вот, оказывается, новая панацея от всех бед: он должен, по мнению англо-американских финансистов, утолить или ослабить долларовый голод. В действительности же экспорт капиталов, во-первых, влечет за собой расширение экспорта товаров в соответствующую страну, а оплата последнего поглотит тот приток долларовой валюты, на который могут рассчитывать страны, импортирующие американские капиталы. Во-вторых, давным-давно известно, что ввоз капиталов связан в дальнейшем с оплатой дивидендов и процентов и поэтому порождает пассивность платежных балансов стран, импортирующих капиталы в значительных масштабах. Экспортом капиталов из США нельзя, в конечном счете, утолить долларовый голод.

Таким образом, план Уолл-стрита, одобренный на совещании представителей трех стран, —это план новой, широчайшей экспансии американского капитала и превращения в американские колонии всех стран, которые будут „облагодетельствованы" финансовой олигархией США.

Вслед за Вашингтонским совещанием трех министров финансов, открылась сессия директората Международного валютного фонда, на которой вновь было указано на необходимость проведения девальвации фунта стерлингов и других валют. Непосредственно вслед за этим английское правительство приняло решение о девальвации фунта стерлингов—о снижении его курса с 4,03 доллара до 2,80 доллара.

После сказанного выше поистине смехотворно выглядят попытки лейбористского правительства скрыть от общественного мнения своей страны капитуляцию Англии и представить эту меру, как якобы „самостоятельный акт" правительства Англии.

Девальвация фунта стерлингов означает сокращение в золотом выражении ценности всех стерлинговых обязательств, всех вкладов

в банках и сберкассах, всех твердопроцентных государственных и частных ценных бумаг и т. д. Это, естественно, вызвало панику на биржах: масштабы обесценения фунта стерлингов превзошли самые пессимистические предположения.

Поскольку фунт стерлингов является валютной основой денежных систем многих стран, входящих в стерлинговый блок или тесно с ним связанных, постольку девальвация фунта означает серьезное потрясение валютно-финансовой системы многих стран, означает перерастание английского валютного кризиса в мировой валютный кризис. В течение нескольких дней после краха фунта произошла девальвация валют 23 стран: Франции, Голландии, Канады, Дании, Швеции, Финляндии, Индии, Израиля, Египта, Австрии, Норвегии, Новой Зеландии, Ирландии, Южно-Африканского Союза, Исландии, Бирмы, Цейлона, Малайи, Бельгии, Португалии, Люксембурга, Италии, Греции. Крах фунта стерлингов показал абсолютное банкротство тех иллюзий, которые европейские страны связывали с „планом Маршалла", с американской „помощью", с деятельностью международных валютных и банковских институтов, призванных обеспечить экономическую и валютно-финансовую стабильность капиталистических стран после войны.

Девальвация 1949 года — это новая глава истории послевоенного валютного кризиса не только Англии, но и всего капиталистического мира. Можно с уверенностью сказать, что эта валютно-финансовая мера, связанная с ростом цен на ввозимое в Англию продовольствие и другие жизненно важные товары, в сочетании с лейбористской антирабочей политикой „замораживания" заработной платы, является новым тяжелым ударом для английского рабочего класса. Неизбежным результатом девальвации в Англии явится новое и весьма сильное снижение жизненного уровня трудящихся. Достаточно сказать, что немедленно же после девальвации в Англии были повышены цены на хлеб и муку на 30 процентов. Английские газеты писали, что за этим последует рост цен и на другие импортируемые из-за границы продукты питания.

Исполком коммунистической партии Англии заявил, что „решение провести девальвацию фунта стерлингов является самым откровенным и грубым шагом, предпринимавшимся когда-либо правительством в попытке переложить бремя развивающегося кризиса на плечи английских рабочих. Это является победой американских крупных капиталистов в их наступлении на национальную независимость и жизненный уровень английского народа. Это даст возможность миллионерам с Уолл-стрита по дешевке купить английскую промышленность".

Как в Англии, так и во всех других странах, осуществивших вслед за ней девальвацию валют, рост цен на ввозимые товары будет способствовать дальнейшему снижению реальной заработной платы. В то же время девальвация валют в той или иной степени позволяет монополистическому капиталу западноевропейских стран получать сверхприбыли на экспорте, т. е. обогащает капиталистов

за счет усиления эксплоатации трудящихся. Таким образом, эта финансовая операция чрезвычайно тяжела и мучительна для трудового народа.

Английские правящие круги не скрывают своего намерения и в дальнейшем перекладывать бремя испытываемых Англией экономических и финансовых трудностей на рабочий класс. Консервативные и лейбористские газеты в один голос заявляют, что девальвация „потеряет всякий смысл", если рабочие будут требовать повышения заработной платы. „Английские рабочие должны раз и навсегда понять, — провозглашает, например, „Санди Таймс", — что повышение заработной платы не может гарантировать стране здоровую экономику". О том же говорили в своих выступлениях по поводу девальвации министр финансов Криппс и премьер-министр Эттли.

Английские рабочие, уже испытывающие на себе последствия девальвации и роста цен, вовсе не склонны итти на новые жертвы во имя обогащения англо-американских монополий. В этих условиях правое руководство генсовета тред-юнионов, неизменно поддерживающее лейбористскую политику заработной платы, вынуждено прибегать к всевозможным маневрам для того, чтобы замаскировать свой сговор с капиталистами. При обсуждении вопроса о девальвации генсовет счел благоразумным временно „воздержаться" от какого-либо решения и заявил, что примет его после соответствующей „консультации" с Криппсом. Никто, разумеется, не сомневался в том, что генсовет в результате своих „консультаций" с Криппсом поддержит правительство.

Девальвация неизбежно приведет к обострению классовых противоречий и усилению классовой борьбы. Рабочий класс и впредь будет требовать повышения заработной платы: часть английских железнодорожников уже приняла решение работать замедленным темпом в знак протеста против отклонения их требования о повышении заработной платы. Конфедерация союзов судостроительных и машиностроительных рабочих, насчитывающая свыше трех миллионов членов, также предъявила требование об увеличении заработной платы. Такие же решения принимают и другие профсоюзные организации.

Подобные явления отмечаются и в других странах, проведших девальвацию своей валюты.

Девальвация валют обостряет конкурентную борьбу между капиталистическими странами. Она открывает широкий простор для наступления доллара на страны „стерлингового блока". Конечно, английские империалисты не сдадутся без боя, и, следовательно, надо ожидать дальнейшего усиления англо-американских противоречий, ожесточенного соперничества двух основных империалистических государств на экономической арене. В американских официальных кругах сомневаются даст ли вообще девальвация возможность англичанам значительно увеличить свой экспорт в долларовую зону. Между тем как раз именно это и является единственным

доводом, который лейбористское правительство смогло выставить в оправдание проведенной им девальвации фунта стерлингов.

Итак, дальнейшее обнищание трудящихся, усиление империалистической борьбы за рынки сбыта товаров, за сферы приложения капиталов и за источники сырья—таковы неизбежные последствия девальвации фунта стерлингов и других валют.

На фоне все более усиливающегося валютного хаоса и экономического кризиса в капиталистическом мире мощный и непрерывный подъем народного хозяйства и укрепление валюты в СССР и странах народной демократии ярко демонстрируют неизмеримые преимущества экономического строя СССР и стран народной демократии над отжившей свой век капиталистической системой производства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Введение 3

Глава 1. **Послевоенная инфляция в Англии и внутренняя финансовая политика лейбористского правительства**

1. Финансово-экономические последствия второй мировой войны для Англии 9
2. Бюджетные дефициты, рост государственного долга и усиление инфляции после войны 15
3. Характер инфляционного процесса в послевоенные годы. Обесценение денег, ухудшение материального положения рабочего класса 24
4. Отказ от политики „дешевых денег". Лейбористский „контроль" за денежным рынком и кредитной системой в интересах финансовой олигархии 34
5. Политика „замораживания" заработной платы и обострение классовой борьбы в связи с этой политикой. Позиция английской компартии в вопросе об инфляции 47
6. Лейбористский бюджет 1948/49 г. и вопрос о налоге на капитал 54
7. Расходы государственного бюджета 1948/49 г. Провал провозглашенного лейбористским правительством антиинфляционного курса 62

Глава 2. **Послевоенный валютный кризис и внешняя финансовая политика лейбористского правительства**

1. Внешние финансовые потери Англии в результате второй мировой войны. Политика финансовой олигархии США, направленная на подрыв финансово-экономической мощи Англии 72
2. Вашингтонское финансовое соглашение 1945 г. и его кабальные условия для Англии. 78
3. Анализ платежного баланса Англии после второй мировой войны 86
4. Валютный кризис 1947 г. 95
5. Стерлинговый блок и проблема девальвации английского фунта стерлингов. Англо-американские противоречия по этому вопросу 113
6. Англо-американское соглашение по „плану Маршалла" и его последствия для Англии 124

Послесловие и заключение 141

Редактор *И. Дворкин*

Техн. редактор *О. Денисова* Корректор *Я. Заборо*

Л 158 961. Сдано в произв. 12/III-49 г. Подп. к печати 24/X-49 г. Тираж 10 000. Ф. 6. 60 × 92 1/16. Печ. л. 10 1/4. Уч.-изд. л. 11 1/2. Кол. зн. в 1 п. л. 45 480. Цена 7 р. 50 к. Заказ 542

Типография им. Котлякова Госфиниздата СССР. Ленинград, Садовая, 21.